

**БИБЛИОТЕКА
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

МОСКВА 1952 ЛЕНИНГРАД

Л.ПЛАТОВ

**АРХИПЕЛАГ
ИСЧЕЗАЮЩИХ ОСТРОВОВ**

ПОВЕСТЬ

Издание второе, дополненное

Рисунки
Л. КОТЛЯРОВА

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая **УЧИТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ**

Непонятное началось с первых же его шагов. Стремительно растворилась дверь, и в класс вошел человек в распахнутой форменной тужурке, быстрый в движениях, не похожий на остальных педагогов реального училища.

Загрохотали крышки парт. Мы встали.

Пока дежурный читал молитву, новый учитель рассеянно смотрел в окно и ни разу не перекрестился, что было замечено всеми. Потом не поднялся на кафедру, как ожидали, а подошел к партам.

— Ну-с, — сказал он приятным баском, — будем, значит, путешествовать вместе... Кто любит путешествовать?

Недоуменное молчание было ему ответом. На задних партах неуверенно хихикнули.

Учитель был молод, лет двадцати семи, и если бы не очки, выглядел еще моложе.

У него было большое доброе лицо и простецкий, торчащий вперед нос, чуть раздвоенный на конце (обычно такие носы называют утиными). Лоб был не особенно высокий, но широкий, с выдающимися надбровными дугами, придававшими лицу выражение упорства и силы. Надо лбом нависала непокорная прядь светлых, почти соломенных волос, которую то и дело приходилось отбрасывать назад.

Замечена была еще одна интересная подробность: на часовой цепочке вместо брелока болтался миниатюрный компас. Может быть, это был талисман?..

И Петр Арианович (так звали нового учителя), казалось, удивился, познакомившись с нами. Получая назначение в Весьегонск, наверное, не ждал, что у него будут такие ученики.

С недоумением вглядывался он в Толстоносова, неуклюжего верзилу, сына местного лавочника и племянника протоиерея, усилиями всей родни, будто мешок с камнями, перегружавшегося из класса в класс.

Толстоносов топтался у карты и нерешительно тыкал пальцем куда-то между Уралом и Волгой.

— Выше бери, выше! — неслась через весь класс подсказка. — Ох, ты!.. Каму ищи, реку Каму. На ней Пермь...

Но Толстоносов не знал ничего и о Каме и мог только, сигнализируя полную растерянность, еще выше поднимать свои реденькие брови.

— Садитесь, Толстоносов, — говорил учитель с огорчением.

Огорчение тоже было непонятно. Не все ли равно учителю, что получит Толстоносов — кол или пятерку?

Сейчас мне кажется очень странным, почему предшественник Петра Ариановича так скучно преподавал географию — предмет, интереснее которого, по теперешнему моему, может быть пристрастному, мнению, нет ничего.

Помню, даже описание кругосветного плавания Магеллана, сделанное старым географом, разочаровало меня. Как! Все дело, стало быть, сводилось к корице, перцу и ванили?

Каждый день я ходил в училище мимо лавки Толстоносовых. За окном, на витрине, стояли баночки с перцем и сахарные головы в синей обертке. Над дверями висела вывеска: “Бакалейные и колониальные товары”. Согласно разъяснению Толстоносова-сына, бакалейными (или бокалейными) назывались мука и крупа, которые отмеривали покупателям, по старинке, бокалами. На уроке географии разъяснялся смысл и второго загадочного слова — “колониальные”.

Получалось, что Магеллан стремился к Островам Пряностей в обход Америки для того лишь, чтобы отец нашего Толстоносова мог в своей лавке торговать ванилью и перцем. Это уронило Магеллана в мои глаза.

Зато новый учитель умел повернуть самые обыкновенные вещи вокруг их оси так, что на них падал о ткуда-то яркий, волшебный, романтический свет. Что увлекательного, например, могло таиться в понятии “меридиан”? С первого класса мы зазубрили, что это “воображаемая дуга, соединяющая...” и т.д. От одного этого скучнейшего определения сводило в зевоте рот. Петр Арианович сумел за понятием показать человека, русско-го человека!.. Он рассказал нам, как измерили меридиан.

Сделал это скромный народный учитель Василий Яковлевич Струве, ставший благодаря своему трудо-любию первым директором Пулковской обсерватории. Зимой он занимался астрономическими наблюдениями, а летом забирался с геодезическими инструментами в леса Финляндии или на дюны Прибалтики, ночуя у кост-ра, добывая себе пищу охотой.

Гигантский труд занял чуть ли не четверть века. Струве измерил самый длинный отрезок дуги мериди а-на, какой когда-либо удавалось измерить — от одного края России до другого, от Ледовитого океана до Черно-го моря, — а это явилось ценнейшим вкладом русских в науку о Земле — географию.

Карта оживала под магической указкой учителя. Мы видели, как уточняются очертания берегов, меняе т-ся направление рек, всплывают посреди моря новые острова.

Петр Арианович с торжествующей улыбкой отбрасывал со лба волосы.

— Земля живет, — говорил он. — А карта — это зеркало Земли. Знаете ли, что не проходит часа, чтобы где-нибудь не совершалось землетрясения? Известно ли вам, что самое высокое в мире плоскогорье — Тибет-ское — миллионы лет назад было морским дном?.. Прибой — удар за ударом — разрушает берега, ветер — песчинка за песчинкой — горы. Природа не терпит застоя, неподвижности! Согласно гипотезе нашего соотече-ственника, в результате вращения Земли целые материки, со всеми своими горными кряжами, внутренними морями, реками, плоскогорьями, плывут с востока на запад в полужидкой магме, как льдины по воде ...

Петр Арианович взмахивал указкой, показывая маршрут материков.

— И главное, запомните: меняется не только Земля — меняется наше представление о ней! Когда-то Косьма Индикоплов втискивал Землю в сундук. Да-да, в священную скинию, в ящик! Но человеческой мысли было тесно там. Она взломала ящик изнутри. — Учитель делал быстрый, решительный жест, показывая нам, как мысль ломает тесный ящик. — Смелые путешественники раздвинули границы мира... Возьмите хотя бы Крайний Север (название-то какое — Крайний!). Еще в средние века моря, омывающие Сибирь, казались чело-веку пределом его дерзаний, концом света. А потом выяснилось, что конца -то краю нет, потому что Земля — шар!

При упоминании о Сибири учитель воодушевлялся. Север России, насколько удалось подметить, был его слабостью, его коньком. Иногда он до того увлекался описанием северных морей, что забывал спросить урок. Этим не замедлили воспользоваться лентяи. Когда с утрашающим душу шелестом учитель раскрывал журнал и произносил: “Ну-с, а теперь попросим к карте...” — и не выучившие урок втягивали голову в плечи, отводя от учителя взгляд, с первой парты приходило спасение:

— Извините, Петр Арианович, прошлый раз вы рассказывали о пловучих льдах. Мне интересно было бы ещё...

Это называлось “оттеснять на север”. Не подозревая заговора, Петр Арианович разъяснял недоуменный вопрос. Иногда — не слишком часто — подобными уловками удавалось отвлекать его от рокового классного журнала до тех пор, пока в коридоре не раздавался звонок на перемену. “Оттеснять” надо было с умом, не слишком назойливо. Класс облек своим доверием двух человек: Союшкина, первого ученика, а также пишуще-го эти строки, о котором в училище ходили легенды, что он “Майн-Рида знает на зубок”. Лентяи, расположив-шиеся на последних партах, чувствовали себя за нашими спинами в полной безопасности.

— Ну, братцы, выручайте! Сегодня не выучил урока, — объявлял на переменке какой-нибудь горемыка, останавливаясь передо мной и Союшкиным. — Вот и Толстоносков не выучил, и Пересядько, и Кошатников. Всем пропадать!

Толстоносков, Пересядько и Кошатников стояли тут же молча, с погребальным выражением на лицах.

И снова в напряженной тишине раздавался вкрадчивый голос:

— А вот еще скажите, Петр Арианович...

И лентяи на задних партах облегченно переводили дыхание.

— Как выглядят пловучие льды, хотите вы знать? — задумчиво повторял Петр Арианович.

Глаза его шурились, лицо светлело, точно вдали перед ним проплывала льдина, отбрасывая слепящие солнечные лучи от всех своих граней.

Он рассказывал не торопясь, с паузами, будто приглядывался к однообразному морю, постепенно разли-чая в нем всё новые и новые детали. Мне представлялось иногда, что это капитан стоит на мостике у штурвала, а мы — команда — смотрим на него снизу, ожидая, когда же он наконец крикнет: “Земля!”

Нам не пришлось долго ждать.

Осенью того года Вилькицкий открыл Северную Землю, и хотя ее, понятно, еще не было, не могло быть в учебнике, Петр Арианович на радостях посвятил открытию весь урок.

— Видите? Видите? — возбужденно говорил он, укрепляя карту на доске. — Просторнее делается мир. Раздвигается наша Россия... И вот карта негодна уже, устарела! Действительно, на нашей учебной карте к севе-ру от Таймыра все было закрашено в ровный голубой цвет. Петр Арианович торопливо подскочил к ней с ме-лом в руке и порывистыми штрихами изобразил мыс, основание которого наметил беглым пунктиром. Там пока новая земля еще не была исследована.

— Ледовитый океан называют “маре инкогнитум” — море неизвестное, — сообщил Петр Арианович, потряхивая на ладони таинственный компас-брелок и рассеянно улыбаясь своим непонятным для нас мыслям.

Удивительнее всего, по его словам, было то, что Северная Земля лежала совсем рядом с материком, в пятидесяти пяти километрах от мыса Челюскин. К ней приближались, мимо нее проходили, но так и не видели, не могли обнаружить в тумане. Плотная стена тумана стояла вдоль побережья Сибири, охраняя тайны Ледовитого океана.

— А говорят еще — нет белых пятен! — восклицал наш учитель, расхаживая по классу и с воодушевлением поглядывая на только что появившуюся на карте землю. — Врут, врут! Это лежебоки говорят, лентяи, которым с печи лень сойти, в окно выглянуть. Считали же когда-то, что Азия с Америкой — один материк. А пришли наши Дежнев, Беринг, Чириков, увидели — вода, пролив!.. И заметьте — всё большей частью простые люди: казаки, поморы, якуты-проводники! Или же лейтенанты морского флота, как Овцын, Малыгин, братья Лаптевы... Простые, простые люди! Не адмиралы, не члены академий королевских...

Мысль эта, видимо, доставляла ему особое удовольствие. Об открытии Северной Земли Петр Арианович говорил с таким волнением, словно это событие имело непосредственное и самое живое отношение к чему-то личному, очень важному для него.

Как сейчас слышу его низкий, чуть хрипловатый голос, повторяющий медлительно, в раздумье:

— Маре инкогнитум — море неизвестное... Море тайн, море тьмы...

Почему он был так увлечен этим морем? Почему рассказывал о нем с такими красочными подробностями, так ощутительно реально?..

Минули уже и рождественские каникулы; а новый учитель по-прежнему оставался непонятным, неразгаданным. Об этом свидетельствовало хотя бы то, что он до сих пор не имел прозвища.

По плохим школьным традициям того времени, мы наделяли прозвищами почти всех учителей. Это получалось легко, само собой. Математик был у нас Перпендикуляр, потому что держался чрезвычайно прямо, не сгибая шеи и спины. Законоучитель, отец Фома, назывался Лампадкой. — уж очень был елеинный, какой-то весь масляный.

Но для нового учителя прозвища не находили.

Могли ли мы ожидать, что прозвище для учителя географии придумают в недалеком будущем не школьники, а взрослые?

...Но теперь попрошу вас последовать за шумной гурьбой мальчиков, закидывающих за спину ранцы и обменивающихся веселыми тычками, спуститься вместе с ними по лестнице мимо заспанных, позеленевших от дождя чугунных драконов, которые охраняют вход в весьегонское реальное училище, и выйти на улицу.

Справа, над крышами домов, торчит каланча; слева, у подножия собора с ярко-синими маковками куполов, расползлись по площади лабазы.

Таков Весьегонск, уездный город, где я провел детство.

Глава вторая **ДУША ОБЩЕСТВА**

Это был очень скучный город.

Возможно, многие в нем готовы были поверить Косме Индикоплову, который помещал мир внутри сундука.

Им было, по-видимому, хорошо там, несмотря на тесноту и спертый воздух. А если крышка приоткрывалась над ними и пропускала немного света, они начинали метаться, зажмурив глаза, ударяясь сослепу о стены и больно ушибаясь...

Помню, как были все удивлены, узнав, что в энциклопедии упомянут наш город.

Этому не поверили. Кинулись к словарю, перелистали. Да, точно: после весов аптекарских и императора Веспасиана значился Весьегонск!

Мой дядюшка вышутил это “событие”.

— Чего хорошего-то? — спрашивал он. — Теперь все знают про нас, вся Россия. И в Петербурге знают и в Москве. А может, лучше бы не знали? — И, далеко отставив словарь, декламировал с ироническими интонациями: — “Весьегонск, уездный город Тверской губернии. Церквей каменных четыре, домов каменных четыре, деревянных семьсот пятьдесят девять. Грамотных среди городского населения пятьдесят семь и четыре десятых процента...” Это, стало быть, каждый второй неграмотный... — комментировал он, отрываясь от чтения. — Ага! Вот оно, вот-вот, самое смешное! “Герб города, — дядюшка возвышал голос, — герб города Весьегонска составляет черный рак на золотом поле¹...” — Живот его, выпиравший из-под пиджака, колыхался от беззвучного хохота. — Каково, а? Рак! У других, как полагается, лев там, единорог или сокол, а у нас — рак, снесь речная... А вы радуетесь, пляшете, в литавры бьете... Энциклопедисты!

Посмеявшись, весьегонцы отходили от полки с книгами.

— Шутник ты, Федор Матвеевич! Тебе бы придаться к случаю, ничего святого нет...

---

¹ Таков действительно был герб Весьегонска.

Этой своей репутацией шутника, для которого ничего святого нет, дядюшка дорожил, пожалуй, не меньше, чем недавно полученной медалью в честь трехсотлетия дома Романовых.

Не знаю, какую должность занимал он в городской управе, что-то мизерное — служил чуть ли не секретарем, хотя имел университетское образование. Положение его определялось, впрочем, не должностью. Дядюшка был в Весьегонске признанным остряком, душой общества.

Сама наружность соответствовала его призванию. Щеки были такие румяные и круглые, точно он хотел сказать: “Ф-фу, жара!” Борода расчесана на обе стороны, “на отлет”, и усы заботливо завиты кольцами. Только голос был нехорош: какой-то писклявый, квакающий. А из-за век поблескивали иногда беспокойные, злые огоньки.

Издавна он коллекционировал в нашем городе чудаков, как другие от нечего делать коллекционируют марки.

Так, был найден им старый, выживший из ума помещик, которому показалось, что он изобрел вечный двигатель. Потом в коллекцию угодил податной инспектор, увлекавшийся индусской философией и занимавшийся нравственным усовершенствованием по самоучителю.

Проходило немало времени, прежде чем коллекционируемые догадывались, что их, так сказать, поместили в вод стекло и насадили на булавку.

А дядюшка между тем резвился и шалил, как дитя.

Каждый раз он менял обличье и тон при встречах со своей жертвой. Иногда принимал вид добродушного сочувствия, спрашивал участливым голосом, не болен ли дражайший имярек. Рекомендовал домашние средства лечения, послабляющие, компресс из льда на голову и прочее. В другой раз изображал, наоборот, доверенного друга и даже наперсника тайн. Бормотал невнятно какую-то чушь, которая должна была означать, что он на правах единомышленника посвящен во все сокровенные замыслы своего “драгоценного приятеля”. Многозначительные подмигивания и покашливания, с которыми он через всю комнату адресовался к своей жертве, обычно вызывали шумный восторг зрителей. Называлось это “делать фигуру умолчания”.

Иногда мне представлялось, что дядюшка шутки ради прицепил себе фальшивую бороду, а в действительности он злой мальчишка, чуть постарше меня, второгодник, озорник, из тех, которые любят мучить малышей.

С годами, однако, дядюшка стал сдавать.

— Э-эх, посмотрели бы вы, какой он раньше был! — рассказывали старожилы. — Пикадор! Либерал! Самому исправнику к фалдам бумажного чертика на маскараде прицепил. Чуть до дуэли не дошло! Вот как!.. Ну, а теперь не то, нет...

И старожилы грустно качали головами.

— Что это с тобой, Феденька? — спрашивали они с участием. — Не болен ли ты? Не то у тебя выходит, знаешь ли!..

Сам дядюшка чувствовал, что не то. Он мог поперхнуться водкой, чего с ним ранее не случалось, мог забыть припасенный с утра экспромт, повторить в один вечер тот же анекдот и только по смущенным лицам друзей догадаться, что снова не то.

Постарел-поглупел? Нет. Он понимал, что дело в другом.

Коллекция нуждалась в пополнении.

В это-то критический для него момент замаячила на горизонте коренастая, невысокая фигура, двигающаяся по улицам Весьегонска быстро, почти бегом. Полы старомодной черной крылатки раздувались. Толстая палка бодро постукивала по тротуару.

Чудак? Несомненно. Но какой масти чудак? В чем суть его чудачества?

Оказалось, по наведенным справкам, что Петр Арианович Ветлугин — сын местного почтового чиновника, умершего несколько лет назад. Чиновник ничем примечателен не был, кроме того, что из последних средств, отказывая себе во всем, старался дать сыну высшее образование. “В этом, — говорил он друзьям, — вся моя мечта, утверждение жизни...”

Мать Петра Ариановича, тихая, чистенькая старушка, почти неслышно жила в одном из весьегонских переулков, снимая квартиру у вдовы исправника. Сын по приезде из Москвы поселился там же...

Исправница была поразительно глупа даже для Весьегонска. Гренадерского роста и осанки, с багровым неподвижным лицом и мелко завитым шиньоном а ля вдовствующая императрица Мария Федоровна, она говорила басом и слово “монпансье” произносила в нос с такой выразительностью, что на подсвечниках звякали стекляшки.

Когда ее обокрала горничная, она ездила по знакомым и с порога объявляла трагически: “Finita la comedia!”¹. Затем, не снимая шляпы, грузно опускалась в кресло и, приняв чашку с чаем, переходила к подробностям.

Однажды, трясая шиньоном и подмигивая (у нее был тик, придававший значительность каждому сказанному ею слову), она возвестила слушателям, что ее квартирант — чудак. Чудачества его начинались с утра.

— Телешом, да-с, почти что телешом выбегает во двор, — рассказывала она вздрагивающим голосом, — и ну, знаете ли, снегом посыпать себя!

Дамы всплескивали руками.

---

¹ “Комедия окончена!” (итал.).

Зрелище голого по пояс человека, выбегающего на мороз и обтирающегося снегом из сугроба, привлекало любопытных. У окон теснились жильцы. В задумчивой позе, наподобие монумента, застыл дворник с лопатой, расчищавший дорожки.

— Мне-то какво, а? — негодовала исправница. — У меня не цирк, у меня дом! Хочешь кувыркаться в снегу, вон поди! В цирк, в цирк!..

Узнав о пересудах, Петр Арианович вскоре перенес свои обтирания в сенцы, куда ему приносили снег в лохани.

Станным казалось также, что приезжий не курит, не пьет.

— Я, признаться, как-то не вытерпела. “Вы, — говорю, — Петр Арианыч, может, из секты какой-нибудь? Молоканин, штундист?” Посмотрел на меня через очки свои, будто, знаете, пронзил взглядом! “Нет, — отвечает, — Серафима Львовна. Просто берегу себя”. — “А для чего бережете?” — “А для будущего”, — говорит. “Для какого же будущего, позвольте узнать?” Молчит!..

В городе не удивились, узнав, что дядюшка уговорил, нового учителя прийти к нему. В тот вечер он пригласил гостей “на чудака”, как приглашают на блины или уху:

...С Петром Ариановичем дядюшка сразу же поспешил стать на короткую ногу.

— Боже мой, я ведь тоже в Москве, в университете ... — бормотал он. — Ну как же, боже мой!..

И, легонько обняв гостя за талию, притопывая, начинал:

— Гаудэамус игитур¹...

Гость не подтягивал. Он стоял посреди гостиной, свесив свой молодецкий чуб и поглядывая на нас исподлобья.

— Это племянник ваш? — спросил он, заметив меня и подавая мне руку. — Столько на уроках спрашивает всегда... Любознательный!

— Как я! Точь-в-точь, как я! — заспешил дядюшка, потирая руки, поеживаясь и похихатывая, будто только что выскочил из-под холодного душа.

Он начал расставлять ловушки непонятному человеку еще за чаем, но осторожно, опасаясь, как бы не спугнуть. Когда же гости уселись играть в лото, дядюшка свернул разговор на географию: нюхом чуял, что смешное — то, за чем охотился — связано с географией.

— Вот вы говорите: Вилькицкий, Вилькицкий, — донесся до меня квакающий дядюшкин голос. — А что хорошего-то? Подумаешь: клочок тундры нашел! Или какие-то две скалы в океане... Это не Пири, нет.

— Открытие Вилькицкого считаю еще более важным! — с горячностью отвечал учитель. — Самое значительное пока географическое событие нашего времени.

— Ой ли?

— Да ведь земля!.. И не две скалы, как вы говорите, а архипелаг! По территории, думаю, не меньше, чем, скажем, Бельгия или Ирландия... А принципиальный смысл открытия? — Петр Арианович отодвинул кубики лото. — Нашли землю там, где не рассчитывали ничего найти...

Меня усадили за чем-то из комнаты, а когда я вернулся, наш учитель уже стоял, держась за спинку стула и сверху вниз сердито глядя на дядюшку.

— ...потому что американцы — вот что! Не нашим чета, — втолковывал ему дядюшка.

— Американцы? — переспросил Петр Арианович и фыркнул. — А чем они встретили своего Пири, знаете?

— Ну те-с?

— Помоями. Ушатом помоев.

— Почему?

— Другой путешественник, Кук, представил доказательство, что побывал на полюсе раньше Пири.

— Пири, конечно, в амбицию?

— Еще бы! Подумайте, в каком оказался положении! Газеты подняли шум...

— Нехорошо.

— Чего хуже! Сплетни, гадость. Как в последнем уездном городишке... Пири обвиняет Кука в том, что тот подкупил своих спутников. Кук обвиняет Пири в многоженстве... А выражения!.. Я в Москве, в Румянцевской библиотеке, читал — там получают американские газеты. “Живые свидетели пакостей Пири!”, “Человек с греховными руками!”, “Похититель денег у детей!”, “Покрыт паршой невыразимого порока”... Фу, мерзость!

— Стало быть, не Кук открыл?

¹ Начало студенческой песни “Будем веселиться, друзья” (лат.).

— Кук до полюса не дошел пятисот миль. “Величайшая мистификация двадцатого века” — так писали газеты потом. А вы говорите — американцы!.. Рекорд, сенсация для американца — это все! Славу спешат заменять на деньги...

Петр Арианович быстро прошелся по комнате:

— Рекорд? Согласен. Но не географическое открытие. Даже глубины подо льдом не смог промерить. Троса не хватило. Слышите ли, троса!.. А возьмите плавание Текльтона. Это уже совсем недавно, наши дни. Его протащило во льдах по окраине Восточно-Сибирского моря. Тоже спешил к полюсу, видел только полюс впереди. И потому прошел мимо замечательного открытия, проглядел, прозевал!.. Уж потом другие разобрались и поняли, что... — Он запнулся и замолчал.

Впоследствии Петр Арианович рассказывал мне, что его поразила наступившая в гостиной тишина. Смолкли разговоры за столом и мерный стук кубиков, лото. Шеи гостей по-гусиному были вытянуты в его сторону.

Здесь были самые разнообразные лица — одутловатые и длинные, багровые и бледные, — но все они сохраняли одинаковое выражение напряженного ожидания.

Прикрыв коротенькими пальцами выигранные гривенники, исподлобья смотрел на него училищный священник, отец Фома, в фиолетовой рясе. Рядом помаргивала и трясла шиньоном исправница. Помощник классных наставников, Фим Фимыч, выкликавший номера лото, застыл с кубиком в руке. Рот его, растянутый в улыбке, западал так сильно, что, казалось, все лицо можно сложить пополам. А впереди всех, верхом на стуле, восседал дядюшка.

— Да-да, другие разобрались и поняли, сказали вы? — нетерпеливо повторил он, подавшись всем туловищем к гостю.

Петр Арианович нервным движением поправил очки.

— Нет, ничего, так... — пробормотал он садясь. — Мысли вслух... И, конечно, некстати...

После этого он перестал бывать у нас, несмотря на все ухищрения моего дядюшки.

Он решительно не желал пополнять собой его коллекцию.

Глава третья **СВЕТ В ОКНЕ**

А в училище больше всех интересовались учителем я и мой друг Звонков.

Дружба наша началась на уроке арифметики, при довольно странных обстоятельствах.

В ту зиму я долго болел, а когда опять явился в класс, за моей партой сидел новичок — стриженный, черненький, на вид бука, с толстым лицом и забавно вздернутым носом.

Условия предложенной классу задачи выглядели, кажется, так: два путешественника отправились из пункта А в пункт Б, причем, как водится, один позже другого. Требовалось узнать, через сколько времени второй догонит первого, если... И так далее.

Покосившись на соседа, я увидел, что он отложил перо и рассеянно смотрит в угол, шевеля губами. — Ты что? — шепотом спросил я.

— Да вот не пойму, почему второй догонял первого, — также шепотом ответил он. — Может, сыщик был? Или мститель?

Я задумался.

— И что за пункты такие? — продолжал бормотать сосед. — А и Б?.. А и Б?..

— Если А — это Африка, — неуверенно предположил я. — Б — Бразилия... Тогда можно понять. Оба путешественника добывали алмазы в Африке на копях...

— Ага! И первый у второго похитил алмаз? Обстановка уточнялась. Было совершенно очевидно, что составители задачника Шапошников и Вальцев умолчали о многом. Одна красочная подробность выяснялась за другой.

— А тот — в погоню за ним...

— На шхуне через Атлантический океан...

— Да, на шхуне... Настигает его в Бразилии на берегу и...

— Звонков Андрей, — донеслось до нас издали. — Какой ответ получился у тебя, Звонков?

Мой сосед медленно поднялся и застыл потупясь. Поза его говорила сама за себя.

Глаза математика остановились на мне, он ласково кивнул. Я вздохнул и тоже поднялся...

Нас оставили в наказание без обеда. (Впрочем, судьба, говорят, поступала так не раз и со взрослыми мечтателями.)

Сидя рядышком в пустом классе, мы некоторое время приглядывались друг к другу.

— Слушай, — произнес мой сосед, видимо проникшись ко мне доверием, — тебя лупцуют дома?

— Нет, — ответил я нерешительно. — А тебя?

— Ого!.. Еще как!

Отец Андрей, конторщик на речной пристани, овдовел в прошлом году. После этого характер его переменился. Он начал пить запоем, как умеют только отчаявшиеся вконец русские люди. В пьяном виде он стано-

вился страшен, смертным боем бил сына, если тот подвертывался под руку, жег его учебники и тетрадки, выгонял из дому на мороз или под дождь. Протрезвившись, был тих, плакал, просил прощения.

— Рассерчал я раз на него, — рассказывал мой сосед, — решил совсем из дому уйти. Ну тебя, думаю, к богу с пьянством с твоим...

— Уйти?... А куда уйти?

— Ну, мало ли куда! На Волгу к плотовщикам. Или к верному морю, в Одессу. А там — юнгой на корабль...

— Не ушел все-таки?

— Не ушел. Вернулся из Рыбинска.

— Почему же так?

— Отца жалко стало...

Он неожиданно улыбнулся, немного сконфуженно. Улыбка у него была замечательная. Улыбались не только рот и глаза, но даже нос, который забавно морщился, будто владелец его собирался чихнуть.

Так в то томительно длинное, голодное “безобед” завязалась моя дружба с Андреем Звонковым...

Кто лучше меня мог понять его? Нет, в доме тетки, у которой я жил, никто не “лущевал” меня, но что из того? Иной раз с горя тоже хотелось податься куда-нибудь на Волгу или в Одессу.

Мы с дядюшкой не терпели друг друга.

Возможно, ему неприятен был мой приезд (меня к ним привезли совсем малышом). Во всяком случае, он хмурился, когда в сопровождении тетки входил в гостиную, посреди которой стоял я.

Потом сразу же заулыбался и стал тормозить меня, спеша завязать знакомство, в котором не был заинтересован. Дети очень чутки ко всякой фальши.

Заметив, что я дуюсь, тетка, добрая женщина, решила исправить положение. Она сказала:

— Что ты, Леша, такой? Дядя шутит. Дядя всегда шутит. Он будет тебе вместо папы.

— Мой папа умер, — сказал я, глядя в пол.

И как ни уговаривали меня, я повторял эти слова упрямо, как заклинание, изо всех своих детских сил защищаясь от чужого человека с неискренней улыбкой, которого хотели навязать мне в папы.

— Чудак какой-то! — сказал дядюшка отходя. Этими словами он как бы вынес приговор. Он презирал чудачков.

С годами антипатия между нами углублялась. Видимо, все более определялось во мне то, что он считал проявлением смешного чудачества.

Не раз, подняв глаза от книги, я ловил на себе его испытующе-недоброжелательный взгляд.

— И в кого такой? — говорил он, поворачиваясь к тетке. — Никогда у нас не бывало таких... — И проществовал: — Ой, смотри, Алексей, зачитаешься, мозги свихнешь! Фантазии до добра не доведут... Слышал поговорку: “Чудак все таланты имеет, а главного нет: таланта жить...”

Или принимался вышучивать.

— Алексей уже пугач прочистил, — сообщал он тетке, — и кусочки сахара стал откладывать. Остановка за двойкой по арифметике. Двойку получит — и к индейцам сбежит.

И сам смеялся своей выдумке.

Бывало по вечерам от нечего делать он начинал придирается к моей наружности:

— Ну разве путешественники такими бывают? Погляди на себя в зеркало, погляди! Подбородок — как у девочки, брови жиденькие... А нос?..

Я глядел на себя в зеркало и тосковал. Возразить дядюшке было нечего. Я не любил своего лица. Характер на нем был намечен пунктиром.

Сделав уроки, я спешил взяться за книгу, торопливо распахивал ее, как окно в другой, яркий, залитый солнечным светом мир. Однако и сюда из глубины комнаты доносился противный, квакающий смех...

Так тошно делалось от этого кваканья за спиной, что я откладывал книгу и кидался к выходу.

— Леша, куда?

— К Андрею. Уроки делать...

Перебежав улицу, я приткнулся к стене дома и издавал условный свист. Троекратный, согласно хорошим романтическим традициям!

Тотчас в окне появлялся силуэт моего приятеля. Я видел, как он мечется по кухне, торопливо натягивая шинель.

— Андрюшка, куда?

От грубого голоса его отца дребезжали стекла.

— “Куда, куда”! — бранчливо отвечал Андрей. — Сами знаете куда. К Лешке. Уроки готовить...

Он кубарем скатывался с крыльца, и мы мчались по улице, будто подхваченные снежным вихрем.

В кружащейся белой пелене возникали справа и слева низенькие домики с нахлобученными по самые, окна крышами.

Одна игра сменяла другую. То мы пробирались вдоль заборов, сжимая в руках воображаемые карабины, то перепрыгивали через канавки и сугробы, “сбивая след”. А если нас нагонял случайный прохожий, трусивший по тротуару озабоченной рысцой, мы сопровождали его иногда до самого дома, оберегая от предполагаемых преследователей.

Город в эти часы принадлежал только нам. Он волшебным образом преображался. Собор, купол которого нависал над улицей, превращался в вершину Скалистых гор. Сами улицы казались то ущельями, то руслами рек. И мы без устали кружили в этом маленьком, выдуманном нами мире, как белки в колесе, подгоняемые своим воображением.

Вспоминая сейчас это время, понимаю, что мы грезили на ходу. Свойство возраста!..

А когда надо было расходиться по домам, наши спутники — индейцы в длинном, до пят, перьевом уборе, пираты со сверкающими кинжалами в зубах, переодетые графы и герцоги в черных полумасках, сгорбившись, исчезали в переулках. Улицы были пустынные и тихие. Лишь снег негромко поскрипывал под ногами. Мелькали мимо низенькие дома, провожая нас тусклым взглядом подслеповатых окон...

Но однажды мы увидели яркий свет в окне.

— Вон лампу зажгли, — сказал Андрей без особого интереса. — У исправницы...

Подле невысокого деревянного дома стояло дерево. В столбе света, падавшем из окна — почему-то он был зеленым, — иней на ветках искрился подобно стеклярусу на празднично убранной елке.

— Отчего зеленый?

— Лампа под абажуром, — пробормотал Андрей и отвернулся.

Я собирался сделать то же, как вдруг к окну подошел человек и отдернул штору.

Это был наш Петр Арианович.

Нет, он не заметил меня. Он смотрел поверх моей головы, куда-то вдаль, со знакомым, задумчиво-рассеянным выражением. Таким бывало его лицо на уроках, когда он рассказывал о северных морях.

— О! Петр Арианович!..

Он отошел от окна, позабыв задернуть штору. Комната была теперь хорошо видна. Множества карт лежало повсюду — на столе, на узкой койке, даже на полу. В углу возвышалось громоздкое сооружение наподобие чана, в котором тускло отсвечивала вода.

Что бы это могло быть?

Лампа под зеленым абажуром бросала спокойный круг света на исписанный до половины лист бумаги.

Несомненно, именно здесь, в этой тесной комнате, доверху набитой географическими картами, на столе, заваленном раскрытыми книгами, скрывалась тайна нашего учителя.

Потянувшись, Петр Арианович вернулся к чану.

Мы, поднявшись на цыпочки, продолжали смотреть в окно.

Стоя к нам спиной, учитель географии что-то сделал с чаном, от чего тот стал медленно вращаться. По потолку над ним побежали, закружились светлые пятна. Ага, это учитель нарезает ножницами бумагу на маленькие кусочки и бросает зачем-то в воду...

Я знал, что нехорошо подглядывать в окна, но так уж случилось в тот вечер. В извинение себе и Андрею могу сказать только, что подглядывание продолжалось не более двух или трех минут.

Старушка в чепце, сидевшая у стола с вязаньем — вначале мы не заметили ее, — что-то сказала, посмотрев в глубь комнаты. Тотчас оттуда протянулась узкая смуглая рука и задернула штору.

Андрей тихонько выругался...

С того вечера мы зачастили в переулок, где жил учитель. Тайна притягивала нас, как магнит. Прижавшись к изгороди или втиснувшись между присыпанными снегом кустами, мы надолго, в ожидании новых чудес, замирали перед освещенным окном. Но штора больше не раздвигалась...

Между тем туман таинственности, как выражался дядюшка, сгущался вокруг учителя все больше и больше.

— Оригинал, своеобразного ума человек, — с двусмысленной улыбкой говорил помощник классных наставников Фим Фимыч. — На почтамте даже удивляются: состоит в переписке чуть ли не с половиной России!.. Письма на его имя приходят из Москвы, из Петербурга, из Архангельска. Даже, можете себе представить, из Якутска!

— Непонятно! Из Якутска — в Весьегонск?! — изумленно спрашивал дядюшка. — Кто же может ему писать? И о чем?

Фим Фимыч разводил руками.

Ему пришлось развести их еще шире, когда стало известно, что во время ледохода учитель, как маленький, пускал с ребятами кораблики.

Да, так оно и было. Мы видели это с Андреем собственными своими глазами.

Обычно ледоход в наших местах начинается в первой половине апреля. Однако в том году весна была необычайно ранней. В середине марта вдруг потеплело... Подули южные ветры, снег растаял, и по реке поплыли льдины.

Тотчас ребята, жившие вблизи реки, и мы в том числе, кинулись туда. Наперегонки с нами бежали ручьи.

Делая плавные повороты, неторопливая Молога текла среди бурых огородов и деревянных домиков, вплотную подступивших к воде. Тоненькие льдинки кружились в завихрениях пены и задевали за низко нависший прибрежный кустарник.

Ярко сверкали на солнце кресты собора. Бамкал колокол на звоннице. День, к нашему удовольствию, был воскресный.

Мы стояли с Андреем в толпе на деревянном мосту, навалившись грудью на перила, оцепенев от восторга.

— Глянь-ка, учитель! — удивленно сказали рядом.

Я посмотрел на берег, но увидел только стадо гусей. Надменно озираясь, они проследовали огородами к реке.

— Левее, левее!.. Вон там, — подтолкнул меня локтем Андрей.

Действительно, левее, у самой воды, я увидел учителя географии.

В своей развевающейся черной крылатке, в сдвинутой на затылок чиновничьей фуражке, он неторопливо шел по берегу, сопровождая игрушечный деревянный кораблик. За ним, соблюдая приличную дистанцию, двигалась гурьба зареченских мальчишек, мал мала меньше, в отцовских просторных ватниках и хлопающих по икрам сапогах.

— С ребятами связался! — вздохнул кто-то в толпе.

В руках у Петра Ариановича был длинный шест, которым он отталкивал кораблик подальше от берега. Иногда учитель останавливался, вынимал часы и что-то торопливо записывал в книжечку.

Нет, видно, он не просто забавлялся. Вот послунил указательный палец, поднял вверх. Из Майн-Рида я знал, что так определяют направление ветра.

Странная процессия приблизилась к мосту.

Волнение охватило меня. Не знаю, чего я ждал. Быть может, чуда? Хотелось, чтобы мановением своего жезла Петр Арианович превратил игрушечный кораблик в настоящий ледокольный пароход с высокими бортами и мачтами, на которых развевались бы разноцветные сигнальные флажки...

Но этого не случилось.

Осторожно придерживая шестом кораблик, Петр Арианович направил его под мост. Почетный конвой в отцовских ватниках и сапогах забежал вперед, чтобы лучше видеть. Мы перевесились через перила.

Кораблик, который несло прямо на бык моста, сделал разворот и обошел препятствие зигзагом. Льдины стиснули и затопили его уже по другую сторону моста.

— Доигрался? — беззлобно спросили сверху.

Петр Арианович поднял лицо. Оно было разгоряченное, потное и радостно улыбалось, точно учитель нашел решение давно мучившей его загадки. Фуражка держалась на самой макушке.

— Чудак! — сказали в толпе скорее недоумевающим, чем укоризненным тоном.

Глава четвертая **ЧЕЛОВЕК С ТЕНЬЮ**

Чудак ли?..

Наше представление о чудаках было иным. Нам рисовался сварливый старик, с угловатыми движениями, в глубоких калошах, разгоняющий зонтиком ребят, играющих в бабки перед окном его кабинета.

Петр же Арианович выглядел почти нашим сверстником. Что-то мальчишеское, очень привлекавшее нас, было в нем, какая-то веселая, размашистая удаль. Увлечшись изложением своего предмета, он не мог усидеть на месте — принимался бегать по классу, то и дело откидывая со лба прямые светлые волосы.

Замечено было, что в классе некоторые уже практикуются в этом откидывании волос, подражая учителю, — верный признак, что учитель нравится.

А как он рассказывал! Кто бы мог еще так рассказывать?..

И потом, у него была тайна, что выгодно отличало его от остальных известных нам людей...

В середине зимы в училище была доставлена посылка на его имя. Мы с Андреем видели через стеклянную дверь учительской, как он распаковывал объемистый ящик. Ничего необычного там не оказалось, только книги.

Петр Арианович бережно, обеими руками, вынимал их одну за другой, перелистывал, сдувал с переплетов пыль.

В тот день наш учитель не остался на репетиция спектакля, который, готовила вод его руководством старшеклассники, — сразу после уроков побежал домой, прижимая к себе стопку книг. Видно, ему не терпелось просмотреть их.

Книга были, наверное, интересными, потому что после их получения настроение нашего учителя заметно улучшилось. Чаше обычного он откидывал волосы со лба. На широких скулах рдел румянец.

С воодушевлением рассказывал он об эпохе великих русских географических открытий, прослеживая по карте путь храброго Василия Бугра или хладнокровного Бузы Елисея.

Архангельские поморы, мангазейские купцы, казаки якутского острога двигались на север и восток чаще всего по воде, зигзагом, то спускаясь многоводными сибирскими реками в тундру, то по их притокам забираясь в недра тайги.

Отважные русские люди даже решались выходить в океан на своих утлых кодах.

Это были широкие плоскодонные лодки, которые шли обычно на веслах и лишь при попутном ветре — на парусах. Парусами служили сыромятные оленин шкуры. В кечах не было ни одного железного гвоздя, ни одной скобы. Даже якорь делали из дерева, а для тяжести прикрепляла к нему камни.

— Какую смелость надо было иметь, — восклицал Петр Арианович, — какими искусными быть мореходами, чтобы на таких суденышках совершать вылазки в Ледовитый океан!.. Недаром наш Ломоносов сказал: “Колумбы!.. Колумбы русские!..

Петр Арианович признавал, что сравнение удачно и есть много общего в двух этих, встречных людских потоках, почти одновременно с разных концов, огибавших землю. Но были и важные различия между западноевропейскими и русскими Колумбами.

Западноевропейские, по его словам, становились в случае удачи вице-королями, наместниками, губернаторами, получали богатую долю в доходах, награждались гербами, поместьями, титулами, русские же как были, так и оставались простыми людьми. Сам народ присвоил им общий скромный титул — “землепроходцы”.

— Конечно, и личная выгода имела значение, — пояснял Петр Арианович, — но забота о славе отечества была у русских открывателей земель на первом месте!.. До нас дошли слова Василия Тимофеевича Аленина, более известного под именем Ермака: “Постоим же крепко, я память наша не оскудеет в сих странах, и слава об нас пойдет во веки”.

Петр Арианович победоносно оглядывал класс.

— Мало того, — сказал учитель, таинственно понижая голос, — иностранные шпионы из кожи лезли вой, чтобы разузнать о морском пути в Индию вдоль Сибири. Большинство наших открытий поэтому сохранялось в секрете. Некоторым так и суждено было погибнуть в архивах. Даже о плавании Дежнева узнали только спустя сто лет. Петр Первый послал Беринга проведать, сходится ли Америка с Азией, не зная, что Дежнев уже решил эту задачу... Я прочту вам, что писал об этом русский мореплаватель Федор Литке... — Петр Арианович вытащил из кармана записную книжку. — “История первых покушений россиян в Ледовитое море, — прочел он вслух, — и постепенных открытий всех мест, оным омываемых, представила бы, конечно, не менее удивления и любопытства достойных подвигов, как и подобная история норманнов: но все они скрыты от нас непроницаемой завесой неизвестности...” Непроницаемой ли, вот вопрос!

Петр Арианович прервал чтение и, заложив пальцем страницу, многозначительно посмотрел на нас поперечков:

— Не все архивы подняты, далеко не все. Много документов, относящихся к эпохе великих русских географических открытий, не опубликовано... Представьте: какому-нибудь счастливцу географу вдруг удалось бы приподнять завесу, на которую жаловался Литке...

Он замолчал, досадливо морщась и покашливая, как бы сердясь на себя за то, что сказал лишнее.

Несомненным было одно: из всех географических открытий XVI, XVII и XVIII веков больше всего интересовали нашего учителя открытия на Крайнем Севере России, и именно в той его части, что примыкает к Америке.

Почему?

Ответ на этот вопрос дала исправница, первая вестовщица в городе, явившись к нам в гости с очередной новостью.

— Учитель-то! — не сказала, а выдохнула она, монументально возникая на пороге.

— Что учитель?... Милости просим! Да входите же, Серафима Львовна!

Парадным шагом, как была — в шубе и ботах, исправница прошла по комнате и рухнула в кресло.

— Голубушка, Серафима Львовна! — всполошилась Тетка. — Что случилось? На вас лица нет!

Исправница торопливо расстегнула шубу, вытерла платком распаренное, багровое лицо и устала на слушателей.

— Учитель-то! Жилец мой! — повторила она.

— Что? Ну что?

— Человек с тенью!

— Как так?

— А так! Не то ссылаясь, не то привлекался... Его мать проговорила вчера... В общем, верно вам говорю: человек с тенью.

— Позвольте, — усомнился дядюшка. — Если ссылаясь, то как же в училище преподает? Ему не разрешили бы.

— Не знаю, не знаю. Привлекался, подозревался... Что-то такое, в общем...

Дядюшка задумался и некоторое время барабанил пальцами по столу.

— Это, знаете ли, идея!.. — начал он бодро.

Но тут с колен у меня, к моему ужасу, со стуком свалилась книга. Потрепанные страницы Майн-Рида разлетелись по комнате.

— Опять ты здесь! — раздраженно воскликнул дядюшка. — Зачем ты здесь? Вот наказание с тобой!

— Наш Леша — странный мальчик, — пожаловалась тетка гостье. — Почему-то всегда со взрослыми, в гостиную... Будто в доме места нет.

Да, в доме было много места, но более уютного, чем здесь, не было.

Часы после уроков я предпочитал проводить в гостиной, укрывшись за карликовой комнатной пальмой. Возможно, что за фикусом или геранью я не чувствовал бы себя так хорошо. Все-таки это была пальма, хоть и в кадке. Шорох ее метелкообразных листьев наведal приятное настроение. Голоса взрослых доходили сюда, как бы пробиваясь сквозь густые тропические заросли.

Но слова исправницы я услышал ясно.

“Ссылный?.. Вот как! — думал поспешно собирая с полу разлетевшиеся страницы. — Может, отбывал ссылку в Сибири? Может, бежал оттуда?..”

Это было важно. Это давало новое направление нашим с Андреем догадкам.

Я зашвырнул, книгу на самый верх этажерки, схватил первые попавшиеся под руку учебники и кинулся с ними к выходу.

— Леша, куда? — окликнула тетка из гостиной.

— К Андрею. Дали задачу на дом. Хочу проверить решение...

“Человек с тенью”... Петра Ариановича преследуют! Тень — это преследователь! Кто-то идет за Петром Ариановичем по пятам!

Мне представился наш учитель географии в своей развевающейся крылатке, перебегающий улицу. Ночь. Луна. Мгновенно улица пуста. Затем из-за угла, ярко освещенного луной, медленно выдвигается злобный силуэт. Только тень! Самого человека не видно...

Кто же он такой — наш учитель географии? Почему его преследуют?

— Ссылный, понимаешь? — втолковывал я Андрею. — Был ссылкой. Долго скитался по Сибири...

— Может, с рудника бежал?

— Ага! Прятался в тайге...

— Переплыл Байкал...

Мы то вскакивали с места, то снова садились, то снижали голос до шепота, то принимались кричать друг на друга. Все правдоподобнее становилась наша догадка-вымысел, разматываясь виток за витком, как волшебная, далеко уводящая нить.

И когда Андрей, прикинувшись простачком, вдруг спросил Петра Ариановича на уроке, не бывал ли он в Сибири, а тот, вздохнув, ответил, что за всю свою жизнь из Центральной России никуда не выезжал, мы только многозначительно и важно, переглянулись.

Еще бы! Станет он на уроке выкладывать всю подноготную!

С презрением поглядывая на одноклассников, мы надувались, как голуби-трубачи. Тайна переполняла нас. Никто не догадывался, почему учитель хорошо знает Север России, а мы с Андреем догадались. Два человека в Весьегонске, больше никто!

Но задача была решена неправильно.

Глава пятая ПРОЗВИЩЕ

Дядюшка решил ее иначе.

Он раньше нас проник в тайну учителя, причем, со свойственной ему суетливостью, забежал с задворок, с черного хода. Впоследствии Андрей утверждал, что не иначе, как дядюшке помогли его приятели из жан-дармского управления.

Возможно, что перехватывалась и читалась обширная переписка Петра Ариановича; возможно, что кое-какие сведения были добыты непосредственно в Москве.

Дядюшка, во всяком случае, был вознагражден за все, свои хлопоты. Приезжий явился украшением его коллекции.

— Вдумайтесь, вдумайтесь только, господа! — упрашивал дядюшка, простирая руки к сидящим на диване и в креслах удивленным гостям. — Живет учитель географии. И где живет? В Весьегонске в нашем, то есть посреди болот, за тридевять земель от всякой цивилизации. — В горле его что-то восторженно попискивало. — Нуте-с... И вот из дремучей глуши увидел вдруг острова. Не один, заметьте, — много, целый архипелаг! Новехонький, даже без названия, не открытый еще никем... Где же увидел? В Северном Ледовитом океане. Как увидел? Почему?

Весьегонцы ошеломленно смотрели на дядюшку.

— Через телескоп или в бинокль? Ничуть! Умозрительным путем. Силой мысли, так сказать.

— Это смешно!

— Уж так, то есть, смешно...

Входили новые гости.

— Приезжий-то, знаете?.. — бросался к ним дядюшка.

— Что?

— Острова открыл!

Гости пугались.

— Где?

— То-то и есть, что где! На краю света! В Северном Ледовитом океане!

— Бывал, что ли, там?

— То-то и есть, что не бывал. За письменным столом сидючи открыл... Другие путешественники — на корабле, верхом, пешком, а наш путешественник — в кресле сидючи.

— Как так?

— А так. Ткнул карандашиком в карту. “Здесь, — говорит, — мой архипелаг! Негде ему больше быть, как здесь”.

В гостинной смеялись. Один дядюшка не смеялся.

Подлинно счастье привалило ему! Он бы год трудился — такого смешного сюжета не выдумал. А тут сюжет для анекдота, серии анекдотов сам давался в руки!

— Ну вас! — говорил он, поблескивая глазами и расправляя бороду. — Радоваться бы, торжествовать, что среди нас такое светило живет, а вы со смеху помираете, туда из него делаете!

— Позвольте, Федор Матвеевич! — поднимала голову исправница. — Как же говорите: в Сибири не бывал? Он именно бывал: ссылался, привлекался...

— Не ссылался! Точно знаю! Не ссылался!.. Привлекался, да. Участвовал в студенческой забастовке... И вот результат! Имея влечение к научной географической деятельности, к таковой не допущен! Вместо Северного полюса и всемирной славы пожалуйста на болото, в Весьегонск!

— Скажите! — качали головами гости, усаживаясь за стол и продолжая разговор под однообразное постукивание бочоночков лото. — Человек еще молодой...

— Заучился, бедный... Это бывает. Учится, учится, а потом...

— Двадцать пять...

— Закрыто!

Один лишь обстоятельный отец Фома, училищный священник, пытался доискаться тайного смысла в причудах учителя.

— Позвольте, — бормотал он, — что за острова? К чему острова? Может иносказание, конспиративная аллегория?

Тогда же, за лото, сообща придумали и прозвище: Ро бинзон.

— Робинзон... Очень хорошо! Остров открыл...

— Он и у нас, как на острове, живет. В лото не играет, сторонится приличного общества...

— Ха-ха! Робинзон! Только без Пятницы!..

Впрочем, может быть им даже гордились немного — собственным городским чудачком — наравне со знаменитой весьегонской ярмаркой и собором.

А купцы из Вятки, Твери и Ярославля, побывав на ярмарке, разнесли по своим городам анекдот о чуде-учителе, который, не отходя от письменного стола, в Ледовитом океане острова открыл.

Прозвище из гостинной перекечевало на улицу.

Представьте себе длинную, узкую улицу. Вечереет. Вдоль деревянных тротуаров, по-местному “мостков”, шаркая подошвами, двигаются пары. Дойдя до конца улицы, они круто поворачивают и идут обратно.

Это “гулянье”.

Песен на “гулянье” не слышно. В городе не дозволено петь — не деревня! Зато звонко, как из граммофонной трубы, вырывается на улицу треньканье балалаек или молодецкий перебор трехрядки. И так же разом вдруг обрывается. Это открылась и закрылась дверь одного из трактиров. На главной улице Весьегонска девять трактиров...

Иногда можно увидеть на улице и крылатку учителя географии.

Свою вечернюю прогулку Петр Арианович совершал обычно в одиночестве. Он шел, как всегда, очень быстро, энергично постукивая палкой, чуть подавшись вперед, погруженный, в размышления.

Простой люд уступал ему дорогу молча и с уважением.

Но вот со звоном и грохотом распахивалась дверь трактира. Загулявший купчик вываливался оттуда. Утвердившись на шатких ногах и оглядевшись, он замечал крылатку учителя.

— Господину Робинзону! — орал он, сдергивая с головы шапку и потрясая ею. — Наше вам! С кисточкой!

Петр Арианович строго смотрел на крикуна и, не замедляя шага, проходил мимо...

Однако в реальном училище прозвище, данное дядюшкой, не прилипло. Петр Арианович был единственным из преподавателей, которого мы, ученики, звали по имени и отчеству как в глаза, так и за глаза...

Глава шестая **ТЕНЬ ЧЕЛОВЕКА**

Но каково было нам с Андреем!

В грустном молчании проводили мы перемены на широком подоконнике в коридоре. Мимо шныряли наши товарищи, весело толкаясь и подставляя друг другу ножку. Семенил, как всегда держась ближе к стеночке, первый ученик Союшкин. Широко вышагивал, вертя во все стороны маленькой головой, помощник классных наставников Фим Фимыч.

Итак, всё? Тайны нет-больше?

Андрей не мог примириться с этим.

— Врут, врут! — повторял мой друг, сердито морща вздернутый нос. — Глупости: на Севере не бывал!.. Самим завидно, сами, небось, не бывали нигде, вот и наговаривают на него.

Андрей был сторонником решительных действий.

— Слушай, пойдем спросим, — уговаривал он. — Прямо пойдем в учительскую и скажем.

— Чего скажем-то?

— Не может быть, скажем, чтобы вы не бывали в Сибири...

Начав решительно и громко, Андрей переходил постепенно на сбивчивый шепот.

Да, легко сказать — пойдем и спросим!

Однажды мы явились в переулок засветло, в часы, когда учитель отправлялся на прогулку, и прошли мимо его окон. Надеялись на что-то неопределенное, на случай. Учитель, однако, не вышел.

Мы расхрабрились до того, что подошли к входной двери и совсем было собрались постучать, но слишком долго топтались у крыльца, препираясь, кому войти первому.

Этим воспользовалась девчонка, жившая в прислугах у исправницы. Она высыпала на нас совок золы со второго этажа.

И мы даже не могли забросать ее снежками, потому что круглое ухмыляющееся лицо то появлялось, то исчезало в форточке, как Петрушка.

Ну и противная же была девчонка! Даже куцые, рыжевато-голубые косички торчали на голове с нелепым, раздражающим вызовом.

Мы знали, что ее зовут Лизкой, потому что слышали, как окликала хозяйка. Лизка не ходила, как все люди, а носилась всегда стремглав, мелко стуча по полу босыми пятками.

Конечно, ниже нашего достоинства было связываться с девчонкой, и мы сделали вид, что ошиблись домом.

Мы снова пришли в переулок вечером. Что-то по-прежнему тянуло нас сюда. Наверное, луч света, падавший на снег из окна. Он был ярко-зеленый, какой-то очень уютный и приветливый.

Глядя на него как завороченные, мы простояли в молчании минут десять и уже собрались было уходить, как вдруг штора колыхнулись.

Но раздвинул ее не Петр Арианович.

Человек, смотревший в окно, повертел в разные стороны маленькой головой, будто принимаясь к морозному воздуху, швырнул в открытую форточку окурочку и снова отошел от окна.

Это был Фим Фимыч.

Удивленные, мы приблизились к дому и, приподнявшись на носки, заглянули в окно.

Видно все-таки было неважно.

Тогда я недолго думая проворно вскарабкался на дерево, которое росло как раз против окна, и, скорчившись, пристроился на ветке, хотя она потрескивала и гнулась подо мной.

Испытанный прием разведчика! Отсюда, со своего наблюдательного поста, я передавал краткие волнующие сообщения Андрею, нетерпеливо подкакивавшему внизу.

Комната была хорошо видна. Фим Фимыч, скрестив длинные ноги, раскачивался на качалке. У книжного шкафа стоял Петр Арианович. Лицо его было повернуто вполборота. По брезгливо выдвинутой нижней губе можно было судить о том, что он не очень-то обрадован посещением.

О чем говорили собеседники, слышно не было — нас разделяли двойные рамы.

Видимо, Петр Арианович не нашел на полке книгу, которую искал. Он сказал что-то Фим Фимычу и, взяв со стола лампу, вышел.

С полминуты, наверное, в комнате было темно.

Потом вспыхнул колеблющийся огонек спички. Он поплыл по диагонали через всю комнату от качалки к письменному столу. Пятна света падали на книжные шкафы, на разбросанные повсюду географические карты.

Спичка потухла. Тотчас Фим Фимыч зажег другую. Он, видимо, волновался, потому что, шагнув к столу, свалил стул и некоторое время стоял неподвижно, втянув голову в плечи, уставившись на дверь.

Все в комнате приняло совсем другой вид — причудливый, тревожный. Пламя спички покачивалось в высоко поднятой руке. На стеклах шкафов появились отблески. Казалось, вещами в комнате овладело беспокойство. Враг, вор, чужой был среди них!

Горящая спичка — уже четвертая или пятая по счету — совершала порывистые зигзагообразные движения в руке Фим Фимыча. Он кинулся к столу, остановился, с раздражением оттолкнул свиток карт, который подкатился под ноги, преграждая дорогу.

Скрюченная, как вопросительный знак, зловеще длинная тень скользнула по потолку. Она закрыла от меня стол.

Так вот что означало это выражение: “человек с тенью”!

У Петра Ариановича действительно была тень. И она, как в сказке, существовала самостоятельно, отдельно от него. Стоило человеку уйти за дверь, как тень тотчас же принималась хозяйничать в оставленной им комнате, притворяясь человеком.

Вдруг спичка, догорев, пролетела по комнате. За ней мелькнул длинный светящийся след.

Секунду было темно. Затем в дверь вплыла лампа под зеленым абажуром. И все вещи сразу же встали на свои места.

А посреди комнаты на качалке, удобно скрестив длинные тощие ноги, все так же покачивался Фим Фимыч.

Надо было что-то сделать, подать Петру Ариановичу сигнал. Но как?

С удивлением я увидел, как помощник классных наставников, изогнувшись, принял у Петра Ариановича книгу. Нижняя, брезгливо оттопыренная губа нашего учителя оставалась в прежней позиции. Впрочем, он проводил своего гостя до дверей.

Спускаясь с крыльца, Фим Фимыч прошел так близко от нас, что я мог бы коснуться его рукой. Доски тротуара заскрипели под его ногами. Скрип затих удаляясь.

Петр Арианович в раздумье стоял у стола, над исписанными листками.

Бедный, доверчивый человек! Он невдомек, кого он принимает у себя. Фим Фимыч — его враг, это было ясно для нас. Фим Фимыч стремится вывести важную тайну, быть может похитить со стола одну из драгоценных записей учителя географии...

Записи!

Мы с ужасом переглянулись и кинулись опреться к входной двери. Нельзя медлить ни минуты!

Но судьба, приняв на мгновение образ известной читательнице девчонки с торчащими косичками, помешала нам выступить в роли благородных спасителей Петра Ариановича, раскрывающих глаза на вероломство его врагов.

Едва мы шагнули на крыльцо, как распахнулась дверь и что-то визжащее кубарем подкатилось мне под ноги. То была рыжая девчонка.

Она больно ущипнула меня за руку и рывком втащила в прихожую. Здесь, запнувшись об порог, я бесславно упал.

Это еще было бы ничего. Но, по обыкновению мальчиков нашего города, карманы мои были набиты разнообразной, преимущественно металлической, дрянью, и, покотившись по полу, я затарахтел всеми своими жестяными коробочками, медяками, свистками, как гремучая змея.

Рыжая злорадно хохотала.

— Ага, попался! Ага! — кричала она над самым ухом невыносимо пронзительным, торжествующим голосом. — Одного держу, другой убежал!.. Скорее, Петр Арианович!

Я отмахнулся от девчонки, угодив ей, кажется, в нос и вскочил на ноги. Но сильная рука придержала меня за шиворот.

— Подожди, голубчик, — сказал надо мной голос Петра Ариановича. — Как это ты попал сюда? Из рогатки тобой выстрелили или как?

Я зажмурил глаза.

— Вот оно что! Ладыгин Алексей? Странно!

Я открыл глаза. Петр Арианович смотрел на меня в упор, чуть прищурясь.

Рядом суежилась девчонка, продолжая цепляться за мой рукав.

— Вышла за вашим гостем двери закрыть, смотрю — а он у окна, — торопливо докладывала она, то и дело срываясь снова на визг. — Подглядывал в ваше окно. Я пугнула его раз от дома, а он...

— Как же, пугнула ты! — пробормотал я. — Мы сами не захотели, ушли.

— Да у тебя, брат, синяк, — вдруг сказал Петр Арианович. — Вон и кровь на руке. О порожек разбился? Тебя надо перевязать, умыть. Так?

— Так, — сказал я, ничего не понимая.

— Матери моей нету, в гостях, — сообщил Петр Арианович, пропуская меня внутрь дома. — Но мы сами... Вот бинт достанем, йод...

Он принялся с грохотом открывать ящики комода.

— Где же йод, а?

— Двери вышла закрыть, — сказала девчонка, входя за нами следом и стряхивая снег со своего короткого ситцевого платя. — Глянула в щелку, а он у окна...

— Хорошо, хорошо. Йод по дай!

Она подала йод и, обиженно поджав губы, помогла Петру Ариановичу размотать длиннейший бинт. Наверное, с большим удовольствием она задушила бы меня этим бинтом.

Потом девчонка ушла. Слышно было, как она бурчала себе под нос в соседней комнате. Вскоре на другой половине гулко захлопали двери.

— Сердитая! — улыбнулся Петр Арианович. — Значит, ты уже бывал здесь? А зачем?

Он сел на стул и посмотрел на меня. Некуда было деться от этого спокойного серьезно-вопросительного взгляда.

Можно было, конечно, попытаться убежать, но тогда Петр Арианович не узнал бы ничего о поведении Фим Фимыча. Я должен был предостеречь его.

Запинаясь, дрожа, не заканчивая фраз, я рассказал обо всем, что мы видели в окне. Петр Арианович выслушал меня, не прерывая, ничем не выражая своего удивления.

— Спасибо, не пропало ничего, — сказал он. Потом, поморщившись, добавил непонятно: — Я ведь знаю, кто он. Его подсылает ко мне инспектор училища...

Он задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Но ты сказал — мы. Кто же это — мы? Разве вас, таких вот взъерошенных мальчишек, еще много под окном?

— Еще один.

— Кто же?
— Товарищ мой.
— И сейчас там?
— Да.

— Небось убежал, — предположил Петр Арианович, взглядывая на меня исподлобья.

— Нет, не такой, — сказала я уверенно. — Не бросит товарища в беде.

Я подошел к окну. Мой взгляд встретился с испуганным взглядом Андрея. Он сидел на корточках под самой стеной и смотрел на меня снизу вверх.

— Сидит, — доложил я Петру Ариановичу.

— Вот как?

Петр Арианович с любопытством заглянул через мое плечо и вдруг захохотал — раскатиисто, отмахиваясь от меня руками, вытирая слезы, выступившие на глаза. Я и не думал, что взрослый человек может так смеяться.

Он смеялся долго, пока опять не явилась девчонка и не принялась с ожесточением вытирать тряпкой пол, на котором блестели мокрые следы от моих сапог.

— Правильно, Лизочка, правильно! — рассеянно сказал Петр Арианович. — А то нам от мамыши попадет. Мамаша, знаешь, Ладыгин, строгая у меня!

Он придвинул ко мне стул.

— Ну, а все-таки, каким же ветром кинуло вас к моему окну?

Я подождал, пока девчонка ушла.

— Не верим взрослым, что они про вас говорят!

— А что взрослые говорят?

— Что вы не бывали нигде... На Севере не бывали, и вообще...

Петр Арианович стал серьезным. Помолчал.

— Правду говорят, — кивнул он. — На Севере не бывал.

Наверное, лицо мое стало очень несчастным, потому что он поспешил добавить:

— Но острова есть. Я нашел эти острова!

— А как же... — начал я.

Однако Петр Арианович поднялся со стула и положил мне руку на плечо:

— Вот и все на этом!.. Теперь домой, Ладыгин Алексей. Попадет тебе за синяк? Очень хорошо! Не будешь в окна подглядывать... Да, чтобы не забыть. В будущее воскресенье опять приходи. С верным товарищем со своим. Расскажу, как нашел острова...

И уже вдогонку сказал с крыльца:

— Только без шума и драки, пожалуйста!

Глава седьмая **ЗИГЗАГ НА КАРТЕ**

Как странно все устроено на свете! Почему-то обязательно перед воскресеньем должны быть суббота, пятница, четверг, среда (мое вторжение к Петру Ариановичу состоялось во вторник). Хорошо бы перескочить через эти дни, чтобы воскресенье было завтра!

Но чудес, увы, не бывает. Проходит положенный срок, и вот, в праздничных гимнастерках, с обильно смоченными волосами — чтобы не торчали на макушке — мы с Андреем присаживаемся на краешек дивана, робко осматриваясь.

Вокруг — карты, множество карт: свернутые в трубку, развешанные на стенах, брошенные на стульях. В шкафах поблескивают красивыми переплетами книги — конечно, описания путешествий, и, наверное, с картинками.

А вот загадочный чан! В него налита вода, по краям закреплены какие-то маленькие вентиляторы. Вблизи он еще более непонятен, чем издали.

Заметив, что мы украдкой поглядываем на него, Петр Арианович делает гостеприимный приглашающий жест.

Оказывается, в чане можно воссоздать любое из морских течений. И это совсем не трудно.

Учитель географии кладет на воду вырезанные из фанеры листы. Что-то знакомое угадывается в их угловатых очертаниях. Ага! Это восточный берег Северной Америки, а это — западный берег Европы. Между ними — Атлантический океан.

Бойко затрещали вентиляторы, приводимые в движение рукой. Вода завертелась в миниатюрном “Мексиканском заливе”, потом веселая рябь побежала вдоль берегов “Америки” и быстро пересекла “океан”, ширина которого не более аршина.

— Гольфстрим, — пояснил Петр Арианович. — Модель зарождения Гольфстрима... Постоянно дующие от берегов Африки ветры пассаты нагоняют в залив нагретую воду, а отсюда она поднимается на северо-восток, к Баренцеву морю и к полюсу... Помните, я рассказывал на уроке? Да, водяное отопление Европы.

Он положил на воду листы, вырезанные уже иначе, и пустил в ход другую группу вентиляторов.

— Узнаете? Правильно! Тихий океан, течение Куроливо...

Но это было только вступлением. С особой тщательностью учитель расположил в чане новые игрушечные материки и острова. Мы вслух называли их, радуясь им, как старым знакомым. Вот легла на воду крошечная Гренландия. На противоположной стороне чана появились знакомые берега Сибири, а рядом выгнутая, как лук, Новая Земля, несколько скрепленных проволокой Новосибирских островов и одинокий остров Врангеля.

— Я покажу вам удивительный, продолжающийся круглый год ледоход, — сказал Петр Арианович, — иначе говоря — ледяную реку, которая пересекает Полярный бассейн.

Он бросил на воду мелко нарезанные клочки бумаги.

— Истоки этой реки, — продолжал он, — здесь, у берегов Сибири. Устье — там, между Норвегией и Гренландией...

Покачиваясь на волнах, бумажные “льдинки” тронулись в путь через чан.

Мы заметили, что, повинаясь скрытому внутри механизму, чан очень медленно вращается вокруг своей оси. Ну конечно, надо соблюсти и это условие: Земля ведь вращается!..

Вскоре поверхность воды побелела. По мере приближения к узким выходным воротам, к “устью” реки, движение клочков бумаги ускорялось. “Атлантический океан”, куда впадала река, находился уже за пределами чана.

— Купель, — усмехнулся Петр Арианович. — Ледяная арктическая купель...

Он облокотился на край чана, задумчиво провожая глазами игрушечные “льдинки”, которые, кружась и сталкиваясь, плыли по воде.

— Еще в университете заинтересовал меня Север России, — начал он негромко и медленно, как начинают обычно рассказ о собственной жизни...

Это и был рассказ о его жизни.

Итак, еще в университете заинтересовал его таинственный Крайний Север России, “где всякая география кончается”. Там еще оставались “белые пятна”. Там были реки, истоки которых терялись в непроходимой тайге, горные кряжи, очертания которых обводились пунктиром, моря, скрытые за сплошной завесой тумана.

А в самом центре Арктики находился полюс — заповедная точка, к которой стремились из всех сил и которой никак не могло достигнуть человечество.

То было время, когда адмирал Макаров выдвинул лозунг: “К Северному полюсу напролом!”, когда по чертежам его строили первый в мире мощный ледокол “Ермак”, а семидесятилетний Менделеев писал: “Завоевав себе научное имя, на старости лет я не боюсь его посрамить, пускаюсь в страны Северного полюса”.

Мечтал о полюсе и молодой студент Ветлугин. Исследования Арктики были его призванием. Он знал это и чувствовал в себе достаточно сил, чтобы горы своротить на пути к Северному полюсу. Его географические открытия в Арктике со временем должны были прославить Россию!

Для этого надо было упорно учиться. И он учился. Ночи напролет молодой Ветлугин просиживал над книгами.

Русские ученые давно уже догадывались о том, что плавающие льды, начиная путь в прилегающих к Сибири морях, проходят затем через весь Полярный бассейн. Арктику продувает сквознячком. Впервые своим зорким оком подметил это наш великий Ломоносов.

Нельзя ли использовать попутные ветры в Арктике, так же как Колумб использовал пассаты, пригнавшие его каравеллы к американским берегам?

Судно “Фрам” полярного исследователя Фритьофа Нансена вмерзло во льды в море Лаптевых и тронулось с ними на северо-запад. Нансен надеялся, что его пронесет через полюс. Надежда не оправдалась: “Фрам” прошел значительно южнее полюса.

Почему это произошло? Почему Нансен промахнулся?

Не следовало ли ему взять правее, то есть начать свой дрейф восточнее — не в море Лаптевых, а в Чукотском или в Восточно-Сибирском море? Не там ли зарождался тот могучий поток льдов, который спустя два-три года достигал, наконец, полюса?

Вот о чем думал Ветлугин, мечтая в тиши своей низенькой студенческой комнатки повторить плавание Нансена, только держа гораздо круче к востоку.

Однако к этой же мысли пришли и по другую сторону океана.

Из газет Ветлугин узнал о Текльтоне.

Примерно на меридиане острова Врангеля предприимчивый американец отправился к полюсу вместе со льдами. Ему не повезло. Вскоре его корабль был раздавлен и пошел ко дну. Текльтону с частью команды удалось добраться до берега, сохранив в непромокаемой клеенке шканечный журнал и другие судовые документы.

Отчет о путешествии Текльтона был напечатан, и Ветлугин успел ознакомиться с ним лишь совсем недавно, накануне своего ареста.

В то время он разбирался в политике слабо и участие в студенческой забастовке принял потому, что в ней участвовали его друзья, уважением которых он дорожил и с мнением которых считался.

Так случилось, что свое необычное географическое открытие молодой Ветлугин совершил в камере предварительного заключения.

Была ночь. На нарах рядом и наверху вздыхали, храпели, стонали во сне товарищи. Петру Ариановичу не спалось. Он был слишком взбудоражен событиями — шумным митингом, схваткой с полицией. Кровь еще громко стучала в висках.

Чтобы успокоиться, он принялся думать об оставленных дома книгах. Мысль повернула от книжного шкафа к письменному столу, на котором лежали раскрытый на середине отчет Текльтона и вычерченная Ветлугиным схема дрейфа. Изучая показания астрономических приборов, с помощью которых день за днем определялись координаты, Петр Арианович попытался восстановить на карте путь корабля.

Ему представлялась ломаная линия. Она двигалась вверх, слегка изгибаясь то влево, то вправо. Это напоминало спокойные излучины реки. Так плыли к Северному полюсу льды, подталкиваемые ветром. Вдруг — резкий скачок в сторону!

Что такое? Почему корабль сделал в этом месте зигзаг?..

Мерные шаги часового продолжали раздаваться за дверью. В гулком коридоре время от времени стучал приклад винтовки. Ветлугин уже не слышал ничего.

Что за препятствие возникло на пути льдов, с которыми двигался корабль? Что наставляло их делать такой зигзаг?..

Спокойствие, спокойствие! Не спешить, не фантазировать. Хладнокровно додумать до конца...

Память развернула перед Ветлугиным свитки географических карт, где зигзаг повторялся. Река текла по зеленой просторной низменности и вдруг круто отклонялась в сторону. Ей встретилось на пути препятствие — скала, горный кряж.

Аналогия казалась подходящей. Не на остров ли натыкались плавучие льды, дрейфуя на северо-запад? Не остров ли вместе со льдами обогнул путешественник, так и не заподозрив его существования?

Всю ночь прошагал Ветлугин по камере, осторожно обходя спящих студентов, которым не хватило места на нарах.

Когда его выпустили из тюрьмы, он пошел к профессору, считавшему его своим лучшим учеником и, возможно, преемником. Профессор отнесся к новой географической гипотезе сочувственно, ободрил Петра Ариановича и помог ему опубликовать статью, названную довольно скучно: “О возможности нахождения острова или группы островов в северо-восточной части Восточно-Сибирского моря”.

Статья прошла незамеченной.

Петр Арианович продолжал разрабатывать свое открытие. Теперь уже Северный полюс интересовал его гораздо меньше, чем неизвестная земля во льдах.

Настойчивый студент принялся обивать пороги соответствующих ведомств с предложением организовать экспедицию.

Но повторялась история с Землей Франца-Иосифа.

Обширный архипелаг в Арктике получил имя одного из бездарных австрийских императоров потому лишь, что русское правительство пожалело тридцать тысяч рублей на снаряжение экспедиции. Австрийские путешественники наткнулись на архипелаг случайно, хотя его существование было абсолютно точно предсказано за несколько лет до этого русскими географами и моряками.

Впрочем, Петр Арианович не складывал оружия.

Мысли его летели теперь через необозримые пространства не на север, к полюсу, а на северо-восток, к туманному и пустынному Восточно-Сибирскому морю.

Ясная цель была перед ним. Он приналегал к занятиям и с блеском закончил университет. Считалось решенным, что его оставят при кафедре для научной работы.

Однако после поражения революции мракобесы торжествовали в науке. Все передовое, прогрессивное, патристическое в высоком смысле этого слова изгонялось. Из Московского университета — уже во второй раз! — вынужден был уйти его краса и гордость — Тимирязев.

Петр Арианович попал в число людей “политически неблагонадежных”.

Ректор сказал:

— Позвольте, вы же бастовали, отказывались учиться! Вместе с революционерами выставляли какие-то там... политические требования. Это не говорит о вашей привязанности к науке. Наука, молодой человек, должна быть чиста, свободна от политики!

Друзья советовали Петру Ариановичу набраться терпения, переждать трудное время.

Легко сказать — ждать! На руках у Петра Ариановича была старуха мать. Надо было подумать и о ней. Он принял назначение учителем в Весьегонск.

Но, живя здесь, не расстался со своей мечтой, не отступил от задуманного, продолжая обосновывать свою гипотезу.

Петр Арианович провел ряд опытов (один из них во время ледохода так удивил весьегонцев), выписывал географические новинки, состоял в переписке с виднейшими русскими географами-полярниками.

Профессор, очень любивший Петра Ариановича, регулярно снабжал его книгами. В последний раз в присланном им ящике оказалось несколько книг о славных русских землепроходцах, путешественниках XVI и XVII веков.

Исторические заслуги их к нашему времени были уже основательно забыты.

Ветлугин с интересом углубился в присланные книги. Прикованный к Весьегонску, лишенный возможности путешествовать, он странствовал теперь под серыми в заплатах парусами из оленьей кожи вместе с отважными Дежневым и Ребровым. Вслед за ними выходил на плоский, поросший редким мхом берег, пытливо осматриваясь. Зимовал долгую полярную ночь в наспех сколоченном срубе с маленькими оконцами, в которых синевато поблескивали вставленные вместо стекла льдинки...

В одной из книг он наткнулся на “скаску”, то есть отчет о путешествии зверопромышленника Веденя, фамилия которого указана не была.

“Скаска”, как знал Петр Арианович, могли быть двух родов.

Некоторые представляли собой всего лишь занимательное чтение, своеобразную приключенческую литературу того времени. Быль в них перемешивалась с небылицами.

Другие являлись деловыми отчетами путешественников, тщательно засекречивались и вынырнули из мрака архивов уже в позднейшие годы.

Трудно было определить, к какому роду “скаска” отнести историю странствований зверопромышленника Веденя “со товарищи”.

Бесспорно, в ней было много фантастического. Нельзя же в самом деле поверить в появление каких-то водяных, пытавшихся задержать путешественников! И вместе с тем изложение отличалось точностью, последовательностью, какой-то подкупающей достоверностью деталей.

Заинтересовавшись рассказами о баснословно богатой корге, то есть отмели, где собираются моржи, зверопромышленники отправились на поиски ее. Из устья не названной в повествовании реки они выходят в море, держа курс “промеж сивер на полуношник”, иначе — на северо-восток. Вскоре им преграждает путь какая-то загадочная “мертвая вода”. Согласно описанию могучая рука поднимается из пучины. Судно перестает слушаться руля, хотя погода стоит безветренная.

Всех охватывает ужас. Однако чары спадают, и судно под парусом и веслами снова весело бежит по волнам.

По пути к заколдованной корге приходится преодолеть еще несколько таких же сказочных препятствий. Путешественники приходят к мысли, что водяной упорно не желает пускать их дальше. Корщик¹ (очевидно, сам Веденя) творит молитву. Но молитва не помогает.

Надвинулись льды.

“И понесло нас неволею на сивер, — пишет автор “скаска”, — и несло три дни. И стали ждать лютыя смерти, голодны и холодны, сами себе пути не знаем...”

Однако спустя несколько дней зверопромышленники увидели землю.

С волнением Петр Арианович вчитывался в описание:

“Оная реченная земля обширна есть. Берега ее подлегли (не круты). Посредине гора, ей же высота не мене пяти сот сажон”.

Зверопромышленники решили добраться до неведомой земли. Возможно, там и была богатейшая корга, о которой толковали на материке. В этом случае обеспечена была бы благополучная зимовка на острове, вдоволь мяса и жиру для топлива.

Но как туда добраться сквозь сплошные льды?

“Уже не о заморной кости (бивнях) помышляли, а токмо о спасении живота своего”, — пояснял автор “скаска”.

Двинулись к темневшим на горизонте горам, таща коч по льду волоком. Но ведь двигались и льды. Они продолжали свой путь, огибая землю.

Зверопромышленники поволокли бы коч бегом, если бы не мешали нагромождения льдин. С ужасом видели, как земля отдалается от них как бы медленно поворачиваясь вокруг своей оси.

На другой день она исчезла совсем, будто нырнула под воду или растаяла в воздухе, как мираж.

Неизвестно, как вернулись землепроходцы на материк. Часть их, по словам Веденя, погибла на обратном пути от голода.

В родных местах путешественников встретили неприветливо. Веденя жалуется:

“Награждения нам за наше терпение нету, и веры нам и нашим словам про дивный в море камень не имут...”

С тем большей убеждающей силой звучат заключительные слова “скаска”.

Автор ее обращается к “русским людям, которые проводывать новые землицы идут”. Настойчиво уговаривает их двинуться по его следам, чтобы найти “землицу”, которую он видел среди льдов в океане.

Дальше, впрочем, указываются уже чисто сказочные “приметы”: “Егда мертвую воду пройдеши, поверотиши”, “егда птиц летящих узриши, то вскорости и быть той сказанной земле...”

Исходный пункт, во всяком случае, был ясен. Это могло быть только устье Колымы. Значит, путь “Веденя со товарищи” пролегал между Новосибирскими островами и островом Врангеля.

А если так, то увиденная им земля была именно той, мимо которой прошел Текльтон, не заметив ее, и которую угадал, которую увидел сквозь мглу и туман Ледовитого океана весьегонский учитель географии.

— Продолжим эту линию от устья Колымы, — сказал Петр Арианович. — Она поднимается на северо-восток. Где-то здесь зверопромышленники вошли во льды, и в этой точке пересеклись обе линии: путь, по которому следовали наши землепроходцы, и путь дрейфующего корабля Текльтона.

Мы с Андреем жадно всматривались в беловато-голубое пустое море, где красным пунктиром обведено было несколько силуэтов.

---

¹ Корщик — глава артели зверопромышленников.

— Очень длинный остров, по-видимому, несколько выгнутый к северо-западу, — пояснил Петр Арианович. — А возможно, и группа островов. В существовании их в этом районе я убежден не меньше, чем в существовании Весьегонска, где мы находимся с вами сейчас...

И мы снова, уже вдвоем — сзади на цыпочках подошла девчонка с торчащими косами, — наклонились над картой, с трепетом радостного ожидания вглядываясь в нее.

За нашей спиной Петр Арианович спокойно сказал:

— Так, с помощью книг я во второй раз увидел эту землю. Теперь я видел ее еще яснее...

Глава восьмая **ВПЕРЕД, К ОСТРОВАМ!**

Из дома исправницы мы вышли с Андреем, не чуя ног под собой.

В острова на окраине Восточно-Сибирского моря поверили сразу, без колебаний и сомнений. Нам очень хотелось, чтобы там были острова.

Петр Арианович не взял с нас никаких клятв — ни на мече, ни на Библии, — но молчание подразумевалось.

Звезды, висевшие на небе, как сверкающие елочные украшения, казалось, многозначительно щурились и мигали нам: “Молчание, мальчики, молчание...”

Удивительно хорошо было на улице! Тихо и бело. Под ногами — поскрипывающий снежок, чистый, искрящийся, над головой — Млечный Путь, как ласково осеняющая нас, присыпанная инеем ветвь.

Даже привычный Весьегонск выглядел сейчас по-другому.

Мы оглянулись. На деревянный тротуар падал из окна луч, и был он очень яркого зеленого цвета...

Поспевая за быстро шагающим Андреем, я заметил, что он размахивает рукой, будто отбивая такт.

— Слушай, как это? — бормотал он. — “Умными очами... Я вижу умными...” А дальше?

— О чем ты, Андрей? — спросил я испугавшись. Мне было известно, что он не любил и даже презирал стихи, считая, что это “занятие для девчонок”.

Андрей остановился, взмахнул рукой и, повернув ко мне воодушевленное лицо, освещенное звездами, продекламировал:

Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечных на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб российский между льдами
Спешит и презирает рок...

Откуда это, помнишь?

— Ломоносов?

— Ну да! На уроке русского языка читали. У Ломоносова сказано: “умными очами”!.. Понимаешь? Будто это он о Петре Ариановиче нашем!

Мы расстались с Андреем у крыльца моего дома. Я побаивался, что мне попадет за то, что я был у Петра Ариановича. Однако дядюшка отнесся к этому с непонятным благодушием. Он даже поощрил меня к дальнейшим посещениям и всякий раз по возвращении расспрашивал:

— Чему же учит вас там? Географии? А насчет рабочих не говорил? И насчет самодержавия тоже ничего? Ну-ну...

Помощника классных наставников мы не видели больше у Петра Ариановича. В городе как бы притихли, выжидали чего-то.

Но меня, поглощенного мечтой об островах, все это не интересовало.

...Вижу себя идущим по улице, слабо освещенной раскачивающимися висячими фонарями. Март. Вечер. После короткого потепления снова похолодало, выпал снежок. И все же это март, не январь. Весна чувствуется в воздухе.

Ветер дует порывами. Я расстегнул ворот, жадно дышу. Побежал бы, такая беспокойная радость на сердце, но не подобает будущему путешественнику бегать по улицам.

То непередаваемое восторженное предчувствие счастья, которое в юности испытывал, думаю, каждый, охватило меня.

И что, собственно, случилось со мной? Мартовский ветер повстречался в пути, стремительный, влажный. До смерти люблю такой ветер! Пусть бы всю жизнь дул в лицо, шумел в парусах над головой, швырял пенистые брызги через борт!..

Из-за сонных домов мигнул зеленый огонек.

На приветливое: “Ты, Леша? Войди!” — открываю дверь. Лампа под зеленым абажуром бросает круг света на две склоненные над столом головы: светло-русую Петра Ариановича, черную Андрея. Видимо, Андрей торчит здесь давно. Озабоченно пытаясь, он измеряет что-то на карте циркулем.

Углы комнаты теряются в полутьме. У стола, нагнувшись над бесконечным вязаньем, сидит старушка — мать Петра Ариановича. Она ничуть не строгая и не придирчивая: Петр Арианович шутил в тот вечер, когда я попал к нему в первый раз. Ее почти не слышно в доме.

Зато из-за печки выглядывает нахмуренное лицо. Это Лиза. Даже не оборачиваясь в ее сторону, я знаю, что она следит за мной сердитым, ревнивым, уничтожающим взглядом.

Вот кто совершенно не переносил наших с Андреем посещений!

Видимо до сих пор мы оставались для нее “теми с улицы... которые подглядывали...”.

Встречала нас она неизменно с поджатыми губами. Открыв двери, никогда не упускала случая мстительно сказать вдогонку:

— Эй! Ноги надо вытирать!

Потом проскальзывала следом и, усевшись в напряженной позе на диван, до самого конца визита не спускала с нас недоверчиво-испытующего взгляда.

Она похожа была в это время на кошку, которая встревожена тем, что ее наивный, доверчивый хозяин притащил с улицы каких-то неизвестных дворняг и возится с ними.

Между тем мы вели себя очень хорошо. Смирение наше доходило до того, что мы даже к девчонке с торчащими косами обращались на “вы”, потому что она жила в одной квартире с Петром Ариановичем.

Наш учитель шутливо называл ее Елизавет Воробей.

— Не робей, Елизавет Воробей, — повторял он. — Пробивайся, проталкивайся вперед!

— Почему так зовете ее — Воробей? — недоумевали мы.

— По Гоголю. Помните, у Николая Васильевича? В список плотников, каретников, кузнецов вдруг чудом каким-то затесалась женщина — Елизавет Воробей... Вот и наша такая же. По сердцу ей только мужская профессия.

Он, конечно, шутил.

Родом Лиза была из села Мокрый Лог, где избы в предвидении паводка ставят на сваях. Десяти лет ее привезли в город и отдали в прислуги. Пребывание у исправницы имело то преимущество, что по вечерам хозяйка не бывала дома (разносила новости по городу) и Лиза могла посидеть на половине Петра Ариановича.

В свободную минуту Петр Арианович занимался с девочкой: обучал грамоте, арифметике.

Но едва лишь раздавался с лестницы пронзительный вопль: “Эй! Лизка! Заснула, раззява?... Двери открой!” — как Лиза срывалась с места, и через минуту до нас доносилась хроматическая гамма. Ступеньки деревянной лестницы звучали под ее быстрыми босыми пятками, как клавиши.

Потом гамма повторялась в обратном порядке, и уже в значительно более замедленном, почти похоронном темпе. То грузно поднималась к себе на второй этаж хозяйка.

Стихали наконец и эти посторонние надоедливые звуки, и мы снова поворачивались к Петру Ариановичу.

Наш учитель географии садился на своего конька.

Это был чудесный конек-горбунок, уносивший седока в причудливый край, где над острыми зубцами торопов простирались складки северного сияния. И нам с Андреем оставлено было место на широком крупе скакового конька, за спиной Петра Ариановича.

Подхваченные ветрами юго-западных румбов, мы мчались вперед, в неизведанное море, на северо-восток...

Думаю, что Петр Арианович испытывал удовольствие от наших посещений. Наверное, они были нужны ему.

Как-то он обронил слова, которые я тогда не понял: “Горькое одиночество ума и сердца”. Много позже я узнал, что слова эти произнес Чернышевский.

Видимо, Петра Ариановича тянуло выговориться, помечтать вслух, поделиться планами. Может быть, он даже чувствовал себя смелее, увереннее, когда видел обращенные к нему разгоревшиеся мальчишеские лица и восторженно блестящие глаза?..

Что касается нас, то круг наших друзей после знакомства с Петром Ариановичем значительно расширился.

Твердой рукой отстранив теснившихся вокруг индейцев в устрашающей боевой раскраске и африканских охотников на львов, шагнул вперед суровый корщик Веденей. Следом за ним, расталкивая пеструю толпу иноземцев, приблизились Ермак и Дежнев. За высокими казацкими шапками и тускло поблескивающими из-под тулупов кольчугами темнели кафтаны и треуголки Лаптевых, Овцына, Челюскина.

Они с разных сторон сходились к нам, знаменитые русские путешественники, будто Петр Арианович кликнул клич по всему свету.

От берегов Тихого океана спешил Иван Москвитин. С голубого Амура — Поярков и Хабаров. С Камчатки — Атласов и Крашенинников. Из недр Центральной Азии скакал на низеньком мохнатом коне Пржевальский. Под нависшими над водой пальмами проплывал в челне друг и защитник папуасов Миклухо-Маклай. С другого конца Земли, лавируя между айсбергами, двигались корабли Беллингаузена и Лазарева — первых исследователей Антарктики.

Конечно, никакие романы Майн-Рида не могли сравниться с правдивым описанием их приключений. И главное — это были такие же русские, как мы, наши великие соотечественники!

Весь мир исходили они с широко открытыми, внимательными глазами. Нет, наверное, уголка на земном шаре, куда не донесли они гордый русский флаг.

Какое было бы счастье хоть немного походить на них!

Но возникали помехи на этом пути.

Как-то я пожаловался Петру Ариановичу на свою наружность.

— Наружность? — переспросил он, глядя на меня с удивлением. — А что тебе до твоей наружности? Ты же не девица...

— Да, — согласился я. — А вот дядюшка подбородок мой выщучивает. Круглый, говорит, как у девочки... И нос не тот.

— Как это не тот?

— Не орлиный... Путешественникам полагается орлиный. А подбородок должен быть выдвинутый вперед, квадратный...

Поняв, в чем дело, Петр Арианович долго смеялся.

Этот смех, как ни странно, не обидел меня, а успокоил. Я сам стал улыбаться, глядя на учителя географии.

— Нет, ты педант, брат, — сказал он, вытирая слезы, выступившие на глаза. — В первый раз такого педанта встречаю! Специальный подбородок ему подавай, нос там еще какой-то...

— Вот вы смеетесь, — сказал я, — а ведь в книгах говорится: у каждого на лице написана его судьба...

— Ну и что из того? А ты поборись со своей судьбой, наперекор подбородку и носу сделайся знаменитым путешественником! Больше чести будет, только и всего.

Такой выход из положения мне понравился.

Дружба наша с Андреем окрепла за эту весну.

Было между нами небольшое соперничество — каждому хотелось заслужить похвалу, а Петр Арианович был скуп на похвалы. Но соперничество шло нам на пользу. Приятно было помогать друг другу, ощущать себя сильнее, добрее товарища. Уроки мы обычно готовили вместе (Андрей приходил ко мне). И на переменках всегда были вместе — драчуны-второгодники знали: попробуй затронь одного, будешь иметь дело с обоими.

Дядюшку почему-то раздражали наши отношения.

Как-то вечером он долго наблюдал за нами и мы, сидя под пальмой и тесно сдвинув головы, решали какой-то заданный на завтра пример, — потом изрек, мудро кивая головой:

— Ничего, ничего! Вырастете — поумнеете... А то еще женщина между вами черной кошкой пройдет. Вот и дружбе вашей конец...

По-видимому, ему очень хотелось, чтобы случилось именно так.

Иначе разговаривал с нами Петр Арианович. Однажды ласково взял нас за руки и долго испытующе всматривался попеременно в обоих. Он будто сравнивал, взвешивал наши характеры, ум.

— Вы очень хорошо дополняете друг друга, — задумчиво сказал он. — Держитесь всегда вместе!

Нам, впрочем, казалось, что это понятно само собой. Как же держаться порознь, если мечта у нас общая?

К открытию островов в Восточно-Сибирском море мы с Андреем готовились всерьез.

То Андрею приходило в голову, что сон в кровати изнеживает, и он, устроив из одеяла нечто вроде спального мешка, перебирался на пол, за что получал очередную “лупцовку” от отца; то, узнав, как страдают путешественники в снегах от жажды — снег не утоляет, а разжигает ее еще больше, — я принимался упражнять волю и в течение трех дней отказывался не только от воды, но и от супа...

В пригородной роще был у нас любимый уголок — живописный и крутой яр, такой глубокий, что даже в начале лета на дне его залеживался снег. Хорошо было постоять над яром, выпрямившись и скрестив руки на груди, как подобало, по нашим представлениям, открывателям “новых земель”. Потом ухнуть по-озорному, с присвистом, так, чтобы галки снялись с деревьев, и, согнув колени, ринуться вниз по лыжне навстречу ветру, мимо мелькающих елей и берез.

Но как ни нравились нам знаменитые братья Лаптевы и Дежнев, скромный весьегонский учитель географии в нашем представлении не уступал никому из них.

Конечно, он не странствовал в тундре на собаках, не ел медвежатину, не бил тюленей на их лежбище дубиной. Зато наш учитель совершил нечто еще более удивительное — открыл острова в океане, не вставая из-за письменного стола!

Торжество человеческой мысли и духа, которое лежит в основе всякого научного открытия, в том числе и географического, проявилось здесь с наибольшей силой.

Мы сказали Петру Ариановичу, что Ломоносов в свое время уже писал о нем стихи.

Он засмеялся:

— Это хорошо. Но ведь это сказано не обо мне. Это сказано об ученых вообще. Наука тем и сильна, что может заглянуть далеко вперед, может видеть и предвидеть... А что касается географии... — Он поднял глобус и заставил его завертеться. — Пифагор две с половиной тысячи лет назад впервые высказал мысль, что Земля — шар. Но ведь ему не пришлось забираться на Луну и смотреть на Землю со стороны. Он дошел до своих выводов умозрительным путем, сопоставляя, вычисляя...

Вот что пленяло нас в учителе: радость научного открытия! Даже больше того — радость научного труда!

Труд этот совершался у нас на глазах. Мы были свидетелями его, были посвящены во все его перипетии. Мы видели, как систематизируются факты, подбираются доводы, как постепенно разрастается научная база гипотезы. Острова точно всплывали из пучины на наших глазах.

А в апреле, когда деревья зазеленели, мы стали совершать дальние загородные прогулки.

Петр Арианович учил нас обращаться с компасом, а так же обходиться без него, ориентируясь по звездам, по солнцу и часам, по мху на стволах деревьев, находить друг друга в лесу по условным знакам. По дороге развешивал целую цепь замысловатых задач-приключений и сам был увлечен и доволен не меньше нас.

Помню одну из таких воскресных прогулок.

День выдался теплый, солнечный. Широкой поймой Мологи шагали мы все дальше и дальше от Вельска. Следом за нами плыли в воде облака. Распрямылся полегший за зиму камыш. Хлопотливо журчащие струи обегали островки с одиноко торчащими ветлами. Кое-где темнели на островах избы.

С компасом в руке мы определяли части света. На восток от нас, за холмами, покрытыми березняком, располагался город Пошехонье, родной брат Вельска. На севере был Череповец, на западе — Вышний Волочек. Все болотистые, низменные места, страна озер, которую населяло когда-то диковинное племя всё.

Правый берег Мологи — высокий, крутой. Левый — низменный. Перейдя на него по плотам, сбившимся у излучины реки, мы сразу словно бы затерялись среди бесчисленных протоков, островков и перешейков.

В волнении я и Андрей то и дело окликали Петра Ариановича (мы шли гуськом, он — впереди).

— Вот мыс Счастливых Предзнаменований, Петр Арианович!.. А там — бухта Радости! А вон какой красивый островок! Назовем его островом Удачи, хорошо?.. И будто на нем до нас не бывал никто. Пусть он считается необитаемым островом!

— Ну что ж, пусть!

По голосу мы догадывались, что Петр Арианович улыбается.

Кустарник был очень высок, почти в рост человека. На упругих плетях его уже появились листочки. Мы двигались как бы в сплошном зеленом, нежнейших оттенков тумане. А наверху, в просветах, синело небо.

Весело было переключаться друг с другом, перебегать по хлипким жердочкам через ручьи или, остановившись, в молчании наблюдать за хлопотливой беготней всякой водяной мошкары. Немолчно свистели птицы вокруг. Иногда подавали голос лягушки — не совсем уверенно еще, сипловатым баском.

Солнце начало сильно припекать, когда Петр Арианович остановился. Я подбежал к нему. Раздвинув руками заросли, он смотрел на группу построек, черневших вдали.

— Петр Арианович! Человеческое поселение! — сказали мы с удивлением. (К полудню мы совсем уже поверили в то, что находимся в необитаемой стране).

Петр Арианович молчал.

Избы были странные: они стояли посреди болота на сваях!

Часть деревеньки была затоплена. Ребятишки, игравшие на пригорке, с воробьиным гомоном разбежались при виде нас во все стороны. Потом, когда мы устроились на привал, к нам подплыла лодка. В ней стоял во весь рост высокий худой старик с шестом в руках.

Он был какой-то весь пегий от заплат. Еще на середине реки старик начал улыбаться и стащил с головы замасленный картуз.

Это был знакомый Петра Ариановича, дед Лизы.

Взрослые мужчины в Мокром Логе занимались обычным для вельских крестьян отхожим промыслом — гоняли плоты — и сейчас отсутствовали в деревне. Один старик сидел дома.

— Я и дома при деле нахожусь, — сказал он, открывая в улыбке беззубый рот. — Мы птичкой кормимся.

— Охотники? — спросил Андрей с уважением.

— Нет. На продажу разводим.

Он проводил нас к своей избе на сваях, поднялся по шаткой лесенке и распахнул дверь. Мы заглянули туда. Шум внутри стоял такой, будто одновременно работало несколько прялок. То были канарейки, множество канареек. Прижившиеся на чужбине переселенцы из жарких стран суетливо прыгали в своих клетках, наполняя тесное помещение оглушительным свистом и щебетом.

— Мы из Медыни, калужские, — пояснил дед, осторожно притворяя дверь. — У нас каждая волость имеет свое предназначение. Из Хотисина идут по всей России бутломы, иначе — камнерои, из Дворцов — столяры, из Желогова — печники, маляры, штукатуры. Наша Медынская волость занимается канарейками...

— Сами их продаете?
— Зачем сами? Скупщики скупают, потом развозят птичек по всей России.
— Кто же у вас, у калужских, земель занимается? — спросил Петр Арианович прищурясь.
— Землей? — удивился дед. — А откуда ей быть, земле-то? У нас, слышь ты, одних графьев да князей, почитай, десятка полтора или два. Им-то кормиться надо?

— А Лиза говорила — была у вас земля.

— Ну, это когда была!.. Была, да сплыла. Вода теперь на нашем поле, заливные луга.

— Чьи?

— Княгини Юсуповой, графини Сумароковой-Эльстон!..

Дед произнес двойной титул своей обидчицы чуть не с гордостью, будто ему приятнее было, что землю оттягала не простая помещица, а сиятельная.

— Мельницу она воздвигла на речушке, — словоохотливо продолжал он, — и плотину к ней. Вот и затопила вода землю. Пошли мы к княгине, в ноги упали. Смеется; “Не виновата — паводок, вода!” С тем и ушли.

— Судились с ней?

— Что ж судиться-то? К ней губернатор чай приезжает пить...

— Ну, и как же?

— А так же. Безземельные остались мужики. Одно название — мужик. Таких у нас дразнят бобылями. Бобыль — стало быть, ненастоящий человек, одинокий, без земли, все одно что холостой...

Петр Арианович слушал внимательно, что-то занося время от времени к себе в книжечку.

Захлопнул ее, встал, сердито дернув плечом, сказал:

— Канареечная волость!.. Подстрочные примечания к учебнику Иванова!..

Я отошел от него, заинтересовавшись, по своему ребячьему неразумению, тем, как Андрей кидает камешки в воду. До меня донеслись только последние слова.

— Ну и что ж, что далеко? — сказал Петр Арианович. — Ты до моря не дойдешь — оно до тебя, может, дойдет!

Старик опять засмеялся, широко открывая рот и показывая голые десны. Он понимал, что барин шутит.

А про море зашла речь вот почему. Старик вспомнил, что служил “действительную” в городе Дербенте. И полюбилось ему море с той поры. Вот уж море так море! Правду в сказках говорят: синь-море!.. Перед смертью мечталось побывать еще разок.” Дербенте, на море взглянуть. Да где уж! Ноги плохи стали, не дойти до Дербента...

Петр Арианович на обратном пути долго молчал, думая о чем-то своем. Потом обернулся к нам:

— Дед не поверил мне, засмеялся... А почему? Человек давно начал менять мир вокруг себя. На то он человек! Силен, да, но будет еще сильнее, во сто крат сильнее...

Он сделал широкий жест, будто обнял всю затопленную половодьем пойму Мологи.

— Тогда все волшебным образом преобразится вокруг... Моря будем передвигать, направление рек менять... Появится точка опоры, понимаете?.. Точка опоры, которую искал Архимед, чтобы перевернуть мир... И то, на что природе требовались века, человек станет совершать в самые короткие сроки... Но для этого необходимо, чтобы произошло одно великое, величайшее событие!

Много позже я понял, что Петр Арианович говорил о революции.

Вспоминая сейчас об этом вечере, ясно представляю себе Петра Ариановича стоящим на высоком берегу. Фуражка в руке, прямые волосы треплет ветер.

Солнце уже садилось за лес. Золотисто-красная рябь бежала по воде. Вечер был ветреный. Полы крылатки Петра Ариановича взлетали и падали. Казалось, еще немного — и он расправит их, как крылья, снимется с высокого берега и полетит над широкой поймой, над лесом, к черной черте горизонта, все дальше и дальше от нас...

Возвращались другой дорогой, по шоссе. Быстро темнело. Чтобы согреться и стряхнуть усталость, запели песню. Пели в отрывистом темпе, “под ногу”.

Начинал Петр Арианович:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно...

Мы подхватывали:

В роковом его просторе
Много бед погребено.

Была в этой песне какая-то ширь, удаль. Мы словно видели, прислушиваясь к ее ритму, как под полным парусом взлетает на волну “быстрокрылая ладья”.

Облака плывут над морем,
Крепнет ветер, даль черней.
Будет буря, мы поспорим,
И поборемся мы с ней!..

Буря! Что может быть лучше бури?!

А особого, волнующего значения полны были для нас строки:

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна.
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина...

Там, впереди, был только Весьегонск, подслеповато шутившийся из тумана своими окнами. Но за Весьегонском, в далеком туманном Восточно-Сибирском море, поджидали нас загадочные, еще не открытые, не положенные никем на карту острова!

Глава десятая

“СКОРЕЙ ВЕСЬЕГОНСК С МЕСТА СОЙДЕТ...”

Нам преграждали путь к островам.

Опасность все время подстерегала его. Мы чувствовали ее в многозначительных косых взглядах Фим Фимыча, в осторожно прощупывающих вопросах моего дядюшки. Мы чувствовали ее всю весну — за каждым кустом, за каждым углом.

Однажды после привала в лесу Андрей обнаружил несколько окурков у куста. Место было примято, от свежей земли шел пар. Значит, только что кто-то лежал здесь и подслушивал нас.

В другой раз, сидя над картой в комнате Петра Ариановича, я ощутил холодок в спине и быстро оглянулся. В просвете между шторами темнело чье-то прижавшееся к оконному стеклу лицо. Оно тотчас исчезло.

Кто же это мог быть? Круглые глаза, очень толстые губы, приплюснутый — пуговкой — нос. Лицо, прижатое вплотную к стеклу, как бы превратилось в маску. Я бы не смог потом узнать его.

Андрей предположил, что это был Фим Фимыч.

Очень приятно было думать, что мы сидим сейчас в тепле, а он, желая подслужиться инспектору, мерзнет на улице (почки на дубе уже начали распускаться, в эту пору всегда холодает).

Наверное, помощник классных наставников подпрыгивал на месте, чтобы согреться. Мороз хватал его за ноги, и он быстро отдергивал их, будто обороняясь от собак.

Попрыгай, попрыгай!..

Имя-отчество помощника классных наставников было Ефим Ефимович, но дети и взрослые звали его сокращенно Фим Фимычем. О, если бы можно было укоротить и самого его, как сделали это с именем-отчеством!.. Я никогда, ни до того, ни после, не видел таких длинных людей. Он выглядел именно длинным, а не высоким, потому что плечи его были необыкновенно покаты и узки. На тощей шее рывками поворачивалась маленькая голова.

Во взгляде его было что-то болезненное. Говорили, что в жизни ему не повезло и он вымещает это на учениках. Замечали: чем способнее, инициативнее, талантливее ученик, тем больше придирается к нему Фим Фимыч.

В обязанности Фим Фимыча входило следить за тем, чтобы, встречаясь на улице с педагогами, ученики приветствовали их согласно ритуалу (полагалось не просто козырнуть, а, плавно отведя фуражку в сторону, вполоборота повернуться к приветствуемому, причем желательно — с улыбкой). Он должен был также пресекать всякую школьную крамолу. Можно было почувствовать на затылке сдерживаемое дыхание и увидеть, как через плечо простирается к тетрадкам длинная рука: а не малоешь ли ты карикатуру на инспектора или на самого Фим Фимыча?

Нужное и важное дело — поддержание в училище дисциплины — превращалось в унижительную слежку.

Видно, рамки своих обычных обязанностей по казались Фим Фимычу тесны. Он взялся следить не только за учениками, но и за учителями.

С нами он стал подозрительно ласков. Как-то даже назвал “милыми мальчиками”. Это было, конечно, неспроста.

Но что это означало, ни я, ни Андрей не понимали.

Мы многого не понимали. Главное, совершенно не представляли себе, что в борьбе, которую против Петра Ариановича вели его враги, играем самую незавидную, самую жалкую роль, именно — роль приманки.

Много беспокойства доставлял нам также Союшкин.

Сейчас я уверен, что он не был доносчиком и шпионом, хотя на протяжении многих лет не сомневался в этом. Тогдашнее поведение нашего первого ученика можно объяснить проще.

Союшкин был самолюбив и обидчив. Между тем получалось так, будто его выбросили из игры.

Давно уже само собой прекратилось “оттеснение учителя на север”. Это было ни к чему. Приглашение к географической карте перестало пугать. В классе, однако, стало известно, что мы со Звонковым входим к учителю в дом. Мне бы Союшкин еще простил — как-никак, я “знал Майн-Рида на зубок”, — но почему Звонков?..

Подталкиваемый завистью и любопытством, Союшкин принялся набиваться к нам в товарищи. Мы с Андреем отклонили эти домогательства и после этого стали перехватывать на уроках географии его угрюмые и обиженные взгляды.

В классе не любили Союшкина.

Разные бывали первые ученики. Некоторые становились ими благодаря своим способностям и трудолюбию, другие — в мое время их было большинство — брали зубрежкой. Зубрежка в нашем училище поощрялась.

Союшкин, например, никогда не вдумывался в смысл того, что заучивал. Он был безнадежный, скучнейший зубрила. Ни проблеска мысли не проявлялось на его лице, когда торчал у доски и “рапортовал” урок. Он знал только “от сих до сих”, не больше.

Кроме того, Союшкин был тихоня. Он и ходил как тихоня: семенил бочком по коридору, держась у стены, чтобы не дали подножку или не вытолкнули на середину.

Странно, что я не запомнил в детстве его лица. Мне оно представляется теперь таким, каким мы видели его с Андреем много лет спустя, — торжественно-снисходительным, с какой-то приклеенной улыбкой, всплывающим, как луна, над огромным письменным столом...

Толчок событиям дал скандал в Летнем саду. Виновником скандала был мой дядюшка.

Сад располагался через три улицы от нашего дома. Андрей и я частенько убегали туда по вечерам. Внутрь, понятно, нас не пускали, и мы пристраивались у щелей в заборе, как у наблюдательных пунктов.

Зрелище, открывавшееся глазам, за отсутствием других развлечений могло показаться интересным.

По аллеям, тускло освещенным висячими лампами, как заводные, двигались пары. Слышались шарканье ног, смех, деланно веселые голоса.

Против главной аллеи возвышалась “раковина”, где солдаты местного гарнизона с распаренными лицами, шевеля усами, дули в трубы. Вальс “Ожидание” сменялся звуками марша лейб-гвардии Кексгольмского полка, а затем подсакивающими взвизгами “Ойры”.

Поодаль, в глубине сада, находится ресторан, рядом — бильярдная. Оттуда обычно доносились хлопанье пробок, стук шаров и неразборчивые выкрики.

В тот воскресный вечер в бильярдной было более шумно, чем всегда. Вскоре туда с обеспокоенным лицом пробежал распорядитель.

Скандалы случались в Весъегонске не часто. Заинтересованные событием, мы перешли из галерки в партер, то есть попросту перемахнули через забор.

Толпа жестикулирующих людей, бесцеремонно расталкивая гуляющих, покатилась от бильярдной к выходу. До нас донеслось:

— Полегче, полегче! Уберите руки, вам говорят!..

— Ну бросьте, стоил ли, бросьте...

— Скорей наш город с места сойдет!..

— Да бросьте же, бросьте, господа!..

На секунду мелькнула крылатка учителя, за ней багровая лысина моего дядюшки, вся в испарине, а вокруг колыхались фуражки с кокардами и соломенные шляпы-канотье, довольно быстро подвигавшиеся к выходу.

Обиженные голоса, хохот, чье-то однообразное: “Да бросьте же, бросьте, господа!” — удаляясь, стихли наконец, и цветастая, шаркающая ногами карусель возобновила свое движение.

Много позже я узнал, с чего все началось.

Иногда, чтобы размяться, Петр Арианович игрывал на бильярде.

Он заканчивал партию с молодым фельдшером, когда в бильярдную, ввалился дядюшка. Его сопровождали приятели, “Рыцари Веселой Утробы”, все в достаточно приподнятом настроении.

— Чур, чур! — закричал дядюшка с порога бильярдной. — Следующую партию — со мной! Согласны?

Петр Арианович отклонил предложение.

— Почему? — поразился дядюшка, с аффектацией откидываясь назад.

— Так.

— Нет, тут не “так”. Тут начинка... А какая?

Петр Арианович пожал плечами.

— Что же, брезгуете нашим обществом? — не отставал дядюшка. — Мы ничего. Пьяненькие, но... У нас культурному человеку не пить нельзя!

Петр Арианович отвернулся и занялся шаром.

— Потому что болото, провинция, — продолжал дядюшка. — Потому что рак на гербе... Весъегонск!

— Я сам из Весъегонска, — коротко сказал учитель, прицеливаясь по шару.

— Я ж и говорю, — подхватил дядюшка. — А с кем тягаться вздумали? Страшно сказать — с Текльтоном! Вы — и Текльтон! Хо-хо! Сам Текльтон не открыл острова, а учитель географии открыл... В Весъегонске, в провинции!.. Не смешите!

— Да что вы привязались: провинция, провинция! — вступился за Петра Ариановича фельдшер. — А Ломоносов откуда был?

— Ну, Ломоносов! Сравнили! То академик! И в Петербурге! Добро бы господин Пирикукий... то бишь Ветлугин... в Петербурге жил... А у нас в Весъегонске академий нет.

Прятели вразнобой поддерживали дядюшку:

— В Калуге, говорят, тоже учитель на звезды собрался лететь! Все ракету какую-то строит...

— В Козлове¹ и того лучше: не учитель — часовщик новые растения стал выдумывать!

— Ну вот видите, видите? Вот она вам, провинция ваша!

Дядюшка захохотал.

Петр Арианович с полным самообладанием натирал кий мелом.

— Могу продолжить список, — как бы вскользь заметил он.

— Собой?

— Зачем же? Было бы нескромно — собой. Но из своей области, из географии... Есть такая гипотеза Вегенера — о пловучих материках. Теперь на ней, можно сказать, весь мир держится. А ведь гипотеза не Вегенера.

— Чья же?

— Нашего с вами соотечественника. Сорок лет тому назад книгу издал. И где? В Ливнах. Слышали про город такой?

— И про город не слышал и про соотечественника... Фамилия-то его как?

— Неизвестна фамилия. Так и осталась неизвестной...

— Опять насмешили! Неизвестна! Зачем же старался, лбом стену прошибал?

— А он не для себя. Для славы России.

— Ах, славы! — Дядюшка подмигнул приятелям. — Все слава, слава... Ну именно — чудачки! В каждом городе по чудачку!

— Какие же чудачки! Патриоты России!

Дядюшка удивился:

— Этак, скажете, и вы — патриот России?

— Да.

Дядюшка вдруг обиделся:

— Позвольте! Если вы патриот, то кто же тогда я?

Он обвел всех оскорбленным взглядом. Вид у него был, наверное, очень глупый, потому что в бильярдной засмеялись.

— Нет, не шучу! Господин Ветлугин говорит: я, мол, патриот России! Хорошо-с! Кто же тогда мы все?

— Он сделал паузу, потом ударил себя кулаком в грудь: — Врете! Я патриот, я!..

— Почему?

— То есть как это — почему? Потому что доволен своим отечеством. Зако-за-а-конопослушен! Не придумываю всяких теорий. Служу...

Петр Арианович усмехнулся.

— Ни к чему ваша усмешка! — Дядюшка рассердился. — Служу, да! А вы? Острова нашли? Не верю в ваши острова! Не видал!

Петр Арианович, не обращая больше внимания на его болтовню, стал расплываться с маркером.

— Не верю! — продолжал выкрикивать дядюшка, бестолково размахивая руками и обращаясь больше к висячей лампе, чем к Петру Ариановичу. — Ни в часовщика не верю, ни в этого... с ракетой! Ни в острова там какие-то еще!.. Скорей я... — Он оглянулся, подбирая сравнение.

Оно должно было быть хлестким и кратким. Что-нибудь вроде пословицы или афоризма. Требовалось выразить в одной фразе все свое превосходство над этим “очкарем” с утиным носом.

На фоне звездного неба четко вырисовывался купол собора. Чуть поодаль торчала каланча пожарной части, словно это была долговязая шея великана, с любопытством заглядывавшего в сад через деревья. Еще дальше темнели крыши домов.

Весьегонск был строен прочно, на века. В его приземистых домах можно было отсидеться от жизненных бурь, как в бревенчатых блокаузах во время осады.

Сравнение пришло.

— Скорее я... — Дядюшка покачнулся, чуть было не упал, но удержался за бильярд широко расставленными руками.

Прятели нетерпеливо подались вперед, открыв рты, будто приготовившись к артиллерийскому залпу.

— Скорее Весьегонск с места сойдет, — крикнул дядюшка, — чем ты свои острова найдешь?..

Залп грянул.

Много раз потом представляли мы с Андреем эту сцену. В ней, наверное, было что-то пошлое. С сухим щелканьем сталкивались и разлетались шары. Раздавались возгласы: “К себе в середину!”, “Кладу своего в левую лузу!” У стен, хватаясь от смеха за животы, корчились “Рыцари Веселой Утробы”. А посередине стоял дядюшка. Лысина его воинственно сверкала. Одну руку он устремлял вперед с видом пророка, другой продолжал цепляться за спасительный бильярд.

Спор закончился безобразно, скандалом.

Кажется, не насладившись до конца триумфом, дядюшка захотел удержать Петра Ариановича. Он потребовал вина и стал упрашивать, чтобы тот выпил с ним на брудершафт. Повторялась, в общем, обычная, извест-

---

¹ Ныне Мичуринск.

ная уже читателю, программа смехотворных издевательств. Петр Арианович попытался уйти, но ему преградили дорогу к двери. Дядюшка уцепился за рукав его кителя. Рукав треснул.

Тогда Петр Арианович пустил в пристава шаром.

Их кинулись разнимать. Подскочил Фим Фимыч, до того смирно сидевший в уголке и что-то записывавший в блокнотик. Толпа подхватила его, дядюшку, Петра Ариановича, вынесла из билльярдной и потащила к выходу из Летнего сада.

В тот же вечер, пылая жаждой мщения, дядюшка сделал обыск на моей полке с тетрадами и книгами...

Глава десятая **ТРОЙКА ПО ПОВЕДЕНИЮ**

Меня разбудили шелест перевертываемых страниц и сердитое бормотание.

Открыв глаза, я увидел дядюшку, который сидел на корточках в нескольких шагах от кровати, спиной ко мне, и рылся на книжной полке.

— Поглядим, поглядим, — бормотал дядюшка с ожесточением, — каков он из себя, этот патриот, поборник славы отечества!

Одну за другой он раскрывал тетради, порывисто перелистывал и, раздраженно фыркнув, швырял на пол.

Зажженная свеча стояла у дядюшкиных ног. Длинные тени раскачивались на стенах и потолке. Они были похожи на щупальца осьминога. Будто чудом каким-то я очутился не в своей комнате, в которой улегся спать, а в зловещей подводной пещере.

Было в этом что-то знакомое, мучительно знакомое. Видел я уже и тени на потолке, и хищно согнутую спину, и беспокойно раскачивающийся язычок пламени. И так же надо было подать сигнал, предупредить кого-то об опасности.

Кого?..

Я так и не успел вспомнить, потому что с торжествующим возгласом дядюшка сдернул с полки одну из тетрадей и обернулся ко мне:

— Ага, не спишь? Совесть нечиста? То-то! Ну-ка, объясни, отвечай: что означает “С.с.”?

Я спрыгнул с кровати и, шлепая босыми пятками, подошел к этажерке.

— Что это, что?!

Он тыкал в страницу с такой злостью, что наконец прорвал ее указательным пальцем.

Это была моя тетрадь по географии. С недавнего времени я принялся заносить сюда кое-что из того, что рассказывал нам Петр Арианович. На обложке тетради, как водится, красовались якоря, а также переводные картинки с пейзажами тундры, кораблями и белыми медведями.

— Две буквы — “С.с.”! — размахивал передо мной дядюшка тетрадью. — Отвечай! Как понимать?

Переступая босыми ногами — от пола дуло, — я объяснил, что это географическая пометка, известная всем географам. (“Я не географ!” — мотнул дядюшка головой.) А означает: “Существование сомнительно”, сокращенно “С.с.”. (“Ага, сокращенно!”) Если человек находит на карте или в справочнике буквы “С.с.” подле какого-нибудь острова, горного края или реки, то...

— Врешь, врешь! — прервал дядюшка. — По голосу слышу, что врешь! Нет, брат, я не глупей тебя с учителем с твоим... Какое там еще придумали “сомнительно”! Ничего не сомнительно! Ясно-понятно все! “С.с.” — это есть “Совершенно секретно”! Ага, угадал? Ну-с, а что же именно секретно?

Я молчал.

Он с жадностью принялся листать тетрадку дальше.

— Стишки? Что за стишки? “Первое мая, солнце играя”?.. Нет. “Нелюдимо наше море...”. Вот оно что! Не-лю-ди-мо!.. Ну-ка, ну-ка...

Он пробубнил несколько строк себе под нос, потом остановился и почмокал губами, как бы пробуя стихотворение на вкус.

— Это как же понимать? — повернулся он ко мне. — “Блаженная страна...” Что это?

Делая многозначительные паузы, дядюшка прочел:

Там, за далью непогоды
Есть блаженная страна.
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Он глубокомысленно смотрел на меня снизу, не вставая с корточек.

— “Блаженная страна”! Очень хорошо! Именно — совершенно секретно!

Внимание его привлекли строки, где говорится о волнах, которые выносят только смелого душой.

— Вот и приоткрылся учитель твой! — Дядюшка захохотал и пошатнулся. (Только сейчас я заметил, что он пьян.) — Вот как сразу стало хорошо!.. Упирался, лукавил... А сейчас и приоткрылся!.. Ну что стоишь? Брысь в постель! Досыпай!.. А тетрадку под замок спрячем.

Он бережно закрыл мою тетрадь по географии.

Утром в училище я узнал от Андрея, что на рассвете у него побывал Фим Фимыч и также перетряхнул все учебники и тетради.

Найдены были те же подозрительные буквы “С.с.” и песня, но, кроме того, длинная выписка из сочинений какого-то опасного революционера, подрывающая уважение к правительству.

Собственно, выписок в Андреевой тетради было две. Первая из них разочаровала помощника классных наставников. Она была озаглавлена: “Мечта”.

“Моя мечта может обгонять естественный ход событий (слово “обгонять” было подчеркнуто). Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом... тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни...”

Спрошенный Фим Фимычем, кто автор рассуждения о мечте, Андрей ответил, что не знает.

Он действительно не знал автора. (Только много лет спустя мы узнали, что это цитата из сочинений Писарева, которую любил приводить в своих выступлениях Ленин.)

Фим Фимычу рассуждения о мечте не показались опасными.

— Ну, это не серьезный человек писал, — сказал он, пробегая глазами выписку. — Поэт какой-нибудь...

Зато вторая выписка с лихвой вознаградила его за все хлопоты. Там было сказано следующее:

“Недавно приходилось читать в “The Atheneum”, что в России варварство простонародья часто губит благие намерения правительства (по организации экспедиций)... Но никогда не произносилось ничего более неверного. Наоборот, простонародье почти всегда пролагало путь научным изысканиям. Вся Сибирь с ее берегами открыта таким образом. Правительство всегда только присваивало себе то, что народ открывал. Таким образом присоединены Камчатка и Курильские острова. Только позже они были осмотрены правительством. Предприимчивые люди из простонародья впервые открыли всю цепь островов Берингова моря и весь русский берег северо-западной Америки”.

Я привожу здесь эту выписку целиком, потому что именно она послужила причиной увольнения Петра Ариановича.

Со всеми предосторожностями, как пойманную ядовитую змею, выписку доставили инспектору, (директор был в отъезде). Тотчас же был вызван для объяснений Петр Арианович.

— “Простонародье пролагало путь...”, “Правительство присваивало...”, — с ужасом вчитывался инспектор в Андреевы каракули. — Боже мой, боже мой! И это география? Разве у Иванова это есть? Я помню Иванова... Полюбуйтесь! Пропаганда, чуть ли не прокламация!

Петр Арианович, нагнувшись, близоруко разглядывал лежавшую на столе раскрытую тетрадь.

— Позвольте... “Простонародье пролагало путь научным изысканиям”? Да, я это говорил. Не помню уж, на каком уроке, но говорил...

— Боже мой, на уроке!

— Чему вы ужасаетесь? Это отнюдь не прокламация, а ученая статья! Написал ее действительный член Императорской академии наук...

— Не верю!

— Знаменитый русский ученый Карл Максимович Бэр. Прочитав о том, как в иностранном журнале пытаются ошельмовать наших русских землепроходцев, он, естественно, вступился за них и...

— А стихи? Как тут? “Блаженная страна”. “Там, за далью непогоды...” Это как понимать? А “совершенно секретно”?.. Все, знаете, одно к одному... Наконец, эти ваши загадочные прогулки с учениками, какой-то конспиративный географический кружок! Нет-с, извините, я умываю руки...

Инспектор с таким ожесточением потер рука об Руку, что даже поморщился от боли.

— Объяснитесь с господином попечителем учебного округа или с кем он сочтет нужным. Это дело политическое. Все! Я умыл руки...

Мы сидели с Андреем на подоконнике, в коридоре, когда с шумом распахнулась дверь учительской и оттуда, встряхивая волосами, вышел Петр Арианович. На широких скулах его рдели два красных пятнышка. Брови были сдвинуты.

Фим Фимыч, беспокойно расхаживающий у двери, едва успел отскочить. Петр Арианович шел прямо на него. Еще шаг — и оттолкнул бы в сторону.

Мы вскочили с подоконника, поклонились. Петр Арианович кивком ответил на поклон. Он посмотрел на нас прищурясь, со странным выражением. Потом чуть заметно покачал головой. Это означало, что подходить к нему нельзя.

Тогда же, на перемене, стало известно, что Петр Арианович временно, “по болезни”, не будет продолжать занятия.

Некоторые учителя открыто выражали ему сочувствие, другие пожимали плечами. Зато отец Фома был доволен выше меры и не скрывал этого. Взмахивая рукавами рясы, он радостно вскрикивал:

— Вот она, аллегория-то! Я же говорил! Неизвестные острова суть одна аллегория!

Ждали прибытия попечителя.

Это были томительные дни. По вечерам меня держали взаперти, а домой из училища конвоировала тетка.

Вдруг на большой перемене пронесся слух, что попечитель уже приехал и к нему в учительскую вызывают старшеклассников.

Я и Андрей с ужасом переглянулись.

— Звонков Андрей! За ним Ладыгин Алексей! — провозгласил Фим Фимыч, вышагивая по коридору.

Он торжественно препроводил нас к учительской, втолкнул Андрея первым, меня придержал за плечо. Потом взмахом руки разогнал малышей, в волнении шнырявших вокруг.

Через стеклянную дверь я видел спину Андрея, его узенькие плечи и большую голову с торчащими вихрами. Он волновался. Все время оттягивал складки гимнастерки под поясом, хотя те и так торчали воробыным хвостиком.

Прямо против двери сидели за столом наш инспектор и осанистый старик в вицмундире, то поднимающий, то опускающий очень толстые черные брови. Отец Фома пристроился у окна, на солнышке.

Видимо, ответы Андрея были неудовлетворительны, по тому что инспектор погрозил ему пальцем.

От гулкого окрика задребезжало стекло двери:

— Ладыгин!

Я очутился перед столом, рядом с Андреем.

— Вот второй экземпляр, ваше превосходительство, — печальным голосом сказал инспектор, выворачивая ладонь в мою сторону. — Племянник уважаемого в городе чиновника, н-но...

Отец Фома шумно вздохнул.

Брови попечителя выжидательно поднялись.

— Расскажи нам, Ладыгин, все, — продолжал инспектор. — Покажи товарищу пример. Товарищ твой — из молчунов, язык проглотил...

Я искоса посмотрел на Андрея.

Он был взерошен и больше обычного смотрел букой.

Со своими торчащими на макушке вихрами и гимнастеркой, оттопыривающейся сзади в виде хвостика, он напоминал сейчас очень маленькую сердитую птицу. Я, наверное, выглядел не лучше.

— Ну, что же молчишь, сыне? — спросил отец Фома, склонив голову набок. — Чему учитель научает тебя? Молчать?..

Допрос тянулся очень долго.

То, взмахивая длинными рукавами рясы, с вкрадчивыми увещеваниями приступал отец Фома:

— Нет?.. Что нет, сыне?

— Не знаю, батюшка.

— А почему так трянуло тебя, когда я спросил?

То грозно качал указательным пальцем инспектор:

— Ты мне тут симфонию не разводи! — И непередаваемое презрение было в слове “симфония”. — Не разводи мне симфонию, а ответь: про капиталистический строй говорил он тебе?

Некоторые вопросы были совершенно непонятны, но инстинктом мы чуяли в них подвох, опасность, грозящую Петру Ариановичу.

Черные брови попечителя продолжали то подниматься, то опускаться. Вдруг я заметил, что лицо его начинает багроветь.

— Тройка по поведению! — неожиданно тонким голосом крикнул он, и так громко, что отец Фома перхнулся вопросом, а любопытных пригодишек, толпившихся у стеклянной двери, кинуло в сторону, как ветром. — Тройка по поведению — вот что угрожает вам, понимаете ли, дураки?.. Что будете делать после этого? С тройкой только во второразрядное юнкерское принимают!..

Отец Фома возвел глаза к потолку. Инспектор скорчил соболезнующее лицо. Нас вывели.

В течение нескольких дней в учительской перебивали другие ученики. Никто не понимал, в чем дело, но молчали все, как в рот воды набрали. Петр Арианович был самым любимым педагогом.

Подробности разговора Петра Ариановича с попечителем остались неизвестными. О них можно было судить по поведению дядюшки. В тот день он был оживлен более обычного и обедал с аппетитом.

— Уволен! — сообщил он, шумно высасывая из кости мозг. — Уволили нашего Робинзона! Вызван для объяснений в Москву!

Тетка взглянула на меня и перекрестилась...

Вечером у нас были гости.

Ломберный столик для лото расставили в палисаднике. Оттуда в мою комнату доносились веселые голоса, стук кубиков.

В руках у меня был Майн Рид, но читать не хотелось.

Может быть, в тот вечер кончилось мое детство?.. Выдуманное перестало увлекать. Настоящая, реальная, суровая жизнь со всеми ее радостями, горестями, опасностями подхватила и понесла куда-то в неведомое — из тихой заводи в океан...

Я услышал, как камешек ударился в подо конник. Пауза. Дробно ударился еще один.

Распахнув окно, выглянул наружу. Темно было, хоть глаз выколи. Спросил шепотом:

— Ты, Андрей?

Что-то зашуршало в кустах под окном, шмыгнуло носом, сердито сказало:

— Не Андрей... Я, Лизка...
— О! Лиза! Что ты, Лиза?
— Прощаться зовет...
— Кто?
— Петр Арианович. Уезжает сегодня...

Я, по существу, находился под домашним арестом, впереди маячила предсказанная попечителем тройка по поведению, но, понятно, не колебался ни минуты. Кинувшись к кровати, быстро сдернул подушки, бросил их особым образом, прикрыл одеялом. Отошел, оценивая взглядом. Уложил складки еще небрежнее.

Лиза с удивлением следила за мной через окно.

Да, теперь будет хорошо! Человек спит на кровати. Человек читал Майн Рида, уронил на пол, заснул.

Я перемахнул через подоконник. Майн Рид остался лежать раскрытый на середине...

Держась за руки, мы побежали с Лизой вдоль изгороди. За густыми кустами сирени горела лампа. Мошара трещала крыльями вокруг нее.

У калитки пришлось переждать, пока отойдет гость, куривший папиросу.

Кто-то сказал за столом, подавляя зевок:

— А без него, что ни говори, скучно будет в Весьегонске!

Стук кубиков лото. Голос исправницы:

— У кого тринадцать? У вас? Он революционер! И опасный.

Дядюшка поддержал:

— Учил, говорят, что ничего незыблемого в географии нет... Как — нет? А существующий в Российской империи государственный строй? Ага! То-то и оно!

— Не революционер... (Голос отца Фома.) Не революционер, но закономерно шел к тому, чтобы стать таковым...

— Вы фаталист, отец Фома!

Гость, куривший папиросу, отошел. Мы скользнули в калитку.

Бежали молча. Перепрыгивали через канавки, шарахались от возникавших силуэтов прохожих. Вечер был сырой. От Мологи медленно наползал туман, по-местному называемый мга.

Я заметил, что мы направляемся не к дому исправницы, а через весь город к заставе.

— Зачем? Не туда!

— Туда! Подъедет Петр Арианович... И Андрей там...

Андрей действительно был уже там. Он сидел на перекладине шлагбаума и вяло ответил на мое приветствие.

Вскоре из тумана послышалось тпруканье извозчика. (Железная дорога в те годы еще не доходила до Весьегонска. До станции надо было ехать несколько верст.)

Петр Арианович сначала пожал нам руки, как взрослым, потом обнял и расцеловал, как маленьких.

— Спасибо, ребятки. Спасибо за все!

— За что же, Петр Арианович?

— О! За многое! Вам не понять сейчас... За бодрость, верность, за веру в мечту!.. — Он спохватился: — А подарок? Что же подарить вам? Из головы вон! Все вещи запакованы... Хотя...

Он порылся в карманах. Послышался тонкий металлический хруст. Петр Арианович протянул нам на обрывке цепочки крохотный компас, служивший ему брелоком к часам.

— Всем троим: Андрею, Леше, Лизе!

— Но как же троим? Один компас — троим, Петр Арианович?.. Мы же разведемся, расстанемся...

— И-эх! Залетные! — неожиданно сказал извозчик, щелкнул кнутом.

“Залетные” налегли и дернули. Захлопала грязь под копытами.

— А вы не расставайтесь! — крикнул Петр Арианович, уже отъезжая.

И туман, как вода, сомкнулся за ним...

От заставы возвращались молча. Лиза все чаще и чаще шмыгала носом. Наверное, она застыдилась, наконец, этого шмыганья, потому что, не попрощавшись, нырнула в переулок, который вел к дому исправницы.

Туман наползал от реки, постепенно заполняя все улицы. Колышущаяся синеватая пелена пахла водорослями. Легко можно было вообразить, что наш Весьегонск затонул и мы бродим по дну реки.

Эта мысль на короткое время развлекла меня. Я сообщил о ней Андрею, желая утешить, но он сердито дернул меня за рукав:

— Тш! Слышишь?

— Шаги!

— От самой заставы!..

Да, сзади мерно поскрипывал деревянный тротуар. Это не мог быть случайный прохожий, потому что стоило нам остановиться, как прекращался и скрип. Двинулись дальше — доски снова заскрипели под чьими-то осторожными, крадущимися шагами.

— Пропустим его, — шепнул я.

Мы юркнули во двор. Пауза.

Настороженно прислушиваемся к тишине. Кто-то стоит там, за серой занавесью тумана, сдерживая дыхание.

Вдруг рядом, и совсем не в той стороне, куда мы смотрели, раздался торжествующий голос Фим Фимыча:

— Я вижу вас, не прячьтесь! Это вы — Ладыгин и Звонков! Я вижу вас!..

И тогда мы тоже увидели его, точнее, длинные его ноги. Помощник классных наставников был как бы перерезан пополам: голова и туловище терялись в тумане.

Он шагнул к нам:

— Провожали уволенного педагога? Очень хорошо! Похвально! Я завтра инспектору... А это что? Он дал? Покажи!

— Пустите!

Но помощник классных наставников ловко выхватил у меня из рук подаренный Петром Ариановичем компас, чиркнул спичкой и поднес трофей к глазам. Брови его удивленно поднялись. Потом тонкие губы растянулись в улыбку.

Невыносимо было стоять и слушать, как он смеется. Будто что-то толкнуло нас, и мы разом, не сговариваясь, кинулись к Фим Фимычу.

Я больно оцарапал щеку о пуговицу или запонку на его манжете. Андрей крикнул: “Отдайте!” И вот уже мы, вернув свое достоинство, несемся скачками вдоль улицы. Полосы тумана бесшумно раздвигаются перед нами. Сзади грохочет деревянный тротуар.

— У тебя?

— У меня!

Маленький компас-брелок я прижимал к груди, как талисман.

Конечно, не Фим Фимычу, даже с его длинными ногами, было догнать нас. Мы безошибочно ориентировались в тумане. Кидались в переулки, в проходные дворы. Довольно долго, к раздражению своего преследователя, кружили на площади, среди лабазов. Мы знали город так, что прошли бы по нему с завязанными глазами.

Вскоре помощник классных наставников отстал.

Талисман со всеми предосторожностями был спрятан в тайнике, на чердаке дома, где жил Андрей. Потом я отправился домой.

Гости уже перешли из палисадника в столовую, и там над звоном рюмок, над звяканьем ножей и вилок, как обычно, царил квакающий голос дядюшки.

Я влез в окно, размышляя о своем будущем. Теперь уже никак не миновать второразрядного юнкерского училища, куда принимают “штрафных” — с тройкой по поведению.

Ночь я спал плохо. Снилось все та же тройка по поведению. Вначале она свернулась кольцами на коврике у моей кровати, затем стала медленно подниматься на кончике хвоста, как черная змея, пока не коснулась потолка...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая СНОВА ВМЕСТЕ

Мне бы хотелось, чтобы переход от первой ко второй части читатель ощутил так, будто вместе со мной шагнул через порог темной комнаты в светлую...

Остался за спиной дореволюционный уездный город на болоте, почти целиком затопленный туманом. Перед нами — просторная Манежная площадь. Она кажется залитой солнцем даже в пасмурный день, потому что здания на ней окрашены в ярко-желтый цвет. Вдали видны красные пятна. То угловая, немного отлогая, башня Кремля и кирпичная громада Исторического музея. Часовня рядом с музеем уже снесена (мешала прохождению колонн демонстрантов), но многоэтажное здание гостиницы “Москва” еще не поднялось на углу Манежной и Охотного ряда.

Да угадали: это Москва конца двадцатых годов!

Мы сидим с Андреем на скамейке за оградой Московского университета. Деревья задумчиво шелестят листвой над нашими головами. А перед зданием университета стоит Ломоносов. Складки его длинной парадной мантии заботливо уложены скульптором. Великий ученый опирается на глобус.

Чугунные глобусы возвышаются и по обе стороны ворот, там, где обычно помещают дремлющих львов или драконов. То я, то Андрей искоса поглядываем на них. Теперь это наши глобусы, наша скамеечка, наш университет.

Мы — студенты!

Поглядел бы на нас сегодня попечитель учебного округа с его дурацкими черными бровями! Ведь он все-таки исполнил свою угрозу. После проводов Петра Ариановича роковая отметка была выведена каллиграфическим почерком Фим Фимыча против моей и Андрея фамилий.

После этого об университете нечего было и думать. С тройкой по поведению пути туда были заказаны. А как можно достигнуть неизвестных островов в Восточно-Сибирском море, не имея высшего образования?..

Отныне тройка по поведению предопределяла наше будущее. Куда б мы ни направляли в мечтах свои шаги, она неизменно с шипением, как змея, поднималась из-под ног.

— Штрафной! Штрафной! — восклицал дядюшка, бегая взад и вперед по комнате. (Тетка в изнеможении лежала на диване, повязав голову полотенцем, намоченным в уксусе). — Я же говорил? Я предупреждал! Теперь куда? В вольноопределяющиеся? Или сразу уж в босяки, в босую команду — по дворам воровать?..

Тетка в ужасе вскрикивала на своем диване. Я угрюмо молчал.

Однако произошло нечто, совершенно непредвиденное дядюшкой. Великая Октябрьская революция, отменив множество больших и малых несправедливостей, заодно смахнула со счетов и нашу злосчастную отметку.

Мы благополучно закончили трудовую школу. Работая, деятельно разузнавали, из какого вуза ближе всего до нашего Восточно-Сибирского моря. Выходило: надо поступать в МГУ, в Московский государственный университет!

Жаль, что в комсомол вступали мы не вместе с Андреем, не в одной организации.

Андрей тогда находился в вологодских лесах, где работал на сплаве. Я же оставался в Весьегонске. С дядюшкой к тому времени рассорился окончательно и, уйдя из семьи, начал самостоятельную жизнь. Товарищи по школе помогли мне устроиться в местной типографии.

Навсегда с той поры запомнился волнующий запах свежей типографской краски! Стоит услышать его, и тотчас длинное, неярко освещенное помещение упаковочного цеха предстает передо мной. Из-за стены доносятся мерные удары, будто с размаху бьют вальком по воде. То работает плоская машина, на которой печатают местную газету. Комсомольцы типографии сидят в разных позах на подоконниках и рулонах бумаги и выжидательно смотрят на меня.

— Ну же, начинай, Ладыгин! — говорит ободряющим тоном председатель.

В горле пересохло от волнения. Я тянусь к графину с водой (выпил уже залпом два или три стакана), но председатель, засмеявшись, отодвигает от меня графин.

— Я родился... — начинаю я прерывающимся голосом.

Неожиданно из глубины зала раздается:

— Неинтересно! Знаем!

Председатель строго стучит карандашом по столу.

— Нет, правда же, неинтересно! — С подоконника поднимается один из комсомольцев. — Дай я скажу!.. Сколько тебе лет, Ладыгин?.. Ага! Вот видите! Какая у него может быть биография? Ну родился... Ну Учился... —

— Тем более, с детства в Вельежонске живет, — поддерживают из зала. — Всё про него знаем: и как учился, и почему из дому ушел...

— Полагается о прошлом, — пытается возражать председатель.

— Не надо о прошлом! Пускай лучше о будущем!

— Это как же — о будущем?

— А так!.. Вот, скажем, станешь ты, Леша, комсомольцем, передовым человеком... Что будешь дальше делать?

— Работать буду. Учиться.

— Очень хорошо. А на кого учиться?

Я отвечаю с запинкой:

— На этого... на полярного исследователя...

— Почему же именно на полярного?

— Нет, не дело, ребята! — слабо протестует председатель. — Вопросы потом... — Он оглядывается на секретаря комсомольской организации, ища поддержки.

Тот улыбается:

— А это уж как собрание решит. Если будущее Ладыгина интересует комсомольцев больше, чем его прошлое, пусть о нем и расскажет.

— Правильно! Ставь на голосование, председатель!..

— Голосую!.. Один, два... четыре... семь... двенадцать... Кто против? Воздержавшихся нет?.. Так. Говори, Ладыгин!

И тогда, путаясь и запинаясь, я принимаюсь рассказывать общему собранию о незаконченном открытии своего учителя географии, об островах в далеком Восточно-Сибирском море, куда во что бы то ни стало надо добраться, чтобы на вершине самого большого острова водрузить наконец наш гордый советский флаг!..

Пауза. Тишина. Потом кто-то медленно, будто думая вслух, произносит в глубине зала:

— Что скажете, ребята? Я так считаю: можно принять!..

И непонятно, что он имеет в виду: считает ли меня с моей мечтой достойным высокого звания комсомольца, сам ли мечту об Арктике включает в перечень романтических дерзновенных мечтаний нашего поколения...

Все время, что жили с Андреем порознь, я — работая в типографии, он — на сплаве в вологодских лесах, переписка не прекращалась между нами. Особенно оживилась она летом того года, когда решено было наконец подать документы в МГУ.

Признаться, несколько смущала тригонометрия. Почему-то ее не изучали в нашей трудшколе, и теперь приходилось кряхтеть над нею дома, самим.

Даже когда съехались в Москве — в условленный день и час встретились на перроне Ярославского вокзала, — лицо моего друга сохраняло угнетенное выражение, как будто соседи по вагону всю дорогу донимали его вопросами: “А не назовете ли, молодой человек, формулы двойных и половинных углов?.. А не вспомните ли формулы преобразования произведений тригонометрических функций в алгебраические суммы?..”

Но тригонометрия не подвела нас. Мы выдержали!

Только что, побывав под низкими сводами университетской канцелярии, прочли свои фамилии в списке, вывешенном на стене. Мы выдержали экзамены и были приняты! Мы — студенты!

Какое-то блаженное состояние охватило нас. Не хотелось уходить отсюда, с этой скамеечки, от этих чужуных глобусов и приветливой зеленой листвы. Очень хорошо было сидеть так у подножия памятника и смотреть на Манежную площадь. Даже тихо накрапывающий дождик не мешал нам.

По-видимому, это испытывали не мы одни. Вскоре к нам подсел улыбающийся парень в майке — как выяснилось, пошехонец, наш земляк, — потом кучерявая черненькая девушка из Минска, сразу же принявшаяся цитировать Маяковского. Позже подошли несколько сибиряков: один из Бийска, остальные из Читы. Им уже не хватило места на скамейке, и они уселись по-турецки прямо на траву.

Не помню, почему зашел разговор о природе подвига.

— Обязательно ли совершается подвиг на войне, в бою? — спросил один из сибиряков. — Длится ли он всего мгновение или может растянуться на долгие годы?

Кучерявая девушка из Минска вспомнила волнующие слова Энгельса: “венец жизни — подвиг!..”

Да, это было так! Это было прекрасно. Любая, самая скромная жизнь получает смысл, если человек стремиться увенчать ее подвигом.

Труд — это та же битва. Хорошо ворваться первым во вражескую крепость и водрузить на ней красное знамя. Но можно ведь поставить его и над станком в цехе!

Наше поколение решает спор между капитализмом и коммунизмом — между прошлым и будущим человечества. Мы — вестники будущего. Творя его, приближая его, мы различаем впереди прекрасные, tit не построенные города, дикие диквинные, созданные руками человека растения, новые химические элементы в пустующих квадратах периодической системы Менделеева.

Нам предстоит свершить все это, чтобы победил коммунизм!..

Конечно, выражено это было как-то иначе, не помню уже, в каких именно словах, и, наверное, не так связно. Но ведь мы были в том счастливом возрасте, когда друг друга понимают с полуслова.

Ломоносов со своего пьедестала ласково смотрел на нас. Втайне я считал, что особенно ласково он смотрит на меня с Андреем. Вся жизнь свою великий помор был привязан к Сибирскому морю, как он называл Ледовитый океан. С десяти лет до девятнадцати ходил на рыбную ловлю с отцом. Став ученым, снаряжал экспедиции для достижения полюса. Первым разгадал вековую тайну льдов, зарождающихся у берегов Сибири и пересекающих океан.

Однако так разнообразна была деятельность этого русского гения, чтобы любой из студентов — будущий физик, будущий химик, будущий филолог — с тем же основанием мог принять на свой счет ласково-благодарное выражение его лица.

Да, отсюда, с Моховой, острова Восточно-Сибирском море были куда лучше видны, чем из Весьегонска. До них, казалось, рукой было подать!..

А еще через несколько месяцев мы встретились с Лизой — неожиданно, в библиотеке имени Ленина.

В конце двадцатых годов новое здание еще не было построено, и все многочисленные посетители, преимущественно студенты, теснились в старом зале.

Был тот час, когда в зале делается особенно уютно от зеленого, теплого света абажуров. Мы стояли с Андреем на “антресолях”, у перил, как раз там, где прибита досочка с надписью “Стоять воспрещается” и где, несмотря на это, всегда толкуются влюбленные парочки, шепчущиеся о своем счастье, а также одиночки, мрачно пережевывающие бутерброды.

— Петр Арианович сидел за одним из этих столов, — сказал я, глядя вниз.

— Угу! — пробормотал Андрей. — В году, наверно, одиннадцатом или двенадцатом...

— Как странно, что мы теперь здесь, где он обдумывал свою гипотезу!

— Что же странного?

Стоявшая неподалеку девушка с любопытством поглядела на нас и придвинулась. Я принял небрежную позу, Андрей отвернулся.

Вдруг меня тронули за локоть и шепнули:

— Курс норд-ост, верно?

Это могла быть только Лиза! Кто же еще, кроме нее, знал курс к нашим островам?

Но девушка ничем не напоминала бывшую девчонку с косичками. Над головой не торчали смешные мышинные хвостики. Веснушки остались в самом ограниченном количестве, и то лишь на кончике носа. Волосы были острижены коротко, под мальчика, только надо лбом оставлена небольшая гривка, которой она ловко встряхивала по временам. Но ладошка на ощупь была такой же теплой и твердой.

— Я сразу поняла, что это вы, — затараторила она, держа нас за руки. — Ты так же шуришься, Леша, а Андрей глядит таким же букой.

Но тут с кислым лицом приблизилась библиотекарьша и попросила “восторги по случаю встречи” перенести на лестницу.

— Я знала, что встретимся, знала! — повторяла она. — Ведь Петр Арианович велел нам, чтобы мы были вместе...

— Не забыла Петра Ариановича?

— Что ты! — удивилась она. — Ведь он научил меня читать и писать. Этого забыть нельзя!..

Лиза оказалась самой нетерпеливой, самой азартной из нас. Она готова была отправиться на поиски островов в Восточно-Сибирском море хоть сейчас.

Но, кроме того, по ее словам, она должна “найти себя”.

Что, собственно, это означало: “найти себя”?

— Обратился бы в милицию, в бюро утерянных вещей, — поддразнивал я.

Она не обиделась. Только повернула ко мне расширенные карие, довольно красивые глаза и сказала:

— Ах, Леша, ты ничего не понимаешь, ничего!..

“Поиски”, по-видимому, давались нелегко. Как-то Лиза, возвращаясь с диспута Луначарского и митрополита Введенского, сказала нам со вздохом:

— До чего же хочется на Луначарского быть похожей!..

— Как! — притворно удивился я. — Чтобы в пенсне и с бородой?

— Чтобы все знать, как он! Чтобы уметь сразить врага остроотой, сшибить с ног!.. Я подумаю еще, может, на литфак пойду... — Она опять вздохнула. — Отчего, ребята, я такая жадная? Всюду хочу поспеть сама. Музыку слушаю — хочу быть композитором или дирижером. Книгу читаю — мечтаю писать. По мосту иду (мы переходили Москву-реку) — хочу, чтобы мой был мост, чтобы я строила его. И всюду хочу первой... Это плохо — хотеть быть первой?

— Отчего же? — пробормотал я, осторожно перепрыгивая через лужу. — Есть блестящее предложение: можешь стать чьей-нибудь первой... любовью — Андрея, например...

— Вечно шутишь, Леша! — недовольно сказала она. — Как не надоест — шутить и шутить!

Мы с Андреем побывали у нее в гостях. В комнате у нее было очень уютно, несмотря на то, что там жили еще четыре девушки. Наша Лиза умела создать уют из пустяков, из ничего, воткнув в стакан букетик ландышей или разбросав на этажерке вырезанные из цветной бумаги салфеточки.

У нее был талант, свойственный, кажется, только женщинам: обживать любое, самое неуютное помещение. Она обжила бы, по-моему, даже льдину среди океана, заставив морских зайцев и нерп потесниться к краешку.

Наблюдая за тем, как она носится по комнате, накрывая на стол, дружески перебраниваясь со мной и ловко нарезая присланное из Вельегонска сало, я заметил — просто так, к слову:

— Представляю себе жену полярного путешественника именно такой, как ты. Да! Домовитой, заботливой и...

— Ага! — Она тотчас накинулась на меня, так как по-прежнему была забиякой. — Это значит: ждать-поджидать, поддерживать огонь в очаге? Англо-саксонские образцы, вычитано из книг!

— Ну что ты! — удивился я. — Какие же образцы? Вообрази усталого путешественника с заиндевелой бородой, с которой падают сосульки на коврик перед камином...

И я изобразил путешественника довольно яркими красками.

— Разве ему, — продолжал я, — не нужен отдых, не нужна заботливая, любящая жена?

— Нужна, — смягчилась Лиза. — Но самой женщине мало этого. Я имею в виду советскую женщину, тем более комсомолку. У нее... у меня... у нас должна быть своя собственная яркая жизнь! И своя слава, а не только отблеск мужниной славы.

И пошла, и пошла!.. На эту тему она могла говорить часами.

— Нет, Лешенька, милый! Уж если быть женой путешественника, то такой лишь, как Ольга Федченко или Мария Прончищева! Чтобы с мужем всюду рука об руку, чтобы вместе и в горы Средней Азии, и в тундру на собаках...

— И чтобы бухту назвали твоим именем?

— А что ж? Прончищева заслужила это... Впрочем, лично я не хочу заниматься открыванием новых земель, — неожиданно добавила она.

— Почему?

— Отмирающая профессия!

— Что-о?!

Андрей с изумлением посмотрел на меня, я — с изумлением на Андрея. Так-таки и бухнула: отмирающая!

— Это ты, чтобы позлить, — сказал я, придя в себя.

— Нет, докажу, как дважды два! Ответь-ка: настает время, когда сотрете все “белые пятна” на карте, откроете все острова, измерите все моря?

— Ну, допустим.

— Не “допустим”, а так и есть!.. Но и тогда останется на земле огромная, неизученная, таинственная страна...

— Какая же?

— Страна Завтрашнего Дня. Наш Советский Союз в будущем. И каждый человек, обгоняет свое время — новатор, изобретатель, мыслитель, — прокладывает путь в Страну Завтрашнего Дня!

— Вычитала где-нибудь! — пробормотал Андрей недоверчиво.

— Ну и что ж, что вычитала? Правильно ведь?

— А разве мы собираемся с Лешей путешествовать во Вчерашний День? Новые острова, открытые в Советской Арктике, — это разве не Завтрашний День?

— Так ведь острова уже были до вас! Как ты не понимаешь? Вот если бы вы их создали, построили на дне морском...

Споря об этих не открытых еще островах, мы не предполагали, что жизнь самым удивительным образом помирит нас — даст работу и мне с Андреем и нашей неугомонной приятельнице.

Глава вторая СТРЕЛКА УКАЗЫВАЕТ НА НОРД-ОСТ

В отличие от Лизы, у нас с Андреем не было и не могло быть колебаний в выборе профессии.

Над нашим общим письменным столом, между расписанием лекций в университете и программой футбольных состязаний, висел маленький компас-брелок — подарок Петра Ариановича. Стрелка, закрепленная неподвижно, указывала на НО — норд-ост, северо-восток.

(Именно там, на северо-востоке Советской Арктики, если помнит читатель, должна была находиться гипотетическая, то есть предполагаемая, Земля Ветлугина).

Образ учителя географии не потускнел с годами. В споре, в ссорах мы постоянно прибегали к авторитету Петра Ариановича. То и дело я, либо Андрей повторяли: “Петр Арианович, думаю, не сделал бы так... Петр Арианович по этому поводу сказал бы...”

Долго верили в то, что встретимся с ним.

В первый же год по приезду навели справки в Наркомпросе. Нет, в списках педагогов Ветлугин не числился.

Списались с отделом кадров Академии наук, находившейся тогда в Ленинграде. Среди научных сотрудников Ветлугина не было.

Умер?..

Но это нелегко было себе представить. О людях, всеми помыслами и делами устремленных в будущее, не так-то просто сказать: “умер”.

Умер, не нанеся на карту свои острова?!

Личность Петра Ариановича неразрывно слилась в нашей памяти с удивительными, неразгаданными островами.

Помнили о них всегда. Видели их как бы боковым зрением, отправляясь в Москву, в университет, проверяя друг друга по программе вступительных экзаменов, расхаживая по московским улицам и восторженно разглядывая афиши: “Балет “Красный мак”, “Вечер Маяковского”, “Концерт Собинова и Неждановой”.

Так бывает в поезде. Можно оживленно разговаривать с попутчиком, читать журнал или играть в домино и в то же время краем глаза следить за пейзажем, проплывающим за окном.

Иногда мы надеялись, что узнаем одновременно о Петре Ариановиче и об островах.

Разве нельзя было, остановившись по дороге в университет у щита, где вывешивалась “Правда”, увидеть заголовок: “Открытие новых островов в северо-восточной части Восточно-Сибирского моря”?

А под ним:

“С борта ледокола. От нашего специального корреспондента... Только что начальником экспедиции П.А.Ветлугиным под грохот салюта поднят флаг Советского Союза на вновь открытом архипелаге... Величественная картина крутых лесистых склонов... Конические горы, снежными вершинами упирающиеся в облачное небо...”

Но не появлялось такого сообщения в “Правде”...

Клад, завещанный нам Петром Ариановичем, оставался нетронутым. То был географический клад — острова, охраняемые льдами и туманом!.. Нельзя было на пути к островам “рыскать”, как говорят моряки, то есть отклоняться от заданного курса. Стрелка компаса, закрепленная неподвижно, указывала на НО — северо-восток.

— Не забывай афоризм, — поучительным тоном повторял Андрей: — “Если хочешь достигнуть чего-нибудь в жизни, будь целеустремленным”.

Андрей гордился своей целеустремленностью. Я иногда разбрасывался, по его мнению.

— У тебя шквалистый характер, Леша, — сказал он однажды. (Кажется, мы проходили в то время шкалу ветров Бофорта).

— То есть?

— Как ветер, налетающий порывами.

— А у тебя?

— О! Постоянну дующий легкий бриз, — поспешно сказал он, но сам не выдержал и захохотал.

Вот уж действительно ничего похожего на бриз, на его нежнейшее, ласкающее дуновение! Скорее мужественный и суровый северный ветер!..

Наружность моего друга соответствовала его характеру. Он остался букой, таким же, каким был в детстве. Смуглый, черный, как жук, с круглой, коротко остриженной головой. (“Прическу там какую-то заводить! Пробор делать!..”)

Он не имел уменьшительного имени. Язык не повернулся бы назвать его Андрюша или Андрейка. Андрей — это было то, что полагалось. Андрей — это было хорошо!

Только довольно крупный вздернутый нос нарушал общее впечатление. Очень забавны были эти широкие, будто любопытные ноздри. И по-прежнему нос смеялся со всем лицом — покрывался мелкими складочками и морщинками, точно Андрей собирался чихнуть. Смеялся мой друг не часто, но зато уж закатывался надолго, совсем как Петр Арианович.

Оглядываясь назад, я вижу, что мы были по-настоящему счастливы в свои студенческие годы. Мы были молоды, полны сил, находились в Москве, в мировом научном центре, учились в старейшем русском университете, где все напоминало о славных традициях русской науки, самой передовой в мире.

А впереди — впереди были наши острова! Казалось, каждая прослушанная нами лекция, каждый сданный зачет приближают нас еще на шаг к островам!

Жили мы в тесной комнатке в одном из переулков между Пречистенкой и Остоженкой, жили отлично, хотя считалось, что настоящая жизнь начинается только за Полярным кругом.

В Москве наш день начинался с того, что мы любовались городом. Любовались им с крыши, потому что именно здесь делали свою утреннюю зарядку.

Даже зимой выскакивали на чердак, голые по пояс, быстро пролезали в узкое чердачное окно и выбегали на крышу, делая такие движения руками, точно плыли брасом.

Холодно? Вздор! Сейчас будет тепло!

Пританцовывая, обеими горстями захватываем побольше хрустящего чистого снега, с силой растираем спину, грудь. Потом — бегом вниз, по винтовой лестнице, к крану на кухне. Вода после снега кажется всего лишь прохладной.

Довольное урчанье и фырганье оглашают коммунальную квартиру. Соседи, зевая, отрывают головы от подушек. Ого! Уже семь часов?.. Студенты из угловой комнаты поднялись...

Говорят, по-настоящему здоров тот, кто не ощущает своего здоровья. Это не так. Мы ощущали свое здоровье.

Мы даже щеголяли приобретенной на крыше неуязвимостью. В лютые морозы, когда на улице все горбились и прятали носы в воротник, я и Андрей беззаботно сдвигали фуражки на затылок. Ни кашне, ни меховых шапок, ни зимних пальто не носили из принципа. Подумаешь: 56-я параллель! А нам в будущем зимовать на 76-й или 86-й!..

Крыша была нашим владением не только зимой, но и летом. Выходили сюда в одних трусах и готовились к зачетам, подстилая коврик, чтобы не так обжигало железо. Надо было набрать солнышка внутрь побольше, про запас, в предвидении долгих бессолнечных зим в Арктике.

На крыше было удобно проверять друг друга по метеорологии.

— Какие облака проплывают, Леша?

— Цирусы.

— Врешь, врешь! В учебник загляни. Куммулюсы! Видишь — пышные, будто взбитая мыльная пена.

Крыша называлась у нас верхней палубой. Комнату снисходительно называли кубриком. Она и на самом деле была похожа на кубрик: узкая, длинная, отделенная тонкой переборкой от соседней.

Стоит упомянуть и о том, что за время ученья в университете мы не пропустили ни одного ледохода на Москве-реке.

Часами могли стоять у каменного парапета, следя за тем, как медленно вспучивается на стреже река, делается выпуклой, как шоссе. Происходило это оттого, что течение всего быстрее на середине русла.

Стоя на Каменном мосту, чувствовали себя как бы на стыке прошлого и будущего. Воображением уносились в Арктику, представляя себе, как будем пробираться на ледоколе через пловучие многолетние льды к земле, синеющей на горизонте. Памятью же возвращались в Весьегонск, в тот солнечный день, когда так же вот стояли на мосту через Мологу, а Петр Арианович с озабоченной доброй улыбкой шел по берегу за игрушечным корабликом, поддерживая его шестом.

— Опять на ледоход бегали смотреть? — возмущалась Лиза и недоверчиво оглядывала нас с головы до ног. — Ну конечно, брюки в снегу, пальто мокрое... Дети! Ну, просто как маленькие дети!

Она усвоила интонации старшей сестры, хотя была года на три-четыре моложе нас. Журила за непрактичность, неэкономичность, неаккуратность. Проверяла наличие белья, иногда самолично штопала его. Перед ее приходом — она забегала к нам два раза в месяц — приходилось старательнее обычного подметать комнату. И все-таки Лиза оставалась недовольна, сердито хватала веник и подметала по-своему.

Она любила присутствовать при наших нескончаемых спорах о Земле Ветлугина.

Иногда, оборачиваясь, я видел, что она сидит в уголке и задумчиво смотрит на меня своими блестящими светло-кариими глазами. Если я делал промах, запинался, глаза тускнели. Если же “срезал” Андрея ловким возражением или шуткой — делались теплыми-теплыми...

Живейшее участие принимала она и в наших сердечных делах, главным образом в моих.

— Разбрасываешься! Нехорошо! — говорила она. — Размениваешь свое чувство на гривенники!..

— Посмотрим, как ты не будешь разменивать! — обидчиво отвечал я. — У тебя поучусь...

— Гривенников не будет! Не хочу мельчить любовь! Мне, знаешь, подавай все сразу, в большущем золотом слитке! Я жадная!

В кино, музеи, на публичные лекции мы ходили всегда вместе, три неразлучных друга-земляка: Лиза — посередине, я и Андрей — по бокам.

Только в тот вечер, о котором я расскажу сейчас, я и Лиза остались вдвоем. Андрей совсем уж собрался идти с нами, повязал даже галстук — впервые в жизни, — но в последний момент задержали какие-то дела.

Очень красиво выглядела Москва-река. Похоже было, что устроители молодежного карнавала в Нескучном саду одолжили на время радугу, сняли ее с неба и аккуратно уложили между кустами.

Стоя на берегу, мы смотрели с Лизой на воду. Ветки деревьев закрывали от нас небо, но праздничный фейерверк был хорошо виден в воде. Было первое или второе мая.

Сначала, как это обычно бывает, говорили об отсутствующих — хвалили Андрея за собранность и целеустремленность. Потом Лиза запела вполголоса:

Живет моя отрада
В высоком терему...

Оборвала, вопросительно посмотрела на меня.

Я предложил съесть мороженого. Затем мы катались на “чертовом колесе”, хохотали над своими дурацкими изображениями в зеркальной “комнате смеха” и немного потанцевали на танцплощадке под баян.

Почему-то мы снова очутились на старом месте, на нашей аллейке у воды. Было очень тепло. По Москве-реке плыли украшенные фонариками катера с пассажирами, толпившимися на верхней палубе. Оттуда нам кричали что-то, какую-то карнавальную чепуху.

Я был в приподнятом настроении, что называется, “в ударе”. Только что пришла в голову мысль: в поисках островов в Восточно-Сибирском море воспользоваться помощью эхолота. Хорошо бы сразу рассказать об этом Андрею, проверить, правильна ли мысль. Но Андрея не было. Рядом была только Лиза.

— Понимаешь, — начал я издалека, — в сплошном тумане штурман находит место корабля по глубинам. На карте обозначены глубины. Если применить этот принцип к гипотетическим землям...

Лиза обернулась ко мне. Голос ее странно дрогнул:

— Какая ночь, Леша! — сказала она. Пауза. И нетерпеливо, почти сердито: — Такой ночи, Леша, больше не будет!

Меня удивило ее волнение. Эти слова прозвучали проникновенно, совсем как пророчество.

Я заглянул своей спутнице в глаза. Они были обращены ко мне, широко раскрытые, очень яркие, все с тем же странным вопросительным выражением.

Мне захотелось взять ее за руку и спросить, что с нею, не устала ли она от “чертова колеса” или от этой дурацкой “комнаты смеха”. А может быть, у нее разболелся живот от мороженого?

— Я хотел тебе рассказать о глубинах, — начал я неуверенно.

Но Лиза продолжала молчать.

— Ты здорова, Рыжик? — спросил я, беря ее за руку. — Что с тобой?

Неистово защелкал соловей в листве над нашими головами. Теплая ладошка дрогнула в моей руке.

Внезапно затрещали сзади кусты, послышалось прерывистое дыхание, и на тропинку подле нас прыгнул, почти свалился с косогора Андрей.

— Ф-фу, жара! — сказал он, отдуваясь и вытирая шею платком. — В мыле весь, так бежал!.. Извините, ребята, что запоздал!..

Мы довольно долго еще гуляли по парку, распевая песни.

Лиза заводила:

Сидели два медведя
На ветке на одной...

Мы с Андреем подхватывали:

Один смотрел на небо,
Другой качал ногой.

И опять заводила Лиза:

И так они сидели
Всю ночь напролет...

А мы мрачно подтверждали:

Один смотрел на небо,
Другой качал ногой...

Кончилось тем, что Андрей потерял свой галстук. (Под шумок, пользуясь темнотой, он снял его с шеи и засунул в задний карман брюк.) Мы с Лизой помирали со смеху, а он вертелся на месте, пытаясь посмотреть, не свешивается ли галстук из кармана.

Отличный, веселый был вечер! И все-таки странный. Показалось ли мне, что Лиза за что-то сердится на меня?.. Впрочем, на другой день она была такая же, как всегда.

Глава третья
“СКРЫТЫЙ ПЕСЕЦ”

...С шелестом перевертываются страницы учебников. Открываются и закрываются двери в высокие, светлые аудитории. Диковинными цветами расцветают абажуры на столах в университетской читальне.

Словом, быстрой чередой проходит несколько лет, и вот в жаркий июльский полдень спешит по Манежной площади загорелый молодой человек, с любопытством озираясь по сторонам.

Поразительно! Стоит на год отлучиться из Москвы, чтобы по возвращению обязательно найти в ней значительные перемены. Взять хотя бы Манежную. На углу Охотного ряда, словно из-под земли, выросла вышка шахты, обнесенная забором, похожая на старинную деревянную крепость, и сразу же привычный вид площади изменился.

Москва строится! Она строится сейчас не только ввысь, но и вглубь!

— Просту извинить. Это, наверное, метро? — обращается молодой человек к прохожему в белых брюках и панаме, суетливой рысцой пробегающему мимо.

— Да, вышка Метростроя. Вы в Москве первый раз?..

— Нет, я москвич. Вернулся из длительной командировки...

Сдвинув панаму на затылок, прохожий удивленно глядит вслед молодому человеку.

Удивляться есть чему.

Термометр у “Метрополя” показывает 28 градусов в тени. Москвичи по этому случаю разгуливают в белых парусиновых брюках, а москвички — в невесомых сарафанах. Только молодой человек, вернувшийся из командировки, одет не по сезону. На нем унты, опущенные до икр и раздувшиеся подобно ботфортам мушкетеров. Через левую руку переброшен комбинезон на меху, в правой — меховой треух, которым приезжий обматывается, как веером.

Его появление в трамвае, где пассажиры стоят плотно, плечом к плечу, не вызвало восторга.

— Хоть бы на подножке ехали! — простонал кто-то, притиснутый комбинезоном к стене. — Такая духота, а вы с медведями со своими!

— Это олень, — пояснил владелец комбинезона, точно от оленя было менее жарко, чем от медведя. — Я только что с аэродрома. Извините, пожалуйста...

— С периферии?

— Из Арктики.

Это признание сделало его центром внимания в трамвае. Пионер попытался уступить место. Гражданин, притиснутый комбинезоном, сказал подобревшим голосом:

— А двери за собой в Арктику не забыли закрыть? Хоть бы щелочку догадались оставить, чтобы ветерком пахнуло...

Даже кондукторша, со свирепым видом отрывавшая билетки, милостиво разрешила сойти с задней площадки, когда трамвай остановился у Кропоткинских ворот. (“Где уж вам шагать через весь вагон в сапогах таких!”)

Так — почти триумфально! — состоялся мой приезд в Москву, потому что молодым человеком в унтах был я (читатель, наверное, уже догадался об этом).

Какая-то девушка, обогнав меня на тротуаре, засмеялась и оглянулась. Ей, вероятно, понравился треух. Я даже не улыбнулся в ответ. Не до улыбок было сейчас. Чем ближе к дому, тем серьезнее и сосредоточеннее я становился.

Медленно, стараясь протянуть время, поднялся по лестнице, повернул ключ в замке.

— Алексей Петрович приехал! — крикнули на кухне.

Тотчас население коммунальной квартиры высыпало в коридор — выбежали сразу все, будто сидели, притаясь за дверью, в ожидании моего возвращения.

— Где же Андрей? — удивился я.

— Андрей Иванович в институте. Хоть и выходной, а в институте. Прилетел на прошлой неделе. Думал, что вы уже дома. Загорел больше вас!

— Спрашивал меня кто-нибудь?

— Елизавета Гавриловна. Каждый день...

Еще бы!

Я подошел к телефону:

— Лиза? Это я. Здравствуй!.. Да, только что... Приезжай — расскажу... Здоров, здоров... И вот что:хвати Андрея по дороге. Он в лаборатории... Там нет телефона... Фотографии? Привез. Получилось хорошо... Увидишь...

Завтра или послезавтра фотографии появятся в газетах. Нехорошо, если Лиза узнает обо всем не от меня, а из газет.

Переодевшись, я поднялся на крышу, чтобы полюбоваться городом.

Внизу текла Москва-река. В воде отражались белые облака, зеленые деревья бульваров и красная Кремлевская стена. Будто крылья вырастали, когда смотрел отсюда на Москву.

Я любил ее такой — в яркий солнечный день. Но мне нравилась она и в туман, и звездной ночью, и в искрящемся зимнем уборе.

Всегда ободряла, радовала, успокаивала.

Только сегодня, несмотря ни на что, оставался осадок на душе. Я не мог забыть о фотографиях.

Да, ни одно из моих возвращений не было таким печальным. Какое же это было по счету возвращение?..

После окончания университета я зимовал на Северной Земле. Второе лето плавал в море Лаптевых и на гидрографическом судне “Гусляр”, уточняя границы материковой отмели. Отплавал — вернулся. Зиму провел в Москве и снова улетел в Арктику, на этот раз на остров Котельный, в группе Новосибирских островов.

С каждым годом, как видит читатель, подбирался все ближе к “нашей” земле, к району “белого пятна” в Восточно-Сибирском море.

“Белые пятна” на географической карте нельзя закрепить за собой. В любой момент может выдвинуться из тьмы некто, шагнуть к “белому пятну” и стереть его с карты одним взмахом руки.

Текльтон, правда, уже не мог сделать этого. Он умер, “не прозрев”, как говорили мы с Андреем, то есть так и не узнав, что слева по борту остались неизвестные острова.

Это был один из последних иностранных путешественников, побывавших в русском секторе Арктики. Кончилось время, когда к берегам Сибири жались норвежские, американский, английские корабли, пытавшиеся подобраться отсюда к полюсу. Кончилась эпоха случайных набегов, одиночных вылазок в Арктику. Советский Союз предпринял ее планомерное, последовательное освоение.

Ни одно капиталистическое государство, конечно, не смогло бы действовать с таким размахом и, главное, так целеустремленно. За короткий срок советские полярники продвинулись очень далеко в Арктике, закрепляясь на отвоеванных у природы позициях.

Уже зареял гордый советский флаг над островом Врангеля — крайней восточной точкой советской территории в полярных морях. Уже взметнулся он по флагштоку вверх над островом Виктории — крайней западной точкой Советской Арктики. Плещущий по ветру красный флаг подняли и в бухте тихой. Отважный советский ученый, академик Шмидт, высадившись со своими спутниками на Земле Франца-Иосифа и утвердив права Советского Союза на этот обширный архипелаг, расположенный наиболее близко к полюсу.

Осуществилась мечта всех передовых русских людей: за одну навигацию был пройден Северный морской путь. Экспедиция на ледокольном пароходе “Сибиряков”, возглавляемая академиком Шмидтом, совершила то, что многим казалось невозможным: за два месяца прошла из Белого моря в Берингов пролив.

“Белые пятна” исчезали на карте одно за другим, и я следил за этим со странным чувством, в котором, кроме радости, было и ревнивое нетерпение.

— Недолго осталось ждать, — говорил я Андрею. — Очередь дойдет и до наших островов в Восточно-Сибирском море.

Но при этом мы все чаще беспокойно переглядывались.

Петр Арианович считал, что острова располагаются не очень далеко от материка. Однако, по мере того как советские полярники продвигались в глубь “моря тайн”, “моря тьмы”, гипотетическая земля отступала все дальше на северо-восток.

Открытые до сих пор в Советской Арктике острова находятся в пределах материковой отмели, то есть на дне окраинных сибирских морей, которое является как бы подводным продолжением материка. Глубины здесь сравнительно невелики. Дальше глубины резко падают, начинается материковый склон, а за ним — ложе океана. На большой океанической глубине существование гипотетических земель, конечно, гораздо менее вероятно.

— Ну, а Земля Ветлугина — вулканического происхождения, как Ян-Майен? — с надеждой спрашивал я.

Андрей с сомнением качал головой.

Он утешал меня тем, что северо-восточная граница Восточно-Сибирского моря, то есть граница отмели, до сих пор не уточнена гидрографами. Это поддерживало в нас надежду.

По окончании университета мы с Андреем выбрали специальность гидрографа. На этот счет сомнений не было: гидрографом был Ломоносов, гидрографом был и Седов. И наш Петр Арианович, наверное, был бы гидрографом, если бы ему не преградили дорогу в Арктику.

Двум гидрографам трудно устроится на одну и ту же полярную станцию. За порогом университета наши пути с Андреем временно разошлись.

В отличие от меня, он двигался к Восточно-Сибирскому морю не с запада, а с востока. Две зимы провел в бухте Провидения, потом перекочевал на мыс Уэлен.

Только на третий год Андрею посчастливилось приблизиться к нашему “белому пятну”. Он получил назначение на полярную станцию острова Врангеля.

Я с интересом прочел в “Гидрографическом вестнике” его сообщение о том, что в середине зимы им замечены айсберги, приткнувшиеся к северному берегу острова. Мы так привыкли с полуслова понимать друг друга, что сразу же стало понятно значение, которое Андрей придавал этому.

“Откуда приплыли айсберги? — задавал он себе, наверное, вопрос. — Не из района ли нашего “белого пятна”?”

Ведь именно так был открыт в свое время остров Ушакова. О существовании его не подозревал никто, пока с гидрографического корабля “Садко” не заметили множество айсбергов, плывущих по морю. Предположили, что где-то близко находится их отправной пункт — “месторождение”. Двинулись навстречу айсбергам и,

действительно, вскоре увидели на горизонте остров — ледяную шапку. От нее и откалывались ледяные глыбы, уносимые по воде ветром.

Не терпелось встретиться с Андреем, чтобы расспросить его о сделанных им наблюдениях и обсудить их.

Наши пути, однако, скрестились не в Москве, а над белой пустыней Восточно-Сибирского моря.

Весной донеслись оттуда тревожные сигналы “SOS”. Вмерзшее осенью во льды и дрейфовавшее с ними нефтеналивное судно “Ямал” было раздавлено во время одного из сжатий. Люди высадились на пловучую льдину.

Тотчас были организованы спасательные работы. Первым к месту аварии добрался самолет, базировавшийся на остров Врангеля. Андрей был на нем. Я прилетел позже, с группой самолетов, направленных с Новосибирских островов.

Дела было невпроворот. Научным работникам, включенным в состав экспедиции, приходилось все время быть начеку. Погода капризничала. Льды непрерывно двигались. Нетрудно представить себе, что произошло бы, если в разгар эвакуации сюда проник циклон...

Я знал, что Андрей совершил только один рейс на льдину и затем вернулся на остров Врангеля. Группа же самолетов, которую я обслуживал как гидрограф-ледовик, базировалась на Котельный. Нам так и не удалось повидаться, хотя, по арктическим понятиям, мы были соседи — нас разделяло всего несколько сотен километров.

Во время одного из рейсов я пролетел над районом “белого пятна”, в центре которого, по мнению Петра Ариановича, находились острова. Мне посчастливилось сфотографировать этот неисследованный до последнего времени закоулок Арктики. Я сделал несколько снимков.

Вот они здесь, все до одного, отпечатанные на самой лучшей, блестящей, глянцевой бумаге!..

Эх, лучше бы их не было!.. Я досадливо оттолкнул полевую сумку с фотографиями.

На секунду снова увидел льды под крылом самолета — почти так же отчетливо, как улицу внизу, полосатую от пересекавших ее теней. Потом издалека донеслось мое имя.

На тротуаре у подъезда стояли и смотрели вверх улыбающиеся Андрей и Лиза.

Через несколько минут железные листы загромыхали под их шагами.

— Греешься?.. Промерз? — спросила Лиза.

Светло-карие глаза ее стали совсем ореховыми. Высоко взбитая челка выгорела за лето и выглядела, как маленькая корона из золота, ловко укрепленная в волосах.

Метания ее, “поиски себя” давным-давно кончились. Она училась в Строительном институте, выбрав одну из наиболее популярных в те годы профессий.

Отвернувшись, чтобы не видеть ее счастливого лица (не хотелось причинять ей боль), я вытащил из сумки фотографии. Андрей и Лиза нетерпеливо нагнулись над ними.

Льды и туман... Туман и льды... Больше там не было ничего!

Ни единого, самого маленького, черного пятнышка! Ни признака суши. Безотрадно плоская равнина льдов с темнеющими кое-где полыньями.

Лиза ошеломленно опустила на коврики, не отводя взгляда от фотографий.

Андрей снова перебрал их одну за другой, вертя в руках, придирчиво рассматривая и так и этак.

— На каких координатах снято? — допрашивал он. — А тут?.. А тут?..

Координаты, как полагается, были записаны мною на обороте.

— А точно ли определялся? — спросил Андрей. — Как определялся? Может быть, по магнитному компасу?

Кто не знает, что в Арктике из-за близости магнитного полюса обычный магнитный компас — ненадежный путеводитель?

Нет, я определялся по солнечному указателю курса.

Мы летели в тот раз налегке, и летчик, по моей просьбе, сделал небольшой круг, дважды пройдя над районом, внутри которого, по расчетам Петра Ариановича, должна была находиться земля.

Фотографии последовательно фиксировали наш путь. Ничего, кроме льдов и тумана, обнаружено не было.

— А Петр Арианович не мог ошибиться, неправильно вычислить? — неуверенно спросила Лиза.

— Петр Арианович? — переспросил я с негодованием. Вопрос показался мне чуть ли не кошунственным. — Ну что ты! Нет, дело в другом...

— В чем же?

Андрей со всегдашней своей, изводившей меня методичностью принялся рыться в карманах.

— Пока я не знаю, понимаешь, но...

Он бережно вытащил маленькую фотографию.

Ничего замечательного на ней не было. Снят был песец. Тощий, облезлый, сфотографированный скорее всего весной, после зимней голодухи. Он одиноко стоял на льдине у ропаков.

Поза его была напряженной, хвост поджат, уши насторожены. Видно, чуял опасность и в любое мгновение готов был задать стрекача.

— Обыкновенный песец, — сказала Лиза разочарованно.

— Не совсем обыкновенный. Важно то, где он снят.

— А где?

— Не очень далеко от этих мест... — Андрей кивнул на мои фотографии.

— Снято не с самолета?

— С земли. Точнее, со льда. Нам, видишь ли, пришлось сделать вынужденную посадку. На обратном пути, когда возвращались с эвакуированными.

— Ну?

— Посидели малость на льду. Пока исправляли маслопровод. Закусили чем бог послал. Тут песец и пожаловал с визитом. На запах рыбных консервов.

— Убили?

— Пожалели. Уж очень отошал за зиму. А надо бы! Как-никак, вещественное доказательство.

— Доказательство?

— Ну, как же! Вспомни повадки и образ жизни песцов... Где живут песцы?

Я с удивлением смотрел на Андрея. Неужели?..

Дело в том, что песцы отличаются любовью к комфорту. Они не довольствуются скромным биваком на льду, как белые медведи, — живут в норах, вырытых в земле. Им обязательно требуется земля для жилья!

— Есть одно возражение, — сказал я, всей душой желая, чтобы мой друг разбил это возражение. — Известно, что в поисках пищи песцы откочевывают очень далеко. Учти: дело было весной, после зимней голодухи...

— Думал об этом. Откочевывают, да. Но не такие расстояния. Погляди на карту. Каково расстояние до ближайшей земли — то есть до острова Врангеля?.. Ага, то-то и оно! На многие сотни километров вокруг и признака суши нет... То есть на карте нет!

— Значит, ты считаешь...

— Пока не считаю ничего. Просто перед нами две фотографии. Сличаем. Та, где песец, противоречит той, где ледяная пустыня.

— Противоречит, конечно, — пробормотал я, с надеждой глядя на фотографии. — Загадочная картинка: где острова? Может, погребены под снегом? Но ведь сказано: горы высотой до небес?..

Смуглая рука протянулась сзади, схватила снимок песца.

— Нет, вы всмотритесь в него! — потребовала Лиза. — Уши торчком, глаза — как бусинки. Сторож тайны!.. Ну только что не говорит. Скрытный!

Глава четвертая ПОСЛЕДНИЙ МИРАЖ

На следующий день вышли газеты с фотоснимками Восточно-Сибирского моря.

Большинство читателей почти не обратили на них внимания. Интересовали подробности спасения людей с “Ямала”. Почти незамеченными прошли следующие слова в одной из статей:

“Попутно решена проблема гипотетической земли к северо-западу от острова Врангеля, о существовании которой высказывались догадки до революции; полеты двух научных работников на самолетах, эвакуировавших команду “Ямала”, с очевидностью показали, что земли в этом районе нет...”

Однако заграничная, главным образом американская, печать придавала большое значение моим фотоснимкам. Их напыщенно именовали “беспристрастным рефери”.

“Фотографический аппарат рассудил людей, — заявлял, например, “Манхэттен кроникл”. — Земли в этом районе нет. Земли и не могло быть. Иначе ее нашел бы Текльтон. Глупо было сомневаться в этом”.

Расторопный корреспондент “Манхэттен кроникл” в Москве перетряхнул старые журнальные комплекты и вытащил на свет известную читателю статью Петра Ариановича “О возможности нахождения острова или группы островов...”. Мало того: он заинтересовался мною и Андреем и разведал наши биографии.

То, что мы учились когда-то у Петра Ариановича, придавало всему, в понимании американца, привкус сенсации:

“Ученики опровергают учителя!”, “Конец арктической сказки”, “Текльтон был прав!” Тройной заголовок оглушал, сбивал с ног!

По нашему адресу корреспондент рассыпался в комплиментах. Больше всего пришлась ему по душе наша “объективность”, “свободная, — как он писал, — от мелочного и узкого национального самолюбия!”

Читатель, я думаю, поймет, какие ощущения пробудила в нас эта статейка.

— Хвалят? — спросил я, поднимая глаза от газетного листа.

— Хвалят, черт бы их побрал!

Лицо моего друга было красно, сердито, сконфужено. Такое лицо было, наверно, и у меня.

Мы сидели друг против друга в библиотеке. Только что получены были последние иностранные газеты и журналы с откликами на спасение “Ямала”.

— А помнишь афоризм: “Скажи, кто тебя хвалит, и я скажу, кто ты”?

Да, афоризм был колючий.

О такой ли похвале мечтали мы с Андреем?!

Андрей решительно отодвинул пеструю пачку журналов и положил на стол блокнот.

— Вот смотри. Набросал вчера. Давай условимся, о чем говоришь ты, о чем я. О песце я? Хорошо... Тогда обоснуй довод насчет тумана. Вспомни Норденшельда, открытие Северной Земли...

Предстояло выступить в Ленинграде с кратким сообщением о научных итогах экспедиции по спасению команды “Ямала”. Нами был проведен ряд интересных гидрографических и метеорологических наблюдений. Но “гвоздем программы”, по-видимому, считалось “решение проблемы Земли Ветлугина”.

В поезде еще раз всесторонне продумали свою аргументацию. Да, песца и туман можно считать довольно убедительными доводами.

Конференц-зал научно-исследовательского института был полон.

Поздоровавшись со знакомыми, я и Андрей поспешили занять места. Тотчас же председатель постучал карандашом по столу:

— Слово для вступительного доклада предоставляется кандидату географических наук Союшкину!

Кому?

Я удивленно вскинул глаза.

На трибуне стоял человек примерно моих с Андреем лет. Левой рукой он то и дело поправлял хлипкое пенсне-клипс и даже вскидывал голову, чтобы оно не сползло с носа.

Прямые волосы его были зачесаны набок и блестели, точно на них навели глянec сапожной щеткой. Он был похож на морского льва в водоеме и гордо пофыркивал на публику из-за графина с водой.

Первых слов я не разобрал, поглощенный изучением его наружности. Затем донеслось:

— Нет больше “белых пятен” на земле! Период открытий закончен. Все уже открыл, взвесил, измерил человек. Мир обжит нами, мы знаем его теперь, как собственную свою собственную комнату...

Он высмеял провинциального учителя географии, страдавшего манией величия, осмелившегося поднять руку на общепризнанный — мировой! — авторитет Текльтона. Не смехотворны ли были его претензии считать себя чуть ли не “открывателем островов”, призванным исправить “ошибку Текльтона”, хотя сам он, как известно, в Арктике никогда не бывал?

— Итак, из перечня гипотетических, то есть предполагаемых, земель выброшена еще одна. Полеты советских исследователей (короткий полупоклон в нашу сторону) над Восточно-Сибирским морем перечеркнули буквы “С.с.” — “существование сомнительно” — заодно с сомнительной землей!

Он сделал решительный, немного театральный жест в воздухе, точно крест-накрест перечеркивал тайну Земли Ветлугина.

Раздались разрозненные хлопки.

Я покосился на Андрея. Он сидел, глядя прямо перед собой, сжав губы.

Докладчик сошел с трибуны и бочком двинулся к своему месту, обходя сидевших за столом, точно боясь, что кто-нибудь из членов президиума невзначай толкнет его или подставит ножку.

— Он? — шепнул я Андрею.

— Как будто он!

Неужели же это был наш зубрила Союшкин?

Но председатель уже выжидательно улыбался со своего места:

— Слово — участнику спасательной экспедиции товарищу Ладыгину!

Я поднялся на трибуну.

Впоследствии московский корреспондент “Манхэттен кроникл”, присутствовавший, как выяснилось, на заседании, вышутил меня. Он написал, что оратор “напустил много туману в свое выступление”.

Это был каламбур, потому что я говорил именно о тумане.

Что делать! Тумана в Арктике было в самом деле слишком много, но, как ни странно, это как раз и помогло уяснить положение.

Я начал с того, что поблагодарил за характеристику, данную фотографиям.

— В Америке их называли “беспристрастным рефери”. Пусть так. Рефери так рефери... Все ли участники обсуждения имеют на руках альбомы с репродукциями?.. Очень хорошо. Попрошу, в таком случае, обратить внимание на то, что всюду между ярко освещенными пространствами льда видны длинные полосы тумана. На репродукции номер один туман занимает почти треть снимка. На репродукции номер четыре — не меньше половины. А это, как станет ясно из дальнейшего, имеет немаловажное значение.

В зале хлопотно зашелестели страницами, перелистывая альбом.

— Позволю себе, — продолжал я, — напомнить случай с Нобиле. В 1928 году его дирижабль пролетел всего в пятнадцати километрах от Северной Земли, и она осталась не замеченной в тумане. Ни Нобиле, ни спутники его не смогли увидеть внизу огромный архипелаг, несмотря на то, что координаты его были известны.

Я рассказал о том, что в Америке нашлись скептики, которые воспользовались случаем печатно высказать подозрения в научной добросовестности Вилькицкого, за пятнадцать лет до пролета Нобиле открывшего Северную Землю. Некоторые даже развязно сравнивали его с печальной памяти мистификатором доктором Куком.

“Северной Земли нет”, — так-таки напрямик утверждалось в приложении к американскому гидрографическому справочнику “Arctic Pilot”.

— Мне особенно приятно вспомнить об этом, — сказал я, — потому что я с группой советских полярных исследователей как раз находился на Северной Земле, когда туда доставили экземпляр заокеанского справочника, не пожелавшего признать ее существование...

Смех в зале.

— Не провожу пока аналогии, — продолжал я. — Просто говорю: вот что может наделать туман! Я был на мысе Челюскин. Северная Земля находилась от нас в каких-нибудь тридцати шести морских милях, по ту сторону пролива, однако видно ее было очень редко, лишь в исключительно ясную погоду. Говорят, из Сухуми бывают видны на горизонте горы Трапезунда. Но то Черное море, а это Арктика... Могу назвать еще людей, которые за туманом не видели Северной Земли, хотя до нее было рукой подать. Это штурман Челюскин, добравшийся до мыса сушей на собаках и продвинувшийся по льду еще на восемнадцать километров к северу; это Норденшельд, по описанию которого туман был так густ, что моряки, стоя на носу, не видели кормы судна. Норденшельд оставил Землю слева по борту, так же как и Нансен на “Фраме”. И тот и другой не заподозрили ее существования. У мыса в начале двадцатого века зимовал наш отважный и настойчивый Толль, отправляясь на поиски Земли Санникова. Он гнался за химерой, а реальная Земля осталась незамеченной, неоткрытой, хотя, повторяю, до нее было всего тридцать шесть морских миль... Заколдованная Земля! И только перед экспедицией Вилькицкого наконец раздёрнулась завеса тумана...

— Вывод, вывод! — попросили из президиума.

— А вывод прост: пока воздержаться от выводов! То, что мы не видели островов, не значит еще, что их нет. В нашем распоряжении слишком мало фактов. Гипотеза Ветлугина не поколеблена и ждет глубокой, всесторонней проверки...

В зале царило молчание. Я уступил место Андрею.

Он был краток, говорил отрывисто и сердито, косясь на Союшкина, сидевшего сбоку стола в непринужденной позе и покачивавшего ногой. Нога эта, видно, больше всего раздражала Андрея.

— Остров, — начал он, — или группа островов, над которыми пролетали самолеты, могли быть погребены под снегом...

— Ветлугин писал о высоких горах, — скромно вставил Союшкин.

Андрей с ненавистью поглядел на его ногу.

— Ветлугин не писал о горах, о них говорил землепроходец Веденей! Да, Землю Ветлугина легко было не заметить сверху, в особенности если перед тем выпал снег. Что касается корабля, тот не мог подойти вплотную к Земле. Часто острова на такой широте окаймлены неподвижным льдом. К островам, как видите, очень трудно подступиться как с моря, так и с воздуха. Поэтому в своих суждениях мы можем опираться пока лишь на отдельные косвенные улики...

Он предъявил “косвенную улику”, то есть снимок “скрытного” песка.

Тощий зверек с поджатым хвостом и настороженными ушами произвел впечатление на собрание. Все были ошеломлены: никто не ждал, не мог ждать, что так обернется обсуждение научных итогов экспедиции. Союшкин хвалил нас. А мы спорили с ним!.. Нам говорили: “Вы хорошо сделали, что доказали отсутствие Земли Ветлугина”, а мы упрямо повторяли: “Проблема не решена. Земля Ветлугина есть, должна быть!..”

Андрея проводили слабенькими аплодисментами. В президиуме, вежливо улыбаясь, хлопал один Союшкин.

В тот же вечер мы снова встретились с нашим бывшим первым учеником.

После собрания нас пригласили на чай к директору научно-исследовательского института. Директор был очень огорчен всем происшедшим.

— Никак не мог ожидать, — повторял он, пропуская нас к себе в кабинет. — Поверьте, никак! Если бы ожидал...

Он, видимо, не любил скандалов, а то, что произошло, представлялось ему скандалом в науке.

— Ничего, — успокоил его Андрей. — Без драки не проживешь!

Из-за огромного, как саркофаг, письменного стола медленно поднимался навстречу Союшкин.

— Мой заместитель, — заторопился директор. — Прошу любить и жаловать.

— Мы знакомы, — сказал я.

— Ну как же! — улыбнулся Союшкин. — Вместе учились.

Он держался очень спокойно и с достоинством. Меня и Андрея с академической вежливостью называл по имени-отчеству, хотя то и другое перепутал. Был предупредителен. Кланялся одной головой — на английский манер.

Я с интересом присматривался к нему. Кажется, я говорил уже, что не запомнил его лица в Восьегонске.

Ну что ж! Лицо как лицо. Ничего отталкивающего. Лишенные всякого загара бледные щеки. Остроко-
нечный носик. Небольшие черные глаза. Общее выражение настороженности, неуверенности.

Пожалуй, его наружность даже понравилась мне, потому что Союшкин несколько напоминал сейчас песца на фотографии.

Но внутренний облик его, по-видимому, не изменился. По-прежнему он знал только “от сих” и “до сих”. По-прежнему брал благонравием и зубрежкой.

— Чего вы добиваетесь, не понимаю? — говорил он слегка в нос, позванивая ложечкой в стакане. — Вы провели большую научную работу, стерли “белое пятно” на карте. Это признано всеми, даже за границей... Так почему же ставите под сомнение результаты своих наблюдений? Нет, не понимаю вас...

Андрей отделивался сердитым покашливанием...

— Самое странное в нем то, что он не изменился, — в раздумье сказал мой друг, когда мы вышли. — Все изменилось вокруг, а Союшкин не изменился. Удивительно!..

— Может, просто мало знаем его? — сказал я осторожно.

— Нет, не защищай. Зубрила и зубрила!.. О чем разглагольствовал директор?

— Пытался разъяснить свою точку зрения. Так и не понял, за нас он или за Союшкина. Большой любитель недомолвок. Знаешь, совершенно не признает двух слов: “да” и “нет”.

— Это как в детской игре: “Барыня прислала сто рублей, что хотите, то купите, “да” и “нет” не говорит...”

Мы засмеялись.

Но смеяться было рановато. Через несколько дней в специальном научном журнале появилась статья бывшего первого ученика, озаглавленная довольно дерзко:

“Мираж, привидевшийся за письменным столом”.

Спору нет, Союшкин обладал известной эрудицией. Однако как все это было книжно, мертво! Он прыгал, подобно дрессированному попугаю, по книжным полкам, переносил в клюве цитаты с места на место, снимая и навешивая ярлычки. Он не был ученым, нет, всего лишь архивариусом фактов!

“Весьегонский учитель географии, — так начиналась статья, — вообразил острова в океане, потому что корабль Текльтона, дрейфуя со льдами, сделал резкий зигзаг. “Льды огибают в этом месте преграду”, — предположил Ветлугин. Между тем не проще ли считать, что зигзаг является результатом влияния ветров? В наши дни, однако, нашлись апологеты этой провинциальной гипотезы. Выдвинут второй аргумент. Ссылаясь на показания безвестного — фамилия не установлена — русского землепроходца XVII века...”

Далее Союшкин приводил обширные цитаты из известной читателю “сказки”, сопровождая их снисходительными комментариями. Правда, он проявил некоторое великодушие и отводил от Веденя подозрения в лживости. По его мнению, Веденей не лгал и не пытался разжалобить начальство, чтобы выманить “награждение”. Он действительно думал, что видел землю.

“Надо учесть психику путешественников, которые находились на краю гибели, — писал Союшкин. — По собственному признанию, “Веденей со товарищи” в течение нескольких дней буквально умирали от голода. При этих обстоятельствах им могло привидеться все, что угодно. Удивительно ли, что измученным, обреченным людям привиделась желанная земля?”

Союшкин старательно обосновал этот тезис.

“В пустыне арктических льдов миражи так же часты, как в песчаной пустыне, — резонно замечал он. — Можно сказать, что злая Моргана, фея английских сказок, жившая на дне моря и обманчивыми видениями дразнившая путешественников, переселилась от берегов Британии в Арктику...”

Вслед за тем наш оппонент перечислил наиболее известные арктические миражи.

Он выстроил перед читателем длинную шеренгу призрачных островов, возникавших на пути полярных путешественников и таявших в воздухе, едва лишь корабли приближались к островам.

Норденшельду как-то почудился остров в тумане. Спустили шлюпку, подошли к “острову”. Это оказалась голова любопытного моржа, высунувшаяся из полыньи!

Так меняются очертания предметов, и так трудно определить расстояние до них в Арктике!

Пролетая над Полюсом недоступности, Амундсен увидел группу островов. На борту дирижабля засуетились. Фотографы взяли фотоаппараты на изготовку. Подлетели ближе — ахнули: острова на глазах развеяло порывом ветра.

Некоторые арктические миражи, по словам Союшкина, перекочевали даже на географическую карту. В 1818 году, отыскивая Северо-Западный проход, Росс на своем корабле уткнулся в тупик. Впереди был кряж, наглухо запиравший выход. Видел его не только Росс, видела вся команда. Путешественники повернули обратно.

Найденные горы получили название гор Крокера и некоторое время вводили в заблуждение географов.

В действительности гор Крокера не существует. Прямо по курсу корабля был пролив, открытая, чистая вода. Россу померещились горы. Россу преградил дорогу мираж...

В конце длинного перечня фигурировали Земля Андреева, Земля Санникова и Земля Джиллиса-Макарова. Все они, по мнению Союшкина, только привиделись путешественникам.

“Сейчас развеян последний арктический мираж — в Восточно-Сибирском море, — с торжеством заключал он. — Причем самый странный из всех — мираж, привидевшийся учителю географии за его письменным столом...”

Наши с Андреем фамилии не упоминались. Союшкин считал, что спор о Земле Ветлугина закончен.

Мы же знали, что он только начинается...

Глава пятая
ВЕТЛУГИН ПРОТИВ ТЕКЛЬТОНА

Мы не ошиблись. Не прошло и недели после того, как бывший первый ученик печатно “упразднил” Землю Ветлугина, и вот появилась статья престарелого академика Афанасьева, признанного главы советских географов.

Статья называлась “В защиту оптимизма”. Подзаголовок был такой: “Ветлугин против Текльтона”.

“История полярных открытий — это история человеческого оптимизма и человеческой стойкости, — писал Афанасьев. — Казалось бы — конец, предел усилий, последняя черта! Но человек делает еще шаг — и за чертой неведомого открываются перед ним новые горизонты... Один из сомневающихся, — продолжал академик, — упоминал об ошибке Росса. Это характерная ошибка. Я бы сказал — психологическая ошибка. Росс усомнился в возможности обогнуть с севера Америку. Ему показалось, что он уткнулся в тупик. Но тупика на самом деле не было. По следам Росса на следующий год пришел другой исследователь, Парри, и не увидел гор. Он двинул вперед свой корабль и прошел по чистой воде. На месте же гор Крокера возник на карте пролив Ланкастера, который вы можете увидеть там и сейчас... Вот поучительный пример из истории географических открытий, особенно поучительный для тех, кто сейчас высказывается против Земли Ветлугина.

Не предreshаю вопроса о Земле, — заявил Афанасьев, — говорю лишь: не рубите сплеча!.. В науке верят не словам, а фактам. Фактов же пока слишком мало. И даже те, что есть, могут быть истолкованы по-разному”.

О самом Союшкине он не писал ничего. Только вспомнил в связи с ним грибоедовского “французика из Бордо”.

“Живуч, оказывается, “французик”, — с умной стариковской иронией замечал Афанасьев. — Не знал я, что в нашей советской науке попадают еще дамы обоего пола, готовые млеть и ахать перед такими “французиками”, дутыми иностранными знаменитостями, только потому, что они иностранные...”

И далее подробно останавливался на “прославленном путешественнике” Текльтоне.

Это был, по его словам, человек, случайный в науке.

Не достигнув полюса, он сумел, несмотря на это, извлечь из путешествия пользу, создать себе “паблисити”. Газеты, киностудии, рекламные агентства подняли шумиху вокруг его имени.

Вместе со славой пришли, понятно, и деньги. За одно лишь разрешение печатать его портрет на коробочках с кремом от загара Текльтон получил от парфюмерной фирмы пятьдесят тысяч долларов.

В 1918 году он выступил в новой роли — предпринимателя-авантюриста.

Он находился с американской военной миссией на Дальнем Востоке, считаясь официально консультантом по Крайнему Северу. Началась возня вокруг использования природных богатств Чукотки. Кажется, затевалось новое концессионное общество. Считали, что имя Текльтона будет служить приманкой для пайщиков.

Эти планы, как известно, не осуществились. Жадные авантюристы, мечтавшие о богатстве нашего Севера, были выброшены за пределы Советской страны.

Дальнейшая судьба Текльтона неизвестна, он умер богатым человеком.

“Случилось так, — продолжал Афанасьев, — что в одном из районов Арктики, на окраине Восточно-Сибирского моря, столкнулись два исследователя. Текльтона мы представляем себе. Кем же был П.А.Ветлугин?..”

С удивлением я и Андрей узнали в маститом авторе статьи того самого профессора, который благоволил к Петру Ариановичу, переписывался с ним и высылал в Вельегонск новинки географической литературы.

Афанасьев признавал, что Петр Арианович был одним из самых многообещающих его учеников.

“П.А.Ветлугин был даровит. Труженик. Умница. И честный. Это очень важно в науке: быть честным, то есть не бояться выводов”.

К сожалению, судьба его сложилась несчастлива.

Молодого ученого признали “политически неблагонадежным”. В начале он был вынужден уехать в Вельегонск, затем его сослали в Сибирь на поселение.

Это была новость для нас с Андреем!

Оказалось, что, уехав из Вельегонска в Москву, Петр Арианович сблизился с большевиками и принял участие в подпольной работе. (По-видимому, к революции, подобно многим другим ученым, он пришел, по выражению Ленина, через данные своей науки.)

Но Петр Арианович не дождался 1917 года. Не то в четырнадцатом, не то в пятнадцатом году был арестован за участие в революционной деятельности и сослан в отдаленные районы Сибири.

Впоследствии стало известно, что Ветлугин продолжал свою научную работу и в ссылке. Он проводил там метеорологические наблюдения, изучал вечную мерзлоту. Видимо, он умер еще до Октябрьской революции, потому что поиски, предпринятые академиком в советское время, не увенчались успехом.

“Таковы биографические справки о двух исследователях Арктики, — писал академик. — Как видим, люди они были разные и к решению своей задачи подходили по-разному. Обоих уже нет в живых, но спор между ними продолжается...”

На короткое время статья “В защиту оптимизма” заставила Союшкина присмиреть. Однако не прошло и месяца, как он выступил с рефератом, в котором высмеял не только Петра Ариановича, но и нас с Андреем.

По-видимому, он решил сделать себе из этого профессию: в отличие от открывателей земель — стать “закрывателем” их.

— Зубрила несчастный! — с ожесточением воскликнул Андрей, узнав о реферате. — Помнишь, мы прозвали его Восьегонским зубрилой? Вызубрит по книжечке, и ну барабанить у доски...

Вдобавок автор реферата до такой степени затемнял свои выступления нескончаемыми периодами и специальными терминами, что хотелось оборвать его, крикнуть: “Да говори же по-русски, Союшкин, чорт тебя возьми совсем!..”

Этому надо было помешать!

Но как?..

Положение осложнялось тем, что условия работы требовали нашего выезда в Арктику. На мысе Челюскин заболели два научных сотрудника, и руководство научно-исследовательского института решило откомандировать туда нас с Андреем. Поручение было интересным и почетным, но мы не могли уехать из Москвы в самый разгар спора.

Я должен рассказать теперь об одном человеке, который сыграл большую роль в открытии Земли Ветлугина. Это Степан Иванович Малышев, секретарь партийной организации научно-исследовательского института, в котором работали мы с Андреем.

Знаю, что, по скромности, он будет отрицать или умалять свое участие в общем деле. Судите о его роли сами.

В тот вечер Андрей и я зашли к нему отвести душу. Так уж было заведено: чуть что — идти к Степану Ивановичу.

Не с пустяками, конечно, — с чем-нибудь важным. Степан Иванович умел распознать сразу: о важном ли будет разговор, о пустяках ли, о том ли, что действительно важно, но считается пустяком.

— Садитесь, курите, — пригласил нас Степан Иванович. — А я уж собрался посылать за вами. Что случилось? Похудели, смотрите сентябрем...

— Да ведь на дворе сентябрь, — попробовал я отшутиться.

— Ну, не настаиваю — не хочешь, не говори. Посидим, покурим, помолчим...

— Это верно, — согласился Андрей. — С хорошим человеком и помолчать хорошо. А поговорить — и того лучше. Мы ведь шли к вам поговорить, Степан Иванович.

— Понимаю. Где-то не ладится у вас. Где же?.. Может, поссорились, хотите, чтоб помирил?..

Степан Иванович опустил абажур настольной лампы так, чтобы свет не бил нам в глаза. Зато его лицо было теперь хорошо освещено: немолодое, с морщинками у глаз и рта, пожалуй даже не столько участливое, сколько спокойно-выжидательное и тем не менее очень располагающее к откровенности.

— Тут, видите ли, Степан Иванович, — сказал я, — надо начинать издалека...

И я рассказал все, что уже известно читателю.

Андрей, по старой привычке предпочитавший молчать, лишь уточнял подробности.

— Да-а, корни глубокие, — задумчиво протянул Степан Иванович. — Вон, стало быть, откуда — еще из Восьегонска тянутся.

— Поставить бы этого Союшкина на место!

— Или, наоборот, снять с места, — поправил Андрей, сердито кашлянув.

Степан Иванович поморщился:

— Снять, поставить, уволить, назначить... Примитивно рассуждаете! Допек вас Союшкин? Понимаю. Да в Союшкине ли дело? Что за фигура Союшкин?

— Не, погодите, — сказал я. — Тут дело в чем? Степан Иванович? Если станут прислушиваться к нему, экспедицию не разрешат. Скажут: “Зачем? Все ясно без экспедиции, Союшкин хорошо разъяснил”. А надо обязательно экспедицию!

— Обязательно, — подтвердил Андрей. — Земля есть, Степан Иванович! — Он перегнулся через стол и убедительно забормotal, загибая пальцы: — Первое: зигзаг льдов! Второе: свидетельство землепроходцев семнадцатого века! Третье: песец прилудный! Четвертое: интуиция подсказывает...

— Дошли уж и до интуиции!

— Нет, вдумайтесь, Степан Иванович...

— Тогда почему руки опускаете? Знаете, чувствуете, что земля есть, — деритесь, пробивайтесь к ней!

— Да вопрос-то какой! Ответственный, сложный. А мы недавно с университетской скамьи!

— И очень хорошо!.. Учиться плавать нужно на глубоком месте: на глубоком сама вода держит.

— Союшкина вон пузыри держат.

— За иностранный авторитет уцепился...

— И уезжать нельзя! Были же на совещании, слышали, что говорил директор? Надо Петрова и Власова заменить. На кого здесь дело оставим?..

— А Афанасьев?

— Старик болен. В печати выступает редко... После его статьи Союшкин присмирел, а сейчас снова захлопотал. И все вежливенько так, с полупоклонами: “наш уважаемый...”, “наш маститый...”, а по сути...

— Чуть отвернешься — снова свое.

— Вот-вот! А главное — нужна земля, чрезвычайно нужна в этом районе Арктики!

— Нужна?

— По зарез! Сами посудите, Степан Иванович! Ведь Восточно-Сибирское море не только наименее изученное из всех наших арктических морей, но и наиболее трудное для навигации.

— Восточно-Сибирское и Чукотское, — с педантичной точностью поправил Андрей.

— Ну да, оба моря. Здесь, на последнем этапе Северного морского пути, обычно сложная ледовая обстановка...

— Очень сложная! Согласился Степан Иванович.

— Да, вы же бывали там! Это при вас “Сибиряков” потерял руль? А вспомните: где погиб “Челюскин”?

— Что же предлагаешь?

— Не предлагаю, а говорю. Очень кстати здесь была бы земля. На тех координатах, что указывал Петр Арианович, в самом центре всей этой ледовой кутерьмы. И чтоб на земле — зимовка, полярная станция!

— Для наведения порядка в Восточно-Сибирском море?

— Вот вы смеетесь, а я серьезно говорю. Не для порядка — для ледовых прогнозов!

— Да понял, понял! Сразу же понял. — Степан Иванович успокоительно закивал.

— Если бы на этих координатах была полярная станция, куда легче стало бы нашим мореплавателям. Шли бы вперед с открытыми глазами. Могли бы предвидеть изменение ледовой обстановки и соответственно выбирать то или иное решение. Никаких случайностей! Все продуманно, взвешено, проверено! Через каждые два-три часа радиogramмы на корабль: “Тяжелые льды надвигаются со стороны полюса недоступности... Земля Ветлугина (это так называется станция, понимаете?) советует отстояться на ближайшей базе...” Или “Обстановка улучшилась. Рекомендуемый Землей Ветлугина курс”... Дальше указание курса...

— Убедили: с землей лучше, чем без земли.

— Не просто лучше Степан Иванович, — необходима земля!

Наш собеседник сосредоточенно смотрел на абажур настольной лампы, стараясь что-то припомнить.

— У Ветлугина нет об этом, — вдруг сказал он. — Я читал Ветлугина.

— Да. Это в развитие идей Ветлугина. Петр Арианович не знал, как пригодится России его земля. Ведь Северный морской путь стал нормально действующей магистралью только в наши годы...

— Значит, дополнили учителя, пошли, дальше, чем он? Мечта, романтика — на вполне реальной, даже утилитарной основе?.. Это хорошо! — Откинувшись на стуле, Степан Иванович ласково смотрел на нас. — Итак: практически (он сделал ударение на слове “практически”) очень важно, чтобы земля была там, на указанных Ветлугиным координатах?

— Сами видите.

— Вижу.

Степан Иванович встал из-за стола, прошелся по комнате. Мы с надеждой смотрели на него.

— Союшкин — что! Союшкин — вздор, — рассуждал он вслух. — “Убрать, снять”... Нет, не то... Спор о земле становится академичным, упирается в тупик. Это опасно! Какой же выход?..

Он подумал, остановился у окна, быстрым, сильным движением распахнул его настежь.

— Вот! — обернулся к нам. — Это, я считаю, и есть выход!

В комнату ворвался свежий сентябрьский ветер. Закачались полосы табачного дыма. Листки бумаги зашевелились, как живые, и поползли по столу. А вместе с холодным воздухом в окно плеснул шум вечерней Москвы: звонки трамваев, голоса людей, проходивших под окнами, обрывок песни, передававшейся по радио.

— Пусть народ примет участие в споре, — продолжал Степан Иванович, — пусть скажет: важно для него это или не важно!

Он начал перелистывать телефонную книжку, бормоча:

— Настежь откроем все окна, настежь. Пусть протянет сквознячком! Полезно, хорошо!.. Ага, вот: партийный отдел центральной газеты.

Он положил руку на трубку телефона.

— Подождите, Степан Иванович, — остановил его Андрей. — Почему именно в партийный отдел, а не в какой-либо другой?

— Сейчас узнаем, в какой. А дело это, товарищи, партийное! Ну как же!.. Открытие новых островов — умножение славы нашей Родины!..

И секретарь партийной организации стал уверенно набирать телефонный номер.

Глава шестая НА ПОРОГЕ...

Так началось обсуждение одной из наиболее волнующих загадок Арктики, обсуждение, которое перешло затем со страниц центральной газеты на страницы многих провинциальных газет.

Иностранных наблюдателей поражало, что на мою с Андреем статью, посвященную академическому, как они считали, вопросу, стало поступать так много откликов.

В газету писали тульские инженеры-оружейники, мичуринцы из Сухуми, юные географы Харьковского дворца пионеров, профессор истории средних веков, балтийские летчики, комсомольцы-шахтеры шахты № 7-бис Краснолучского района.

Поглядел бы на это Петр Арианович! То, что он ревниво оберегал от невежд и зубоскалов, то, что доверил во всем городе только двум подросткам, стало теперь предметом всенародного взволнованного спора.

“Большевики научили народ мечтать, — с кривой усмешкой отмечал московский корреспондент “Манхеттен кроникл”. — По-видимому, здесь считают: все, что обещано, должно сбываться. О легендарной земле, существование которой отрицают виднейшие мировые авторитеты, говорят и пишут так, будто для новых Колумбов приготовлены там причалы и посадочные площадки”.

А корреспондент “Бибабо” иронизировал насчет “опровергателей Текльтона”.

“На них нет ни мантий, ни квадратных старинных беретов, какие носят в Сорбонне и Оксфорде, — писал он. — Однако они рассуждают об Арктике с таким пылом, точно ее изучение есть дело каждого рядового советского гражданина. Нашему читателю очень трудно уяснить себе это. Вдруг в спор между учеными врывается какой-то охотник, малограмотный кочевник Тынты Куркин, или моряк, второй помощник капитана танкера Сабиров, которых, понятно, не пустили бы и на порог Оксфорда или Сорбонны...”

Да, дело не ограничилось моральной поддержкой, которую считал такой важной секретарь партийной организации. Участники спора, “без мантий и беретов”, привнесли в гипотезу нашего учителя географии много своего, нового и ценного.

Однако обо всем этом мы узнавали уже из радиogramм, которые приходили от Малышева в адрес полярной станции на мысе Челюскин. Мы вылетели туда с Андреем тотчас же, едва наша статья была сдана в набор.

Мыс Челюскин — самая северная оконечность Европейско-Азиатского материка. В узком проливе Велькицкого, отделяющем Таймырский полуостров от архипелага Северной Земли, всегда полным-полно льдин. Часто пролив не освобождается от них даже летом. Недаром же называют Таймыр “порожком”, перешагнуть через который очень трудно. Это один из наиболее тяжелых участков Северного морского пути, за исключением Восточно-Сибирского и Чукотского морей.

Долгое время считали, что Таймырский полуостров, выдвинутый далеко к северу, является непреодолимым препятствием для плавания вдоль Сибири. Честь опровергнуть это предвзятое мнение выпало на долю хозяев Сибири — русских. Первыми в XVII веке обогнули Таймыр на своем коче отважные русские землепроходцы, имена которых остались неизвестны. В конце XIX века мимо мыса Челюскин прошел Норденшельд, по национальности швед, но родившийся в России и здесь же получивший свое образование. Экспедицию его финансировал русский купец Сибиряков, горячий поборник идеи Северного морского пути. Наконец, уже в советские годы, исторический поход “Сибирякова” открыл новую эру регулярных рейсов из Архангельска и Мурманска на Дальний Восток.

Итак, мыс Челюскин!

Слева от нас, если стать лицом к северу, к задернутой завесой тумана Северной Земле, — Карское море, справа — море Лаптевых. Представляете, сколько интересных возможностей для гидролога?..

Я и Андрей, по обыкновению, окунулись в свою работу с головой. Но что бы не делали, о чем бы не думали, все чудом каким-то, само собой сказывалось с волнующей, главной темой.

Нечто вроде одержимости? Пожалуй. У писателей это называется деликатнее — вдохновением.

Мало сказать: ученый захвачен, поглощен решением своей задачи; весь мир вокруг, представляется ему, также занят именно этим. Прочитанное в книге, увиденное во время прогулки, случайно сказанное в разговоре оказывается вдруг очень кстати, получает особый смысл. Все, все, даже житейские мелочи словно подхватывают и несут к цели!

Правда, связь между фактами находилась не сразу.

В ту зиму, по плану полярной станции, мы с Андреем занимались изучением температур моря Лаптевых. Они неодинаковы. В некоторых местах вода замерзает при более низких температурах, чем обычно. Нам удалось установить, что причина этого — разная соленость воды. Сказывалась близость сибирских рек, или, как говорим мы, гидрологи, “опресняющее влияние речных вод”.

Исследование имело большое практическое значение для арктической навигации. (Впоследствии вошло в “Лоцию моря Лаптевых”.) Меня, однако, оно интересовало с другой стороны. Нельзя ли, подумал я, искусственно опреснить море?

Однажды я подвел Андрея к своему рабочему столу, на котором стоял высокий градуированный стакан с морской водой. Я капнул туда азотнокислого серебра. Тотчас же жидкость замутилась, зашипела, словно то был

нарзан, а не морская вода. Через несколько секунд она стала прозрачной, как кристалл. Лишь на дне стакана лежал сероватый осадок. Азотнокислое серебро вызвало выпадение из воды поваренной соли.

Андрей пренебрежительно сморщил нос.

— Ученический опыт, — сказал он. — Проходили еще в пятом или шестом классе.

— Нет, ты подожди. Ты подумай. Тут дело в масштабах!.. Ведь ты знаешь, что на каждом корабле есть опреснители?

— Как не знать!

— Ну вот. Морскую воду опресняют, чтобы использовать потом в корабельных котлах. Но представь себе, что найдено вещество, в несколько раз более активное, чем азотнокислое серебро. Что тогда? Под воду пускают баллоны с этим веществом, нечто вроде торпед. Мгновенно опресняется целая бухта или пролив, где вмерзло в лед много кораблей, караван кораблей...

— Поможет это тебе найти Землю Ветлугина? — прервал мои объяснения Андрей, подождал минуту, и, не дождавшись ответа, вернулся к своему столу. — Нецелеустремленно, — сказал он не оборачиваясь.

Я с сожалением отставил градуированный стакан в сторону: слово “нецелеустремленно” всегда действовало на меня отрезвляюще.

Вскоре я забыл о своих опреснителях. Правда, у меня была для этого уважительная причина. Очень важную новость сообщил мне Тынты Куркин, каюр нашей полярной станции.

Он был не молод уже, темное худое лицо его, казалось, потрескалось, как земля в тундре, — так глубоки и часты были морщины. Но двигался он удивительно быстро, стрелял без промаха и на лыжах без труда обогнал меня и Андрея.

Вездеходчиков — представителей механической тяги — Тынты не любил. У него были давние счеты с ними. Как-то, когда он отправился в свой обычный обход капканов, один из вездеходчиков выехал ему навстречу, чтобы подвезти груз шкурок. Он думал сделать этим приятное старику. Где там! Куркин раскричался, затопал ногами.

— Всю тундру провонял! — кричал он. — Бензин песок услышит — в капкан не пойдет! Теперь надо капканы в другое место переносить...

Впрочем, один из сыновей Тынты, пойдя наперекор отцу, учился в Дудинке на курсах вездеходчиков.

Собачьи упряжки и вездеходы взаимно дополняют друг друга на Крайнем севере. Вездеходы, двигающиеся на гусеничном ходу, поднимают до полутора тонн груза. В крытом балагане на кузове можно расположить и лабораторию, и кухню, и мастерскую. Зато нарты удобнее для разведок вглубь тундры.

Обычно в дальних походах колонну вездеходов сопровождало несколько собакьих упряжек, подобно юрким посыльным судам при флотилии тяжелых кораблей. Старый каюр из самолюбия старался держаться всегда на полкорпуса впереди вездехода.

Тынты был незаменим как проводник. Он прекрасно ориентировался в однообразной, плоской тундре, угадывая дорогу по совершенно неприметным для других признакам. Однажды при мне он раскопал мох, лежавший под снегом, внимательно рассмотрел его, потом сказал удовлетворенно: “Знаю эту землю. Был здесь летом”, и вывел вездеходы к морю.

Ко мне он был расположен, потому что я хорошо стрелял, а также не прочь был поболтать с ним в свободное время.

Как-то вечером, покормив собак, старик подсел к моему рабочему столу и стал неторопливо набивать трубку табаком.

— Сейчас, Тынты, Сейчас! Только страничку допишу.

— Пиши, пиши! Я картинки посмотрю.

На столе лежало несколько фотографий. Краем глаза я увидел, что старый охотник тянет к себе снимок песка, которого Андрей увековечил на пленке во время спасения команды “Ямала”.

— Что за песок? Поймал его?

— Нет, Тынты, — вздохнул я. — Еще не поймал...

Я рассказал ему историю песка. Тынты слушал внимательно, не прерывая.

Закончив рассказ и отвернувшись от своего слушателя, я успел уже снова погрузиться в прерванную работу, как вдруг услышал неторопливый, скрипучий голос.

— Есть земля, — сказал каюр, выколачивая о ножку стола пепел из трубки. — Песцов не видал. Птиц зато видел. Летели на север. Там земля.

Я изумленно поглядел на него.

Оказалось, что перед зимовкой на Челюскине Тынты Куркин провел три года на острове Врангеля. На протяжении всех этих лет охотник наблюдает пролет птиц над островом. Весной они летели с материка в море, осенью возвращались оттуда. Среди местных жителей распространено было мнение, что птицы летуют (то есть проводят лето) на неизвестной земле, находящейся где-то на севере от острова Врангеля.

— Андрей! Андрей! — В волнении я вскочил со стула. — Иди сюда! Послушай, что рассказывает Тынты!

Важное сообщение каюра тотчас же было передано по радио в Москву, а там, с помощью Малышева, опубликовано в одной из московских газет.

Довод был убедительный. “Воздушный след уводит к Земле Ветлугина”, — так называлась наша статья.

У Союшкина, однако, нашлись возражения.

“Почему надо предполагать, что птицы летуют на земле? — спрашивал он. — А кромка льдов? Забыли о ней?”

Известно, что жизнь в летние месяцы бьет ключом у кромки вечных льдов. По меткому определению профессора Н.Н.Зубова, вода, омывающая тающие льды, как бы удобрена питательными веществами. В ней пышно цветет фитопланктон, который можно сравнить с ряской в реке. Он привлекает к кромке льдов рыб. Вдогонку за рыбами приплывают толени, прилетают птицы, и, наконец, к “большому обеденному столу” развалистой походкой поспешает белый медведь.

“Длинная цепочка, как видите, — заключал Союшкин. — И одно из звеньев ее — птицы!”

Торжество его было, впрочем, недолгим.

“Да, птицы летом встречаются у кромки льдов, — отвечал Союшкину известный орнитолог. — Они отдыхают здесь, ищут и находят корм. Но, подобно песцам, живут на земле. Только там могут они выполнять свою основную летнюю обязанность — выводить птенцов. Нам известна единственная птица на земном шаре, которая настолько непритязательна, что устраивает гнездовье на айсбергах. Это пингвин, встречающийся, как известно, только в Антарктике...”

Сообщение Тынты Куркина возбудило большой интерес советских географов. Можно ли искать Землю Ветлугина по “следу” птиц в воздухе?..

Вспомнили сходные случаи из истории географических открытий.

Еще викинги использовали воронов в качестве “авиаразведки”. Они брали их в плавание и выпускали по мере надобности, чтобы по направлению полета определить, где ближайшая земля.

Во время кругосветного плаванья капитан-лейтенанта Лисянского, сподвижника Крузенштерна, корабль в открытом море окружило множество птиц. Надвигалась ночь. Лисянский предположил, что вблизи земля, и не рискнул идти дальше, опасаясь рифов. Он приказал бросить якорь. Прошла томительная ночь. Когда солнце поднялось над горизонтом, русские моряки увидели, что стоят вблизи острова.

К неизвестным землям приводили путешественников не только птицы.

В погоне за моржами отважные архангельские поморы, земляки Ломоносова, еще в XIV веке добрались до Шпицбергена, открыв его задолго до голландских китобоев.

Примерно такую же услугу оказали русским зверопромышленникам морские котики.

Была замечена странность в их поведении. Время от времени они уходили с Алеутских островов куда-то на север, а затем возвращались с большим количеством молодняка. Напрашивалась догадка: не нашли ли котики необитаемый остров или острова, где спокойно, без помехи, выводят детенышей?

В конце XVIII века штурман Прибылов отправился на поиски котиков и действительно к северу от Алеутов нашел целый архипелаг.

Ляховские острова помогли открыть олени.

Якутский зверопромышленник Ляхов, находясь в тундре на берегу океана, вдруг увидел диловинное зрелище. Прямо с моря надвигалось на него огромное стадо диких оленей. Ляхов едва успел посторониться.

Откуда двигались олени?

Ляхов отличался решительным характером. Он направил своих упряжных собак к морю. Следы оленьих копыт были явственно видны на льду. Идя по следам, в семидесяти километрах от материка Ляхов наткнулся на острова.

Наконец, открытие Сибири было тесно связано с соболями.

Проворный пушистый зверек, мелькая, как пламя, между стволами сосен, уводил отважных казаков от одной сибирской реки до другой, все дальше и дальше на восток.

Местные жители не знали цены соболям. Мехом его, к удивлению русских, подбивали лыжи, чтобы те лучше скользили по снегу, а за один медный котелок променивали столько золотистых шкурок, сколько могло в него уместиться. Недаром, пряча завистливый блеск в глазах, иностранные купцы называли Сибирь “царством соболей”.

Выходит, у песка, сфотографированного Андреем на пловучих льдах, и у птиц, замеченных Тынты Куркиным во время весенних и осенних перелетов, была длиннейшая вереница предшественников...

Наши радисты только покряхтывали. Благо даря Союшкину обмен радиogramмами между Большой землей и мысом Челюскин за эту зиму значительно оживился.

Кроме того, в редкие просветы между деловыми и частными сообщениями то и дело вклинивался Неуспевако.

Это была тоже загадка Арктики, но юмористическая.

В адрес мыса одна за другой летели телеграммы, требовательные, просительные, угрожающие. Неуспевако вызывали в суд, Неуспевако с нетерпением ждали в каких-то комиссиях, Неуспевако понуждали выполнить и то и это. Но зимовщики мыса Челюскин при всем желании ничем не могли помочь. Неуспевако никогда не значился в списках зимовщиков.

Кем был загадочный Неуспевако? Почему его имя связывали с полярной станцией?

Вечерами в кают-компаниях возникали на этот счет самые фантастические предположения. Соседи-радисты с островов “Комсомольской правды”, с Домашнего, с Оловянного, с Уединения и даже с Хатанги сочувственно запрашивали: “Ну как? Куда опять вашего Неуспевако вызывают?”

Полярная эпопея Неуспевако кончилась внезапно, на исходе зимы.

— Конечно, Челюскинская, — сказал наш начальник, вставая из-за обеденного стола и обводя всех просветленным взглядом. — Ну ясно: станция Челюскинская! И как это нам раньше не пришло в голову?..

Хохот тотчас покрыл его слова. Телеграфистки путали подмосковный поселок Челюскинскую, что по Северной железной дороге, с мысом Челюскин, лежащим на рубеже двух арктических морей.

Загадка разъяснилась. Радиogramму начальнику московского телеграфа придумывали сообщая, вкладывая в нее весь наличный запас иронии и сарказма...

Да, нелегко приходилось радистам полярной станции мыса Челюскин!

Заметьте, что, помимо спорщика Союшкина и неуловимого Неусевако, существовали на свете еще и влюбленные.

Один из зимовщиков женился незадолго перед отъездом в Арктику. Еще с дороги он принялся изливать свои чувства по телеграфу, но нерегулярно, от станции к станции. Зато, прибыв на место назначения, стал посылать не менее одной нежной радиogramмы в день.

Возможно, именно это дало толчок чувствам, дремавшим в душе Андрея. По-видимому, друг мой любил Лизу давно, но не отдавал себе в этом отчета. Подействовал ли пример женатого зимовщика (кое-кто называл его даже “счастливец”), имела ли значение разлука (многое становится яснее на расстоянии), не знаю. Так или иначе, как-то вечером, когда я, вытянувшись на узкой койке, читал перед сном “Справочник по температурным колебаниям моря Лаптевых”, ко мне подошел Андрей и осторожно положил на одеяло четвертушку бумаги.

— Вот, понимаешь, накорябал тут кое-что, — сказал он, смущенно покашливая. — Как-то раз не спалось, понимаешь...

Это были стихи. Андрей писал стихи!

Я почти с ужасом, снизу вверх, посмотрел на него. Он отвернулся:

— Читай, читай...

Стихи были плохие, на этот счет не могло быть двух мнений. Рифмовались “розы” и “грезы”, “любовь”, “кровь” и даже “северное сияние” и “стенания”.

Я бы не поверил в то, что это написано Андреем, деловитым, суховатым, собранным, если бы не знал его почерка. Бросалось в глаза несоответствие текста с почерком. Он был очень экономный, прямой и мелкий, без всяких завитушек. Было ясно само собой, что человек слишком занят, чтобы заниматься какими-то завитушками. И вдруг пожалуйста; “стенания”, “сияние”!

“Что делает поэзия с человеком!” — подумал я.

Но дело было не в поэзии.

— Ну как? — спросил новоявленный стихотворец с давленным голосом.

Он, видимо, жаждал еще и похвал!

Я сделал вид, что не нахожу слов.

— А ты прочти еще раз, — попросил Андрей.

Для очистки совести я прочел еще раз, стараясь выискать хоть что-нибудь сносное.

Эге-ге! Что это? У вдохновительницы моего друга (имя не упоминалось) были рыжие кудри! Рыжие, как что? Ах, да! Как опавшая осенняя листва!

Я пристально посмотрел на стихотворца.

— Андрей! — строго сказал я.

— Ну, что еще?

— Она, стало быть, рыжая?

Андрей побагровел и, пряча глаза, попытался выдернуть у меня из рук стихотворение. Я отстранил его:

— И ты молчал? Очень хорошо! Столько времени скрывал от лучшего друга!.. Ай да Андрей! Красиво это? Я узнаю случайно из какого-то стихотворения, плохого к тому же... Узнаю последним!

— Почему же последним? — пробормотал Андрей, отворачиваясь. — Наоборот, ты узнаешь первым.

— А Лиза?

— Ну что ты! Она не знает ничего...

К моим обязанностям на полярной станции, таким образом, прибавилась еще одна: я стал тайным советником по любовно-поэтическим делам!

Признаюсь, меня огорчал и возмущал скудный набор эпитетов, которыми располагал мой друг.

— Вот ты пишешь — карие. Темно-карие, светло-карие... Слабо это! Бедно!.. У нее ореховые глаза! — втолковывал я Андрею. — Неужели ты так слеп, что до сих пор не заметил этого?

— Ореховые? — переспрашивал Андрей с растерянным видом. — Да, да, именно ореховые!.. Спасибо тебе! Очень метко схвачено. Я вставлю это в стихи... А ее живость, ее ум? Ты обратил внимание? С чем бы мне сравнить ее ум?..

Я с сожалением поглядывал на наших многострадальных радистов. Того и гляди, начнется новая “любовь по телеграфу”...

Но до этого не дошло. Андрей робел решительного объяснения, тем более на коротких или длинных волнах в эфире...

— Тут, знаешь, надо с глазу на глаз, — пояснял он шепотом. — Осторожно! Планомерно!..

При этом он многозначительно хлопывал ладонью по своим стихотворениям. По-видимому, мой друг, все же возлагал на них какие-то надежды...

Глава седьмая
ТРИ ФЛАКОНА САБИРОВА

Но мы не застали Лизу, когда вернулись с мыса Челюскин. Лиза была на практике, на какой-то новостройке. (“И очень хорошо! Лучше подготовлюсь”, — сказал Андрей, как видно трусивший объяснения.)

Зато в Москве нас встретил целый ворох писем: из Алма-Аты и Минска, из Великого Устюга и Полтавы. Они продолжали поступать в адрес редакции центральной газеты, где осенью была помещена наша статья. Прошел уже год, но поток не иссякал.

“Как отзывчив наш советский народ! — думал я, сидя в одной из комнат редакции за столом, заваленным письмами. — Как близко к сердцу принимает он все, что касается престижа нашей великой Родины!..”

— Погляди-ка, Леша, — от земляков! От весьегонских пионеров! — Андрей с торжеством показал конверт, старательно склеенный треугольником. — А вот от пограничников... Откуда оно? Ага, из крепости Кушка.

Мой друг сидел напротив меня. Он по локоть погружал руки в груды писем, сортировал их, переключивал. На обычно серьезном, даже суровом лице его было блаженное выражение.

— Какие у нас с тобой корреспонденты! Какие люди, а?..

— Замечательные люди, — согласился я. — Хотя бы посмотреть на одного из них!

В тот момент раздался стук в дверь. Это была, конечно, случайность, совпадение, но выглядело так, будто желание мое сразу же, чудом каким-то, исполнилось.

— Разрешите войти? — вежливо спросили за дверью.

— Да, да, пожалуйста!

Дверь отворилась, и в комнату, прихрамывая, вошел молодой человек небольшого роста, но очень крепкий, в плотно облегавшем его коротковатое туловище морском кителе.

Смуглая, с чуть проступавшим под ней румянцем кожа была туго натянута на могучих, как бы каменных скулах. Казалось, что они снизу подпирают глаза и делают прищур их еще более узким. Над верхней губой чернели коротенькие, подбрившие по-модному усики.

— Не узнаете? — спросил моряк, дружелюбно улыбаясь. — Я Сабиров. С “Ямала”. Второй помощник капитана...

Узнать было, конечно, нелегко. Члены команды “Ямала” в дни эвакуации выглядели на одно лицо: усталые, худые, заросшие многодневной щетиной.

Впрочем, я запомнил Сабирова. Ему повредили ногу при катастрофе, и товарищи вели его под руки. Меня удивило, что он брел по льду согнувшись, придерживая что-то локтем за пазухой.

Сейчас второй помощник был чисто выбрит, имел бодрый, веселый вид.

— Сабиров? — сказал Андрей, припоминая. — Это вы пререкались с пилотом, требовали уложить вас так, чтобы не трясло, а он сказал: “Бойтесь толчков, точно стеклянный”?

— Правильно! Тогда мне было не до объяснений, а ведь пилот почти что не ошибся.

Посетитель осторожно вытащил из внутреннего кармана кителя три небольших флакона из-под духов, до половины наполненных водой.

— Не простая вода, — предупредил он. — Из Восточно-Сибирского моря!

И с некоторой торжественностью поставил флаконы среди вороха писем на стол.

— Да вы присаживайтесь, не стесняйтесь! — сказал Андрей, приглядываясь к посетителю. — Ведь вы казах, судя по наружности?.. Никогда не видел казаха-моряка.

— И я не видел, — подтвердил я.

Сабиров деликатно, бочком, подсел к столу.

Да, он казах, родился в Акмолинске, почти на рубеже Голодной степи.

Дед его, бывший погонщик верблюдов, был очень удивлен, когда ему сказали, что внук решил стать моряком.

Казах хочет стать моряком!

“Оглянись, Саит, — требовал он. — Что видишь вокруг? Степь. Десятки дней надо ехать степью, чтобы добраться до ближайшего моря. Наше ли, казахов, дело водить по морям корабли?”

“Но Казахстан — это часть Советского Союза, — почтительно возражал деду Саит. — Ты ведь знаешь, что Советский Союз — морская держава. Казах — гражданин великой морской державы. Почему бы казаху не водить корабли?”

В ответ на ворчливые ссылки на историю, на то, что испокон веку не бывало еще казахов-моряков, внук только пожимал широкими плечами: ну что ж, он, Саит, значит, будет первым в истории казахом-моряком, только и всего!

Впрочем, когда упрямец, закончив в Ленинграде мореходное училище, совершил свое первое кругосветное плавание и приехал в гости к деду, старик смягчился.

Усевшись на полу на коврах и маленькими глотками отхлебывая чай из плоских чашек, родичи слушали моряка, с удивлением покачивали головами. Подумать только: он обошел вокруг Земли! Тайфун вертел его в страшной водяной карусели, и туманы стеной смыкались перед ним!

Деду Сайт привез поющую раковину, купленную в Коломбо.

Весь вечер бывший погонщик верблюдов просидел на почетном месте в своем праздничном халате, держа раковину в руках и поднося попеременно то к одному, то к другому уху. Внутри удивительного подарка был спрятан негромкий мелодичный гул, как бы отголосок далекого приюба.

Заботливо завернутая в пестрый халат поющая раковина осталась под Акмолинском, а молодой штурман дальнего плавания продолжал плавать под южными широтами.

Наконец судьба моряка бросила Сайта из-под тропиков далеко на север, за Полярный круг.

Танкер “Ямал”, на котором казах-моряк шел вторым помощником, поднялось Беринговым проливом и двинулся на запад, имея назначение за одну навигацию пройти до Диксона.

Однако неблагоприятная ледовая обстановка помешала этому. Льды потащили “Ямал” на северо-запад, примерно по тому пути, на котором нашла свою гибель экспедиция Текльтона.

Жизнь на дрейфующем танкере была заполнена неустанной разнообразной работой, не оставлявшей времени для уныния или паники.

Больше всего усилий требовала борьба со сжатыми.

Вдруг раздавался сигнал: “Кавралу!” Команда выбегала наверх.

Из мрака полярной ночи доносился зловещий скрип. Он нарастал, делался резче, пронзительнее. Тишина. И снова скрежет. Все ближе, громче! При свете прожекторов видно, как ледяные валы подползают к судну.

Применялась активная оборона. Это означало, что моряки с аммоналом спускались на лед.

Старались добраться до воды. Гидравлический удар распространяется на значительной площади, взбалтываемая взрывом вода ломает и крошит лед, распирает его снизу, растаскивает в разные стороны.

Но пробить ломами многолетний лед нелегко. Поэтому вначале закладывали небольшой заряд, разворачивающий майну¹. Затем, выбрав из майны обломки льда, опускали туда основной заряд, весом в несколько десятков килограммов.

Бикфордов шнур горел минуты полторы, подрывники успевали за это время отбежать к кораблю.

Раздавался грохот, как при землетрясении, и лед начинало корезить. Движение ледяных валов, грозивших раздавить корабль, приостанавливалось.

На такие вылазки Сабиров всегда отправлялся с пустыми бутылками и мотком троса. Он добровольно взял на себя обязанности гидрографа, так как чувствовал большую склонность к научно-исследовательской работе.

Льды несли “Ямал” по краю “белого пятна”. Когда-то в этих же местах побывал Текльтон, но научные результаты его экспедиции были ничтожны.

Надо было использовать для науки вынужденный дрейф “Ямала”.

Пробы воды с различных горизонтов сохраняются обычно в специальных бутылках. Под рукой у Сабирова такой посуды, понятно, не было. Приходилось изворачиваться. Тайком от кока он опустошал буфет.

Какой-нибудь надменный ученый в мантии и шапочке, возможно, ужаснулся бы, увидев, что морская вода, взятая для научных исследований, разлита в склянки из-под лекарств, в узкогорлые флаконы неизвестного происхождения и даже в темные бутылки из-под пива.

Впрочем, каждую взятую пробу Сабиров тщательно закупоривал и заливал парафином. Этикетки были смыты с бутылок, вместо них выведены белыми порядковые номера.

Едва пробивали первым взрывом дыру во льду, как Сабиров поспешно разматывал трос, на конце которого закреплен был самодельный батометр. Надо было успеть взять пробу в течение того времени, пока готовят вторую, основную, заряд аммонала.

Восточно-Сибирское море — самое мелкое из всех советских арктических морей. Второй помощник имел возможность обходиться без лебедки.

“Вот оно, наше Восточно-Сибирское море! — с гордостью говорил он товарищам, указывая на множество разнокалиберных бутылок, расставленных на полочках над его койкой. — Все здесь, в моей каюте! Расфасовано, расписано, занумеровано...”

“Смотри не вычерпай море до дна! — отвечали товарищи Сайта ухмыляясь. — Не на чем будет плыть “Ямалу”, до дому добираться”.

Второму помощнику не удалось доставить свое “расфасованное море” на материк.

Весной в район дрейфа примчался циклон.

Не раз трепали Сабирова жестокие штормы в Северной Атлантике, довелось побывать и в центре тайфуна в Японском море, но страшнее всего показался ему циклон в Арктике. “Ямал” был раздавлен льдами и пошел ко дну.

При поспешной эвакуации на лед Сабиров успел захватить с собой только три флакона, оставленных с вечера в коридоре. Он пытался взять еще несколько, но тщетно. Дверь в каюту была завалена и зажата сломавшимися переборками. Товарищи едва вытащили его самого из коридора под руки.

Вывезенный на материк второй помощник долго отлеживался в госпитале. Только в середине зимы он отнес доставленные им склянки в лабораторию. По счастью, это были последние пробы, взятые в высоких широтах, в районе “белого пятна”.

---

¹ Майна — прорубь.

Сабиров никогда ничего не слышал о Земле Ветлугина. Лишь в санатории на Южном берегу Крыма попались ему в руки газеты, оживленно обсуждавшие эту волнующую загадку Арктики. Но и тогда второй помощник не думал, что три спасенные склянки примут участие в споре.

Между тем в них заключался самый убедительный, самый неоспоримый довод!

Дело в том, что часто с водой захватывалось со дна и немного грунта. В двух склянках грунт был обычный, морской, каким ему и положено быть. Зато в последней, третьей склянке неожиданно обнаружили приресь мелкозернистого гравия!

— Гравий? Неужели? — Мы с Андреем в волнении выскочили из-за стола.

Сабиров скромно подтвердил, что во флаконе из-под духов “Красная Москва” находится гравий, присутствие которого в грунте говорило о близости земли!..

Каждый моряк знает, что на далеком расстоянии от берега морское дно устлано нежнейшим бархатистым песком. Волны, прокатывающиеся над ним в течение долгих тысячелетий, действуют лучше всякой камнедробилки, лучше всякого катка.

Гравий же попадает в открытом море лишь на подходах к островам или к мелководью. Вода размывает берег, подтачивает его и волочит свои трофеи по дну, унося их иногда на десятки километров от места размыва.

След к Земле Ветлугина, таким образом, проходил не только по льду (медвежонок), не только по воздуху (птицы), но и подо льдом, в воде (гравий в морском грунте)!..

Глава восьмая **УХОД ВЕСЬЕГОНСКА**

Довод, добытый со дна морского, был веским, по общему признанию, хотя сам гравий весил, наверное, не больше двух-трех миллиграммов. Союшкин растерянно молчал.

Такова в общих чертах была обстановка после нашего возвращения в Москву, когда пришло письмо от Лизы. В нем не было ничего о гравии или о песках, но оно имело косвенное отношение к Земле Ветлугина.

Станным показался обратный адрес: “Подмосковная Атлантида”!

Это, конечно, была шутка, в обычном стиле Лизы (она любила удивлять).

“Я раньше вас отправилась в путешествие, — так зазорно начиналось письмо, — в свое путешествие в Страну Завтрашнего Дня...”

А между тем, как выяснилось дальше, она писала нам из Весьегонска.

Так вот, стало быть, о какой новостройке шла речь! Лиза работала на сооружении гидроузла и грандиозного Рыбинского водохранилища!

Впрочем, она называла водохранилище морем.

“В Советском Союзе стало больше одним морем, — с гордостью писала она. И добавляла почти нежно: — Оно просторное и красивое, наше море. Не похожее, наверное, ни на одно море на свете. Светлое-светлое, как жемчужина. В оправе из ярко-зеленых берегов. На нем бывают штормы. Над ним летают чайки. А когда по небу плывут облака, то кажется, что море доверху наполнено белой взбитой пеной... Вот удивился бы Петр Арианович, увидев его! М продолжала Лиза. — Ведь он говорил вам на уроках географии, что Волга впадает в Каспийское море. А теперь Волга впадает еще и в Рыбинское...”

Все письмо было в таком же восторженном духе и изобиловало восклицательными знаками. Что касается остальных знаков препинания, главным образом запятых, то они, большей частью, ставились по вдохновению. Лиза с запятыми была не в ладу.

“Я расскажу вам о странном путешествии, во время которого не я приближалась к морю, а оно приближалось ко мне, — писала наша приятельница. — В системе водохранилищ канала Москва-Волга наше Рыбинское — самое большое. Расположено оно в междуречье Мологи и Шексны. Сейчас мы объединили эти реки.

Учтите, что на территории “Подмосковной Атлантиды” жили двести тысяч человек, располагались сотни сел и три города — районных центра: Молога, Пошехонье¹ и Весьегонск.

Официальное наименование нашей группы: “Отдел подготовки зон затопления”. Здесь работают в тесном взаимодействии представители различных профессий: гидротехники, землеустроители, агрономелиораторы и мы — инженеры-строители. Ведь подготовка к затоплению и само затопление — сложный комплекс самых разнообразных мероприятий. Это раньше благоговели перед природой. А теперь мы видим, что природа действует часто сгоряча, стихийно и порой опрометчиво. Рубить наотмашь, сплеча. Вдруг происходит геологический сброс или сдвиг, или еще какая-то катастрофа — и в мгновение ока морская волна начисто смывает все перед собой, неся гибель и разрушение.

Не знаю, можно ли верить — вы разбираетесь в географии лучше меня, — будто существовал материк (или остров) между Европой и Америкой, который погрузился в пучины океана, унаследовавшего его имя. Бедные атланты, наверное, и оглянуться не успели, как очутились на дне со своими городами, памятниками, храмами и садами. Как хотите, грустно читать о таких вещах...

---

¹ Ныне город Пошехонье — Володарск.

У нас все вышло по-другому, — продолжала Лиза. — Из зоны затопления пришлось переселить более тридцати тысяч крестьянских хозяйств. В какой другой стране сумели бы сделать это за такой срок и так организованно?..

Эх, поглядели бы вы, ребята, в те дни на Мологу и Шексну!

Тесно было от плотов. Села одно за другим проплывали вниз, уступая место морю. А на плотях, сбитых из разобранных домов, ехали со всем своим скарбом домохозяева: мужчины у кормового весла, женщины на бревенчатом настиле, и рядом с ними — ребятишки, прижимая к груди какого-нибудь кутенка.

Думаете, оставляли хоть что-нибудь на том месте, где стояли села? Что вы! Снимали и увозили постройки, разравнивали бугры, убирали дно под метелочку. Новенькое море должно было быть чистым и прозрачным, как хрустальный стакан!

Правда, в двух местах оставили церковные колокольни. Так и по сей день и торчат из воды: за колокольни заступился Наркомат речного флота. Они понадобились как ориентиры для лоцманов”.

Ну, а как распорядились “затопленцы” с животными? (Я имею в виду диких животных — домашний скот перегоняли по дорогам.)

Наркомат здравоохранения, по словам Лизы, пугал строителей моря туляремией — болезнью, которая разносится грызунами.

“Ждите нашествия грызунов”, — озабоченно объявляли санитарные инспекторы. Кое-кто даже вспомнил балладу о епископе Гаттоне, который был съеден в своей башне мышами.

Строители моря обратились к местным охотникам за советом.

“Не бойтесь грызунов, — успокоили те. И добавили загадочно: — Их погубит привычка. Не о Гаттоне надо вспоминать — о некрасовском охотнике Мазае...”

Паводки на Мологе и Шексне действительно привычны животным. Бывали весны, во время которых уровень поднимался в реках на десять метров выше обычного, летнего. Поэтому лесное зверье, обитавшее в двуречье — зайцы, крысы, мыши, лисы, волки, — не удивилось, когда прихлынула волжская вода.

По обыкновению, они стали собираться на возвышенных местах, которые превратились во время паводков в островки. Но плещущие волны поднимались все выше и выше. Куда ни глянь, была вода — протянувшееся на много десятков километров, тускло отсвечивающее водное пространство. Вскоре волны стали перекачываться через последние крохотные островки. Наконец и те скрылись под водой со всеми теснившимися друг к другу крысами и мышами.

Более крупным животным удалось уцелеть. Лоси, спасаясь бегством от наводнения, иногда попадали на пустые плоты и со всеми удобствами доплывали до плотины.

“Я видела одного такого путешественника, — сообщала Лиза. — Он был замечен нами издалека. Бревна плота, на котором он плыл, были связаны непрочко, то и дело разъезжались, и ему приходилось расставлять длинные ноги, чтобы не упасть. Плот прибило к берегу у самой плотины, где стояло немало любопытных, но лось, не обращая внимания на людей, прыгнул на землю, отряхнулся и, закинув рога за спину, кинулся в лес. Начальник запретил в него стрелять”.

Однако нас с Андреем больше интересовала судьба городов в междуречье, чем приключения странствующих лосей.

“В нашей зоне несколько городов, — писала Лиза. — С каждым из них мы поступили по-разному...”

Пошехонье, по ее словам, было решено сохранить. Это старинный город, не маленький — с двенадцатью тысячами жителей! В русской литературе он известен благодаря Щедрину. Но не “протекция” великого русского сатирика спасла его от затопления.

Пошехонье знаменито сейчас своим маслозаводом, построенным по последнему слову техники. Здесь вырабатываются высшие сорта сыра и масла. Обидно было бы пускать все это под воду.

Поэтому вокруг города воздвигли земляной вал, довольно высокий, примерно в три человеческих роста. Вдоль вала был устроен дренаж. Он забирал воду, которая просачивалась через землю, а насосы на построенной рядом насосной станции откачивали ее.

Шумит, пенится беспокойное Рыбинское море, торчат вдалеке два ориентира лоцманов — верхушки затопленных колоколен, но город Пошехонье-Володарск неуязвим за своим валом, как за крепостной стеной!

С городом Мологой, который стоял южнее Весьегонска, почти у впадения реки Мологи в Волгу, дело было сложнее.

“Бывали вы когда-нибудь в Мологе? — спрашивала наша корреспондентка из “Подмосковной Атлантиды” и, зная, что ответ будет отрицательным, добавляла: — Ну, и не будете! Теперь там восемнадцать метров глубины”.

Территория, на которой располагалась Молога, — самое низкое место водохранилища. Это предопределило участь города.

По словам Лизы, он был чуть поменьше Пошехонья (насчитывал двенадцать тысяч жителей) и очень походил по внешнему виду на Весьегонск — был такой же приземистый, деревянный.

“Вы, наверное, представляете себе ветхие домики, покосившиеся заборы, через которые лениво перекачивается вода? — писала Лиза. — Нет. Ни домов, ни заборов уже не было, когда море пришло сюда. Город Молога переехал на Волгу и обосновался на ее высоком берегу, влившись в город Рыбинск¹.

---

¹ Ныне город Щербаков.

Мы не копировали старую Мологу, а заново распланировали улицы, разбили цветники, посадили быстрорастущие деревья. Новоселье так новоселье, не так ли?

Но вас, конечно, больше всего интересует вопрос: что же произошло с нашим Весъегонском? А произошло с ним вот что...

Обваловывать Весъегонск подобно Пошехонью-Володарску, трудно по техническим причинам. Город стоит на песке. (“Мощность, то есть глубина песков, достигает сорока метров”, — разъяснила Лиза). Надо, стало быть, сооружать очень большие насосные станции, которые могли бы откачать всю проникающую через глубокие пески воду. Дешевле и легче было передвинуть город, подать его несколько “в бочок”, чтобы он не мешал морю и море не мешало ему.

В этом отношении Весъегонск находился в лучшем положении, чем Молога. Ту обтекала вода со всех сторон. Весъегонск же опирался на берег.

“И мы подняли город на пятнадцать метров”, — очень просто, как о чем-то обыкновенном, сообщала Лиза.

Как это — на пятнадцать метров? Подняли? Куда?.. В Воздух?..

Но Лиза не занималась строительством заоблачных летающих городов, которые высмеял Свифт в своем “Гулливере”. Лиза строила реальные, крепкие, прочно стоящие всем своим основанием на земле советские города.

И новый Весъегонск был таким же.

“Помните бор, ребята, чуть подальше усадьбы Туркиных, над самым обрывом?.. Красивое место, правда? Сосны высокие, мачтовые. Мох яркий, зеленый. И видно далеко вокруг. Мы ходили туда по грибы с Серафимой Львовной. Полные лукошки набирали. А цветов сколько было!..

И сейчас тут много цветов, только все уже высаженные на клумбы перед новыми домами. Город — здесь! Мы подняли его вверх по берегу”.

По словам Лизы, надо было спешить. Строительство гидроузла подходило к концу, вот-вот должна была хлынуть волжская вода, а передвижка Весъегонска задерживалась.

Много хлопот доставил весъегонский собор. Стены его были старинной кладки, разбирать их по кирпичику было долго, приходилось взрывать.

То и дело подрывники, пригнувшись, отбегали от собора, грохотал взрыв — и часть белой стены, как картонная, в облаке пыли падала наземь.

Немало повозились и со зданием бывшего реального училища.

Здание, двухэтажное, кирпичное, неоштукатуренное, имело тот скучный, казенно-безрадостный вид, какой присущ почти всем официальным зданиям старой, дореволюционной России: школу было трудно отличить от земской управы, управу — от “богоугодного заведения”.

Рабочие начали с крыши. Отдирали железо кровли, разбирали междуэтажные перекрытия, вынимали “столярку” — рамы, двери.

Стены для скорости взрывали аммоналом.

Сохраняя надменно-недоумевающее выражение на чугунных мордах, взирали на эту суматоху драконы у входа. Когда здание было разобрано, их тоже убрали — отправили куда-то на переплавку.

Но Лиза, не присутствовала при окончательном водворении Весъегонска на новое место. Ее вызвали в Переборы.

Недавно еще это была ничем не примечательная деревенька, обязанная своим названием тому, что стояла у самого узкого места Волги. Зимой здесь перебирались по льду путники, шедшие в Рыбинск из Весъегонска, Брейтова, Мологи, Веретеи. Теперь Переборы стали центром строительства.

“Говорят, вы неплохо справлялись в Весъегонске, — сказали Лизе. — Вот вам повышение. Под ваше начало даются два трактора. Отправляйтесь с ними в Поречье. Эту деревню надо перевезти на пять километров в сторону от реки. Срок — три дня”.

Раньше дома перевозили грузовиками. Каждое деревянное здание разбиралось по бревнышку, грузилось в разобранном виде на машины, доставлялось на новое место и там собиралось. Дело долгое, муторное.

Домовозы, примененные Лизой в Поречье, изменили картину.

К дому подъезжал трактор, за которым, поднимая клубы пыли, волочился диковинного вида прицеп. Тракторист еще издали кричал: “Эй, хозяйка! Выноси тарелки, ложки, чашки, стаканы! Как бы не зазвенело по дороге!” Хозяйка бегом вытаскивала из дома посуду, зеркала и другие бытовые вещи. Затем диковинный прицеп, оказавшийся при ближайшем рассмотрении рамой-каркасом, надевался на дом, снизу подводились катки, и тракторист, лихо сдвинув фуражку на ухо, выезжал на шоссе.

Проводы домовоза выглядели празднично. Помимо хозяев, их родичей и знакомых, за прицепом еще шли и зрители. Мужчины солидно толковали о том, что место для нового Поречья выбрано с умом, деревня будет располагаться на морском берегу, так что правильнее, пожалуй, называть ее теперь не Поречье, а Поморье. Женщины, белея воскресными платками, помогали хозяйке нести посуду. А мальчишки, немилосердно пыля босыми ногами, бежали вприпрыжку подле дома, поставленного на катки, или даже, по своему обыкновению, пытались “прокатиться”, прицепившись сзади к какой-нибудь балясине.

“Хорошо бы так и Весъегонск! — думала Лиза, присматривая за перевозкой Поречья. — Единым бы духом домчать! Впрячься бы всеми нашими тракторами — и в гору, в гору, на указанную городу высоту!..”

Но домовозы применялись пока на равнине. Весьегонск же перевозился с нижней террасы на верхнюю. Подъем был слишком крут.

Однако к моменту возвращения Лизы в Вельегонск там управились и без домовозов.

Внизу, в той части города, которая была предназначена к затоплению, сиротливо торчали кирпичные опоры фундаментов да кое-где, как шары перекаати-поля, носились по пустырю брошенные жестяные банки.

Вельегонск был поднят над обрывом и утвержден на просторной зеленой площадке среди удивленно перешептывавшихся мачтовых сосен.

Еще не вся работа была закончена. Дело было за цветами. Садоводы торопливо разбивали на улицах клумбы. Особенно много цветов высажено было перед двухэтажным зданием десятилетки (куда более красивым, чем снесенное здание бывшего реального училища).

Когда плотина у Переборов была воздвигнута и к высоким берегам прихлынула бурливая волжская вода, отсюда, с обрыва, открылся широчайший кругозор. У ног засияло новое, созданное руками людей море, а вдали поплыли красавцы корабли, белые, как лебеди...

Письмо нашей приятельницы из "Подмосковной Атлантиды" заканчивалось приглашением в гости:

"Приехали бы ко мне погостить, ребята! Оценили бы мою работу. Выкупались бы в море, покатались на лодке. Леша пострелял бы уток в плавнях... Ведь вам, я знаю, полагается отпуск после зимовки. Вот и приезжайте! Хотя на недельку!.. А то совсем забыли родные места. Нехорошо!.. Когда вы были здесь в последний раз? Наверное, лет десять-двенадцать назад?"

Глава девятая **НА БЕРЕГУ МОРЯ**

— А действительно, Леша, когда же мы были там в последний раз? — спросил Андрей, откладывая письмо.

Я принялся высчитывать на пальцах. Выходило что-то очень давно, лет восемь назад.

— Как же это так, а?..

Я пожал плечами. Все не получалось. То одно мешало, то другое. Времени не хватало. А вернее сказать — просто не к кому было ехать. Отец Андрея умер еще до революции. Тетка моя, у которой я воспитывался, тоже умерла. Дядюшка, передавали, был жив, но у меня с ним не было ничего общего, кроме фамилии.

Зато теперь, в новом Вельегонске, появился свой, близкий человек, к которому мы могли поехать, — Лиза!

— Ну как, поехали?

— Давай. Интересно, как они там с морем теперь.

— Да, занятно. Вельегонск, наверное, не узнать.

— Конечно, не узнать. Был в низинке — влез на гору. Стоял у реки — очутился у моря.

— Вельегонское взморье! Каково?.. Знакомые будут спрашивать: "Куда едете?" — "На взморье". — "На черноморское?" — "Нет, вельегонское!"

Андрей захохотал, откинувшись на диване.

Внезапно он оборвал смех и испуганно посмотрел на меня.

— Лешка! Ведь мы вдвоем не можем ехать!..

— Почему?

— А решение насчет экспедиции?

— Но Степан Иванович сказал: не раньше августа...

— А вдруг?

Я задумался.

Решение вопроса об экспедиции для поисков Земли Ветлугина было передано в высшую инстанцию. Степан Иванович не очень обнадеживал насчет сроков. На очереди к рассмотрению немало других вопросов, помимо нашего. "Что-нибудь август, сентябрь, — прикидывал он. — Так и тамошние референты говорят. Даже в рифму получается: жди ответа к концу лета!.."

Но Андрей был прав. А вдруг?.. Референтам могли понадобиться справки, какие-нибудь дополнительные данные, цифры.

Мой друг огорченно оттопырил губы. Я подумал, что ему очень хочется поглядеть не только на Вельегонск, но и на одну из строительниц нового Вельегонска.

Что ж, в добрый час! Судя по письму Лизы, в новом городе немало отличных мест для объяснения в любви. Например, обрыв. Мне представились длинные лунные дорожки на воде. Откуда-то снизу, может быть с проходящих пароходов, доносится негромкая музыка. Шуршат ветви сосен над головой. И близко, почти у самого лица, сияют в темноте удивительно яркие, светло-карие, почти ореховые глаза...

Я почему-то вздохнул.

— Выходит, ехать одному из нас, — сказал я. — Тебе.

— Почему же именно мне?

— Да уж потому. Сам знаешь почему. Я стихов не писал.

Но Андрей не захотел этой "жертвы", как он выразился.

— Жребий, жребий! — сказал он.

Мы бросили жребий, согласно хранимым с детства романтическим традициям, и мой друг выиграл. Ему выпало ехать, мне — оставаться. На другой день он уехал с Химкинского речного вокзала.

Я проявил о нем заботу до конца.

— Не бери стихов, — посоветовала я, помогая Андрею укладываться. — Прочтешь ей потом, когда поженитесь.

Он сделал вид, что не понял или не расслышал меня.

Мне стало немного грустно, когда он уехал.

Я привык, что в Москве мы всегда проводим время вместе: он, я и Лиза. Теперь я остался в Москве один, а Лиза и Андрей были вдвоем в Весьегонске. Я представил себе, как они катаются на лодке по синему заливу и Лиза звонким голосом поет “Отраду”. Потом идут зеленой улицей вверх, проходят мимо аккуратных бревенчатых домиков, обсаженных цветами, и медленно поднимаются к обрыву. Заходит солнце, стволы сосен делаются прозрачно-розовыми. К ночи начинают сильнее пахнуть маттиола и табак.

Только бы он не начал читать стихи!..

Вернулся Андрей неожиданно рано, не пробыв в Весьегонске и недели. Вернулся надутый и мрачный.

— Ты почему такой? Лизы не видал?

— Видал. Уже купил обратный билет, а тут она заявляется. Объезжала район. В общем, разминулись с ней...

— И поговорить не удалось?

— Обменялись несколькими словами. Привет передавала тебе. Она возвращается на будущей неделе в Москву...

Андрей рывком сдернул с себя пальто, швырнул на диван. Я с удивлением наблюдал за ним. Я никогда еще не видел его в таком настроении.

— Ну и накурил же ты, Лешка! — брюзжал мой друг умываясь. — Хоть бы форточку открыл! Сидишь, как в норе. Зарылся с головой в таблицы и карты свои...

— Да ты не злись, — сказал я спокойно. — Ты по порядку рассказывай... Ну-с, сел ты, стало быть, на пароход...

Да, сел он в Москве на пароход. Чудесный лайнер, замечательный. Белым-белехонький, без пятнышка. Блеск, чистота, как полагается на морском корабле.

Море тоже было замечательное. (Читатель помнит, что Андрей не был щедр на эпитеты.) И покачивало основательно, не на шутку; в таких замкнутых со всех сторон водохранилищах ветер разводит большую волну.

В нижнем, южном, углу Рыбинского моря располагается Рыбинск, в правом, восточном, — Пошехонье-Володарск, в левом, западном, — Весьегонск.

Несмотря на сильный противный ветер (моряки говорят: “мордотык”), Андрей не уходил с палубы и разглядывал море в бинокль как строгий приемщик, как инспектор по качеству. Но придаться было не к чему — Лиза сделала свою работу хорошо.

Навстречу, ныряя в волнах, двигались пассажирские пароходы, нефтевозы, буксиры, баржи со строевым лесом. Особенно много было плотов. Не тех хлипких, связанных кое-как, вереницы которых гоняли по Мологе когда-то, а сбитых особым образом, морских.

“Так называемые “сигары”, — с удовольствием пояснил стоявший на палубе моряк. — Тяжелые плоты, по семь и по восемь тысяч кубометров. Плавающий дровяной склад...”

Эти “плавающие склады” плыли на длинных тросах следом за пароходами. Теперь уж плотовщикам не приходилось маяться с плотами, как раньше, то и дело снимать их с мелей, проталкивать на перекатах. Море было глубоко и просторно.

Все расстояния с появлением Рыбинского моря чудесным образом сократились. Теперь от Пошехонья, Рыбинска и Весьегонска рукой было подать до Москвы!

Андрею вспомнился отъезд Петра Ариановича на железнодорожную станцию после его увольнения. На лошадах, по грязи, под дождем!..

В Пошехонье-Володарске Андрей воспользовался полчасовой стоянкой и сошел на берег. Он прогуливался по набережной, любуясь своим белоснежным двухпалубным пароходом, — со стороны тот выглядел особенно внушительно. Гордость пассажира — одна из забавных разновидностей гордости — овладела моим другом. Он остановил проходившего мимо грузчика.

— Красив? — спросил Андрей, указывая на лайнер.

— Красив, — охотно согласился грузчик. — Не видали таких, пока море к нам не подошло...

— Выбрались из медвежьего угла?

— Какой там угол! — с достоинством сказал пошехонец. — На самом бойком перекрестке живем. — Он посмотрел на часы, висевшие над зданием порта. — Сейчас будут гудок давать. К отправлению. Не отстали бы от парохода, граждане!

Таков был конец захолустья. Пошехонск-Володарск стоял теперь на обочине большой морской дороги. Мимо тянулись караваны: из Белого моря — на Черное, из Балтики — на Каспий, с Каспия — на Баренцево...

На рассвете лайнер Андрея остановился у причалов весьегонского порта.

Город, стоявший на высоком берегу, среди мачтовых сосен, выглядел гораздо красивее и компактнее, чем раньше. Андрею пришло на ум сравнение. Строители подняли Вёсьегонск на вытянутой ладони, чтобы видно было проходящим мимо кораблям: “Вот он, наш новый город! Смотрите, любуйтесь на него!..”

И впрямь, огни Вёсьегонска, по свидетельству лоцманов, были видны в море издалека.

Размахивая чемоданчиком, Андрей медленно шел в гору по незнакомым улицам. Они были очень зеленые и тихие.

Город потерял свое прежнее административное значение по довольно редкой причине: за неимением района. В результате затопления Вёсьегонский район почти целиком ушел под воду. Поэтому районные учреждения переехали в другой город.

Но Андрею не нужны были районные учреждения. Он искал лишь контору строительного участка.

Вздорные собачонки, не признавшие в нем вёсьегонца, провожали его в качестве шумного эскорта от пристани до самой конторы. Но там моего друга ждало разочарование.

— Елизаветы Гавриловны нет, — сказали ему. — Уехала по трассе.

— По трассе? Вот как?

Андрей поставил чемодан на пол и с огорченным видом вытер платком лицо и шею. Припекало.

Кудрявой машинистке, стучавшей в углу на “Ундервуде”, стало, видно, жаль его.

— А она скоро приедет, — утешила девушка Андрея, прервав на минуту свою трескотню. — Дня через два или через три. В Переборах побудет и в Ситцевом. Может, еще в Поморье заглянет. Она собирается в Москву, ей нельзя задерживаться... так что погуляйте пока в Вёсьегонске. Наш городок маленький, не заблудитесь...

Андрей хотел было сказать, что до недавнего времени знал в Вёсьегонске каждый переулок, даже каждый проходной двор, но только поблагодарил за ценную справку.

Он вышел из конторы в раздумье. Ждать — поджидать было не в его характере. Да и времени было у него не так уж много. Москва не выходила у него из головы. Как там? Нет ли новостей в отношении экспедиции? Не возникло ли в высокой инстанции непредвиденных затруднений? Сумеют ли с ними справиться Леша и Степан Иванович?

В конторе говорили, кажется, о деревне Поморье? Лиза, возможно, заедет туда из Перебор — в поморьинском колхозе живет у нее престарелый дед.

Андрей подумал-подумал, посердился на Лизу, которая приглашает людей в гости, а сама исчезает в неизвестном направлении, и махнул в Поморье.

Часть пути он проделал на попутной машине, а у развилки шоссе сошел с грузовика, решив сократить расстояние и пройти к колхозу напрямик, берегом.

В Вёсьегонске ему довольно точно объяснили маршрут: “Все по столбам да по столбам — и дойдете”.

Железные столбы-великаны шагали навстречу Андрею. Собранная вместе вода Волги, Шексны и Мологи вертела турбины на гидростанции в Переборах, а электроэнергия, переданная оттуда по проводам, питала окрестные заводы, фабрики и колхозы.

Да, сбиться с дороги было мудрено.

А вскоре нашелся и попутчик — мальчишка лет двенадцати, поморьинский пионер. Он возвращался из Вёсьегонска, куда его посылали отправить заказное письмо в Москву, в Сельскохозяйственную академию. Мальчишка был очень горд своим поручением.

Они быстро шли по тропинке вдоль берега, то приближаясь вплотную к воде, то удаляясь от нее и ныряя в высокие хлеба. День был безоблачный, жаркий. Море лежало рядом, светлое, ослепительно яркое, даже как будто немного выпуклое, словно линза.

Вдруг в кустах у воды Андрей увидел притаившегося зайца.

Андрей не был охотником, на мысе Челюскин не раз осуждал меня за излишний охотничий пыл. Но день на берегу моря был так хорош, что внезапно моего друга охватило совершенно мальчишеское желание побегать, поорать, побегать, — желание, которое иногда охватывает даже самых подтянутых, строгих с виду людей.

— Го-го-го! — закричал суровый гидрограф и со всех ног кинулся к зайцу.

За спиной раздался предостерегающий возглас, но Андрей уже кубарем катился с пригорка.

Он тотчас же вскочил на ноги. Что это? Земля качнулась под ним!.. Он сделал несколько неуверенных шагов. Еще толчок... Второй!.. Землетрясение?

Андрей вскинул глаза к верхушкам елей и сосен. Они раскачивались, словно от ветра, хотя поверхность моря была зеркально-гладкой.

Тут только мой друг заметил, что стоит в каком-то странном, мертвом лесу, точнее — подлеске. Вокруг торчали голые, с обломанными ветками низенькие стволы, много деревьев полегло. На елях еще осталась часть хвои, но была она какого-то желтоватого, неживого цвета.

Пожар прошел здесь? Или то был бурелом?..

Андрея сердито потянули за рукав. Он оглянулся. Рядом стоял пионер с озабоченным лицом.

— Я же кричал: остров, остров! — говорил он быстро. — А вы бежали за русаком, не послушались... Руками русака хотели поймать или как?

— Какой остров?

— Да пловучий же остров! Сами разве не видите?

Андрей осмотрелся с изумлением. Пригорок, на котором они только что стояли, медленно удалялся. Между мертвым лесом и полем пшеницы сверкнула полоска воды. Она делалась все шире и шире.

Андрей инстинктивно рванулся назад, к удалявшемуся берегу.

— Э, нет, дядя, лучше стойте на месте! — строго сказал пионер и придержал Андрея за рукав. — Тут такие окна бывают в земле, вроде проруби, туда провалишься — и под воду...

Оказалось, что мертвый лес, в котором они находились, еще неделю или две, а может быть, и месяц назад был дном нового, Рыбинского моря.

При затоплении междуречья Молога–Шексна закрыто было много торфяников. Спустя некоторое время они начали всплывать на поверхность с оставшимися на них, повалившимися, как после бури, кустами и деревьями, а также торчавшими из-под толстого слоя черной земли корнями. Площадь некоторых пловучих островов достигает десяти, даже пятнадцати гектаров. Ветер носит их по морю, прибывает к берегу. Вначале прибрежные жители, особенно бабы и девчонки, пугались, когда из воды внезапно появлялись голые деревья, опутанные водорослями, как утопленники, но потом привыкли. Мало ли чудес совершается на Рыбинском море!..

Все это поморьинский пионер рассказал почти скороговоркой, то и дело осматриваясь по сторонам.

В начале Андрей решил, что его спутник воображает себя капитаном корабля, которому ветки деревьев заменяют паруса. Однако выяснилось, что пионер озабочен безопасностью его, Андрея.

— Не бойсь, бойсь, — приговаривал он, заметив, что Андрей смотрит на него, и считая, по-видимому, что приезжий боится утонуть. — Нас скоро ветер к берегу прибьет. Я здешний ветер хорошо знаю... А коли и не прибьет, — добавил он после некоторого раздумья, — так поморьинские рыбаки снимут. Они вон за тем мыском сети ставят...

Путешествие на торфянике, всплывшем со дна, было непродолжительно и обошлось без неприятностей. Минут через сорок пловучий остров, обогнув мысок, остановился у берега, в двух или в двух с половиной километрах расстояния от Большого Поморья.

Когда-то оно называлось Поречьем, потому что стояло на берегу реки Мологи. В те времена деревня насчитывала не более двух десятков изб. Если придерживаться старой терминологии, это даже была не деревня, а посад. Здесь не было обязательной принадлежности деревни — улиц. Все избы выстроились в один ряд.

И вот из Весеьгонска приехали строители и трактористы.

— Подхватили тракторы нашу деревню — и в поле, — с восторгом рассказывал спутник Андрея. — Оглянуться не успели — уже на новом месте живем! И сады возле изб, и деревянные тротуары настилают...

Тогда, по словам пионера, переселили сюда крестьян из ближайших деревень, предназначенных к сносу в связи с затоплением: из Голодаевки, Комашни и Мокрого лога. Население Поморья (Поречья то ж) сразу утроилось. Деревню стали именовать не просто Поморьем, а Большим Поморьем.

Во всем чувствовалась особая красота — зажиточности и порядка. Общественные постройки сведены были в одно место. Возле каждого дома зеленел сад. Вдоль улиц проложены были аккуратные деревянные тротуары.

И эта работа была выполнена Лизой на совесть.

У самой воды рыбаки тянули сеть, в которой сверкали серебряные блески. Под вечер рыба, видно, шла хорошо. Пионер, озабоченно поправив галстук, зашагал к рыбакам по высокой траве.

— Вот вам квитанция, Филипп Лукич, — сказал он. — Утром, как вы сказали, так и отправил... А это вот со мной... Приезжий гражданин из Москвы...

Андрей поспешил объяснить цель своего прихода.

Оказалось, что Лизаветы Гавриловны, (лица, по-видимому, очень уважаемого), нет в Поморье: сегодня утром отбыла на колхозном грузовике в Переборы. А дед ее действительно проживает в колхозе.

— Деда вам представим. Это у нас мигом, — бодро сказал председатель колхоза.

— Ну хоть бы деда, — растерянно ответил Андрей, думая про себя, что дед ему решительно ни к чему.

Присев на одну из перевернутых лодок, Андрей угостил хозяев московскими сигаретами. Покурили, разговорились.

Выяснилось, что рыба ловится в этот год не в пример лучше, чем раньше.

— Пудами брали, теперь тоннами берем, сотнями тонн, — сказал один из колхозников.

— А почему? — подхватил председатель. — Надо объяснить товарищу. Он приезжий, может не знать... Тут, дорогой товарищ, причина та, что в прошедшие времена рыба уходила метать икру вверх по реке. Искала заводей, проток. Рыболовам это было не с руки. А сейчас рыбе у нас приволье. Мечи икру, где тебе желательно. Места хорошие, тихие, солнцем прогреваются до дна...

Он так убедительно разъяснял преимущества морского простора, что если рыба в окрестных реках могла слышать его, то, наверное, сразу же косяками пошла в гостеприимное Рыбинское море.

— Уже шестой консервный завод на берегу ставят, — сообщил кто-то из колхозников. — Скоро наша рыбка в бочках по всей России поплывет...

— Хлеб, значит, не сеете вовсе? — рассеянно спросил Андрей, думая о том, что вряд ли застанет Лизу в Переборах, если отправится туда за нею.

— Хлеб? Да что вы! — Председатель от удивления даже привстал с перевернутой лодки.

Но тут явился дед — при часах и в праздничном новом пиджаке.

Хотя прошло лет двадцать, Андрей сразу же признал старика из Мокрого Лога, деревеньки на сваях, который разводил канареек на продажу “по всей Российской империи”. Он мало изменился, только побелел весь да глаза выцвели, стали водянистыми, как у младенца.

— Мы с вашей Лизой друзья, — сказал Андрей, здороваясь со стариком. — Помните, в гости приходили? Еще учитель был со мной. В очках и крылатки. О море говорил. Будет, мол, море в этих местах...

Дед ничего не ответил, недоверчиво приглядываясь к новому человеку.

— Старый старичок, — извиняющимся тоном заметил председатель. — Годов восемьдесят будет...

— И не восемьдесят, а семьдесят семь, — недовольно поправил дед, подсаживаясь к рыбакам.

Сосед принялся скручивать ему толстенную сигарку из самосада — сигарет дед не курил.

— Вы сказали про хлеб, — обратился председатель к Андрею. — Нет, неверно, глубокая ошибка. Наше Поморье — хлебное, не чета Поречью!

— Как так? Ведь ваш район под воду ушел. Сколько же у вас осталось земли?

— Хватит земли. Тут важно: чья и какая земля!.. Колхозная! Приморская!..

Поморьинцы оживились и заговорили, перебивая друг друга. Несколько минут только и слышалось вокруг Андрея: “полив”, “осадки”, “средняя годовая”, “киловатт в час”, “дешевые расценки”.

Андрей понял из объяснений, что колхоз электрифицирован и электроэнергия с гидростанции стоит гроши.

Он обратил внимание на то, что собеседники его часто употребляют выражение: “до моря”, “после моря”. Это, судя по всему, был рубеж в летоисчислении, важная отправная веха.

— Счет годам ведете от Рыбинского моря, от новой гидростанции? — пошутил Андрей.

— С Октябрьской революции ведем свой счет, — внушительно поправил председатель. Он обвел взглядом колхозников, сидевших на перевернутых лодках, усмехнулся. — Слышали такое глупое слово — “бобыль”? — повернулся он к Андрею.

— Как будто... что-то... — неуверенно начал Андрей припоминая.

— Ну, “бобыль” — значит “холостой”. А у нас так мужиков называли, которые земли не имели. Без земли — стало быть, вроде как холостой... Вот мы все, что нас видите, до советской власти в “бобылях числились”. Я плоты гонял, этот — в извозчиках был в Твери, дед — может знаете? — птичек для купеческой улады разводил...

Все посмотрели на деда.

— А почему он птичками занимался? — продолжал председатель. — Потому что барыня с земли его согнала. У нее своей небось десятин с тыщу было, да еще дедовых две-три десятинки понадобились. Водой затопила их.

— Она плотину ставила, — уточнил один из колхозников. — Мельница ей понадобилась.

— Вот и смыло нашего деда водой с земли.

— Непростая, слышно, барыня была, — лениво заметил кто-то. — Тройная!

— Как это — тройная?

— Три фамилии имела... Дед, а дед! Как ей фамилии-то были, обидчице твоей?

Обидчицу дед вспомнил сразу, будто проснулся.

— Эльстон! — громко и внятно, как на переключке, сказал он, подавшись всем туловищем вперед. Почему-то из трех фамилий назвал только одну — иностранную.

— А теперь он, гляди, какой, дед-то! — заключил председатель с удовольствием. — Его наше советское Рыбинское море с болота, со свай подняло и снова на твердую землю поставило...

Андрей почтительно посмотрел на старика, с которым произошли в жизни такие удивительные перемены: сначала “смыло” водой с плотины, поставленной “тройной барыней”, потом, спустя много лет, светлая волна, набежав, подняла с болота у Мокрого Лога и бережно опустила на здешний зеленый колхозный берег.

Бывший птицелов, видимо, был польщен оказанным вниманием. Выяснилось, что хотя он и не мог припомнить Андрея в лицо, но человека, говорившего о том, что синь-море само до него, деда, дойдет, помнил очень хорошо.

— Большая ему сила была дана, ох, большая! — сказал старый колхозник, качая головой. — Море мог угадывать!.. А на вид простой, ростом, как я. И разговор имел тоже простой, душевный... Я на свои ноги обижался, не надеялся до моря дойти, а он говорит: идти не надо, дедушка, ты живи до моря!.. Сам-то жив?

— Без вести пропал в Сибири.

— Жаль! Не дожил, значит, до моря...

Был тот спокойный вечерний час, когда в воздухе после жаркого дня, полного хлопот, разливался успокоительная прохлада.

Так тихо по вечерам бывает, кажется, только в июле в средней полосе России. Даже облака как бы в раздумье остановились над головой. Водная поверхность сверкает, как отполированная — ни морщинки, ни рябинки!

В зеркале вод отражаются неподвижные кучевые облака, задумчивый лесок, ярко-зеленая луговина и разбросанные по берегу колхозные постройки. Там темнеет круглая силосная башня, здесь раскинулся простой ток, а вдаль, на холмах, высятся столбы электропередачи — обычный фон современного сельского пейзажа.

— Море в полной точности предсказал, — продолжал бормотать дед, не сводя глаз с моря. — Ну, просто сказать: как в воду глядел...

— Ухи наварим. Поужинаете у нас, — говорил тем временем Андрею председатель. — Переночуете в комнате для приезжих, а утречком по холодку — в Переборы. От нас грузовик пойдет...

Андрей молча кивнул. В этот тихий вечерний час не хотелось разговаривать.

Пахло скошенной травой и сыростью от развешанных на кольях сетей.

За неподвижной грядой облаков заходило солнце. С величавой медлительностью менялась окраска Рыбинского моря. Со всех сторон обступили его тихие лиственные и хвойные леса, будто это была чаша зеленого стекла, налитая до краев. На глазах совершались в этой чаше волшебные превращения. Только что вода была нежно-голубого цвета, потом налилась густой синевой, и вдруг море стало ярко-пестрым, будто поднялись со дна и поплыли полосы, огненно-синия коловороты.

— Красивее нашего моря, считаю, нет и не может быть, — негромко сказал пионер, спутник Андрея.

— Красивее трудно сыскать, — подтвердил кто-то из колхозников, также негромко, будто боясь нарушить очарование вечера.

— А вот насчет “не может быть” не согласен, — сказал председатель откашлявшись. — Будут еще многие другие моря, и, должно быть, покрасивей нашего...

— Почему?

— Да уж потому. Порядок такой. Возьмем для примера легковые машины. Год от году их все лучше делают у нас. Теперь, говорят, какие-то обтекаемые выпускают... Ну, а наше Рыбинское — это море первого выпуска...

— Будут, значит, и второго, и третьего?

— А как же! Ты смекни: какая страна большая у нас! Шестая часть суши! И на весь Советский Союз внутренних морей — раз, два, да и обчелся... Считай: в пустыню, в Кара-Кумы куда-нибудь, надо море?

— Надо.

— Ну вот. А в поволжские засушливые степи?

— Туда, пожалуй, одного моря маловато. Парочку бы!

— Видишь, сколько новых требуется?.. А ты сказал: нет и не может быть!..

Слушая неторопливый разговор поморинцев, Андрей засмотрелся на море, лежавшее у его ног. Оно было такое тихое, спокойное, приветливое...

Сбоку, в редкие просветы между облаками, падали косые лучи солнца. Сияние их растекалось по воде. Целая вереница сверкающих пятен протянулась на восток, а самое дальнее из них, мерцая, сливалось с линией горизонта...

Утром, посоветовавшись с председателем, Андрей отказался от поездки в Переборы и вернулся пешком в Весьегонск. Он решил дожидаться Лизу в Весьегонске.

Четыре дня подряд слонялся мой друг по зеленым тихим улицам. Город был очень милый, уютный, но ничем не напоминал тот Весьегонск, в котором Андрей родился и провел детство. Никто не узнавал Андрея, и он никого не узнавал. В конце концов ему стало просто скучно в незнакомом городе.

Каждое утро он приходил, как на службу, в контору строительного участка и перебрасывался несколькими фразами с кудрявой машинисткой, которая принимала в нем участие. Обычно свое “Лизаветы Гавриловны нет, задерживается Лизавета Гавриловна” она произносила очень грустным голосом и смотрела на Андрея так, что ему становилось немного легче.

Но и она не могла долго беседовать с Андреем — контора переезжала на другую стройку и сейчас напоминала улей во время роения. Пробежали мимо озабоченные чертежницы, задевая Андрея свитками карт и рейсшинами. Яростно шелкали на счетах бухгалтеры, “подбивая” итоги. Кто-то за тонкой фанерной перегородкой диктовал простуженным голосом: “С нижней террасы перевезено три тысячи двести семнадцать жилых домов. Написали?.. Газонов разбито...”

Однажды, протискиваясь к выходу, мой друг споткнулся о человека, который сидел на корточках у высокой пачки писчей бумаги и хлопотливо пересчитывал листы, то и дело слюнявя пальцы. Видна была только лысына внушительных размеров, розовая, почти излучавшая сияние.

— Федор Матвевич! — окликнули его из-за столов. — Дайте людям пройти! Весь проход загородили пачками своими.

Человек, сидевший на корточках, обернулся. Что-то странное было в этом одутловатом, бритом актерском лице. Казалось, не хватает обычного грима: накладных усов и бороды.

Выпученными рачьими глазами со склеротическими прожилками он скользнул по Андрею.

— Ах, виноват, виноват, — вежливо сказал он. — Пожалуйста!

Он посторонился и нагнулся над бумагой, снова показав Андрею свою лысину.

Где-то Андрей уже видел эту лысину. Знакомая лысина! Забавно!.. Где же он ее видел?

Он потоптался в раздумье у порога, напрягая память, но так и не вспомнил.

Мысли были заняты другим. Сегодня пятый день его сидения в Вёсьегонске, а Лизы нет как нет! Не махнула ли она из Переборов прямо в Москву?

Это было не очень забавно. Просто глупо. Он поджидает ее здесь, пятый день гуляет взад и вперед по Вёсьегонску, тогда как в этот момент в Москве, возможно, решается судьба экспедиции, дело всей его жизни! Все ли там в порядке? Справляются ли без него Леша и Степан Иванович? Не выкинул ли новый фортель Союшкин?

Беспокойство все сильнее овладевало моим другом.

Машинально он шел по улицам, пока не очутился перед зданием порта. Ноги сами принесли его сюда.

Он справился в кассе о ближайшем пассажирском пароходе. Ага, ожидается через полчаса! Очень хорошо! Один билет до Москвы, будьте добры!

Итак, с вёсьегонским сидением покончено. Завтра он в Москве!

Неторопливо шагая, совершил Андрей свой последний прощальный круг по городу. Спешить было некуда. Он рассчитал время так, чтобы по пути на пристань заглянуть в контору — попрощаться с приветливой машинисткой.

На этот раз та встретила его необычно. Она улыбалась, кивала, трясла своими веселыми кудряшками.

— Приехала! — сообщила она радостным шепотом. — Дождались. Вот!

Действительно, посреди комнаты, окруженная сослуживцами, стояла Лиза. На ней был просторный пыльник с откинутым капюшоном — не успела снять. Голова с задорной челкой быстро поворачивалась из стороны в сторону. Лизу одолевали расспросами, тянулись к ней через столы, подсовывали на просмотр и на подпись какие-то бумажки.

Встреча с Андреем не удалась. Разговор произошел почти на ходу, в скачущем телефонно-телеграфном стиле.

— О! Андрей! Ты приехал?.. Здравствуй, здравствуй! — сказала Лиза. — Извини, что так сложилось. Вызвали, понимаешь, на трассу. Ты давно в Вёсьегонске? Да что ты говоришь!.. Но ты все видел в Вёсьегонске? Все, все? И новую школу, и цветники, и обрыв? Ну как? Какое у тебя впечатление?.. Приятно слышать. Я рада, что понравилось. Жаль, Леша не видал. Я к вечеру освобожусь. Андрей, — покажу тебе город еще раз... Почему? О! Уезжаешь? Нет, честное слово, мне очень жаль... Хотя на следующей неделе я тоже в Москву. Мы переезжаем, ты знаешь?.. А что нового с экспедицией? Леша ничего не писал?..

Впрочем, можно ли говорить более связно, когда над ухом тарахтит телефон и сотрудники, стоящие вокруг, осуждающе смотрят на Андрея. (“Как не стыдно такими пустяками отвлекать?”)

— Ты мне что-то хотел сказать? — догадалась наконец Лиза. — Что-нибудь важное? Отойдем в сторону.

Они отошли к окну, но тут Лизу настиг владелец лысины, которую Андрей видел где-то, но так и не смог припомнить где. Суетливо шаркая подошвами, он приблизился, одернув на себе толстовку, до предела вытянув тощую, жилистую шею.

— Кнопочки я купил, Лизавета Гавриловна, — сказал он конфиденциальным тоном. — Вы давали указание насчет кнопочек...

Тьфу ты пропасть! Нигде не дают поговорить!

С моря донесся протяжный низкий звук. То пассажирский пароход, весь белый от ватерлинии до верхушек труб, подходил к пристани.

— Не опоздаешь, Андрей?

— Да, да! Я побежал, — спохватился Андрей. — Договорим в Москве...

Только на пароходе он припомнил, где и когда видел служаку, заведовавшего писчей бумагой и кнопками. В те времена, правда, толстое брюхо его, выпиравшее из-под легонького, франтовской расцветки пиджака, перетягивала цепочка от часов. Румяное и полное лицо было украшено подвитыми усами и бородой, заботливо расчесанной на две половины, “на отлет”. Но лысина была та же. Лысина осталась без изменений.

Секретарь земской управы, враг Петра Ариановича, дядюшка Леша — вот кто это был!

Бывшая “душа общества”. Или, может, правильнее сказать — душа бывшего общества?..

Глава десятая
ВЕСТЬ ОТ ПЕТРА АРИАНОВИЧА

— Не пойму все-таки, почему ты не остался, — сказал я, выслушав Андрея. — Билет было жалко, что ли?

— Не очень просили, потому и не остался! — сердито буркнул мой друг. — А кроме того, хватит, отдохнул уже. Сам знаешь: дел полно...

— Ну, даже если и так! Чего же злиться-то? Прокатился в Весеьгонск, встряхнулся, новое море повидал... Я тебе завидую, честное слово! А с Лизой объяснишься в Москве. Ведь говорила, что приедет на днях...

— При чем тут Лиза? — сказал Андрей. — Заладил: Лиза, Лиза!.. Меня последняя встреча разозлила. С дядюшкой этим.

— Почему? Наоборот, хорошо, что ему не дали пойти на дно со старым Весеьгонском. Даже такой моллюск со своими копирками и кнопками принял посильное участие в создании моря, в передвижке города вверх по горе, на новое место...

— Вот-вот! О передвижке и говорю. Знаешь, о чем я думал все время, пока ехал в Москву?

— Ну?

— О последней ссоре твоего дядюшки с Петром Ариановичем. В Летнем саду, в бильярдной. Помнишь, дядюшка тогда кричал: “Скорей Весеьгонск...”

А! Я понял со второго слова. “Скорей Весеьгонск с места сойдет, чем ты свои острова найдешь!” — в запальчивости крикнул дядюшка.

Он искал сравнение покрепче, что-нибудь очевидное, разумеющееся само собой, ясное любому глупцу, разумеющееся само собой. И такое сравнение нашлось! “Скорей Весеьгонск с места сойдет...”

Но вот Весеьгонск сдвинули с места. То, что раньше казалось неподвижно-устойчивым, незыблемо-прочным, неожиданно пришло в движение. Город, простоявший много лет в низине у реки, кряхтя, вскарабкался на гору. Море заколыхалось там, где недавно чернели приземистые избенки. А острова в Восточно-Сибирском море еще не найдены...

Да, Андрей прав! Жизнь торопила, подталкивала нас.

Всю ночь прошагал мой друг взад и вперед по нашей узкой, длинной комнате, стараясь ступать на носки. Зная, что я не могу заснуть, когда горит свет, он с неуклюжей заботливостью загородил от меня абажур газетками, оставив только конусообразный луч, падавший на стол.

Но все же я не спал.

Сцена в бильярдной ожила передо мной. С сухим щелканьем сталкивались и разлетались шары. Надскакивали от хохота “Рыцари Веселой Утробы”, теснясь у стены. А посреди комнаты стоял дядюшка — не та тощая бритая личность, которую видел Андрей в новом Весеьгонске, а полный, румяный весельчак с бородой, расчесанной “на отлег”. Одну руку он устремлял вперед с видом пророка, другой судорожно цеплялся за спасительный бильярд.

“Скорей Весеьгонск с места сойдет, — повторял он, — чем ты свои острова найдешь!..”

Я задремал лишь под утро. Однако в семь часов Андрей разбудил меня.

— Знаешь, я виноват перед тобой, — сказал он, садясь на мою кровать. — Я ошибся.

— Ну-ну, — пробормотал я зевая. — Ради этого не стоило будить меня... А когда ты ошибся?

— На зимовке. На мысе Челюскин. Я не придавал значения твоим опреснителям. Я отмахнулся от них.

Это становилось интересным. Не часто приходилось видеть моего друга в таком покаянном настроении.

Я сел на кровати.

— Так! Слушаю тебя.

— Возможно, что твои опреснители пригодятся.

— Что ты говоришь? Мне самому казалось...

— Погоди-ка. Знаешь, что надоумило меня?

— Что же?

— Шланги.

— Какие шланги?

— Сначала те, что были на пароходе, которым я ехал из Весеьгонска, потом другие. Помнишь, советские моряки отогревали шланги подо льдом?..

— В Гольфстриме?

— Вспомнил?.. Да, в Гольфстриме... Я прочту тебе выдержку. Лучше не расскажешь, чем сам капитан “Седова”¹...

Андрей быстро схватил со стола толстую книгу и, полистав, нашел нужную страницу.

Там рассказывалось о том, как капитан “Седова” Бадигин использовал теплые воды Гольфстрима для того, чтобы отогреть замерзшие шланги.

---

¹ Автор вынужден здесь, так же как и в некоторых других местах, допустить анахронизм: знаменитый дрейф “Седова” начался позже описываемых в повести событий.

“Развешанные... на палубе для просушки, эти шланги были захвачены внезапно наступившим морозом и превратились в подобие камня, — писал он. — Внести их в теплое помещение нельзя было — замерзшие шланги не прошли бы ни в одну дверь. Но разморозить их надо было во что бы то ни стало: они могли нам потребоваться в любой день и час для откачки воды во время аварии, для наполнения котлов и т.д.

Путем несложных подсчетов я определил, что шланги можно привести в нормальный вид, если опустить их в относительно теплые воды Гольфстрима, которая спрятана в толще океана.

Люди недоверчиво отнеслись к этой затее, им казалось невероятным, чтобы шланги могли оттаять подо льдом, в пучине океана. Но приказ есть приказ. Его выполнили быстро и четко. Шланги были опущены более чем на сто метров под воду, попали в струю Гольфстрима с положительной температурой и оттаяли. Некоторое время спустя, готовясь к выходу из дрейфа, мы уже пользовались ими”.

Андрей захлопнул книгу и взглянул на меня:

— Каково?

— Да, здорово. Настоящая русская смекалка!

— Мало того, что смекалка, — еще и широкий кругозор! И смелость, дерзание! Приспособили Гольфстрим для выполнения самых будничных корабельных задач!.. Ну, я и вспомнил об этом, когда ехал из Везьегонска. Сiju себе, понимаешь, на корме, а мысли все об Арктике, о наших островах. В ногах пароводные шланги лежат. Смотрю на них, и те знаменитые, седовские, вспомнились... Позвольте, думаю, мы могли бы тоже разморозить шланги. К северу от Восточно-Сибирского моря на сравнительно небольшой глубине проходят теплые воды. Вот если бы не опускать в теплый слой воды шлангов, а сам этот слой поднять, прогреть им льды...

— Понял! — Я вскочил с кровати с кровати и в волнении забежал по комнате. — Надо вызвать выпадение солей в теплом слое, чтобы он сделался более легким, поднялся наверх и растопил пловучие льды...

— Не увлекайся, — остановил меня Андрей. — Растопил — это сильно сказано. Пусть бы хоть немного размягчил их, помог продвижению нашего ледокола. Понимаешь, пловучие льды надо зажать в клещи: сверху — лучи летнего солнца, снизу — слой воды с положительной температурой. Мы только поможем солнечным лучам... Вот погляди-ка. Ночью я набросал нечто вроде расчета. Конечно, пока еще грубо, приближенно...

Он положил на одеяло несколько исписанных листков.

Все утро и часть дня мы просидели над расчетами. Решение задачи зависело теперь от химиков. Сумеют ли они найти вещество, которое было бы способно вызвать активное выпадение солей из морской воды?..

А вечером позвонила Лиза. Она приехала в Москву и приглашала в гости.

Обсуждение нового способа борьбы со льдами мы перенесли в уютную Лизину комнату.

Не прошло и получаса, как вдруг в прихожей раздалось шарканье подошв. Кто-то старательно, даже с рвением вытирал ноги о половичок.

Я переглянулся с Андреем. Гость, видимо, уже не раз бывал здесь, если так хорошо знал пристрастие нашей Лизы к порядку и чистоте.

Он переступил через порог.

Молодой. Моложе нас с Андреем. Лицо добродушное, круглое, розовое. Косматое бобриковое пальто. Брючки с пузырями на коленях.

Пока новый гость снимал пальто, хозяйка отрекомендовала его как брата подруги.

Я испытующе посмотрел на Лизу. Она держалась с братом подруги ровно, как с нами. Зато брат, войдя в комнату, сразу же начал улыбаться. Непонятно, почему у него сделалось вдруг хорошее настроение.

— Вы всегда такой веселый? — спросил я подозрительно.

— То есть? Не понял...

— Ну, жизнерадостный, что ли.

— А!.. Нет. Главным образом по вечерам, в гостях.

С улыбкой, еще более широкой, он посмотрел на нашу хозяйку, но та, поджав губы, сосредоточенно заваривала чай.

Оказалось, что молодой человек, готовится стать музейным работником.

— Как — музейным? — удивился я. — В наше время — музейным?.. Старые черепки собирать... Ну и профессия — спец по черепкам!

Молодой человек спокойно улыбался. Он поудобнее усаживался в кресле — это было мое любимое кресло, я просто не успел еще сесть в него, — потом по-хозяйски сдвинул со стола стопку книг, принесенную Андреем. Каково?..

— Ну, как твои дела, Андрей? — спросил я, когда мы вышли в коридор покурить.

Он прекрасно понял, о каких делах я спрашиваю, потому что пожал плечами и сказал, глядя в сторону:

— О, прекрасно! Ты же видишь...

— Еще бы!

— Хоть бы не улыбался так часто! — пожаловался Андрей, как всегда угадывая мои мысли.

— Мне за тебя обидно, — сказал я, подавив вздох. — Что она нашла в нем? Музейный работник, больше ничего...

Проведя несколько зимовок в Арктике и готовясь снова отправиться туда, мы считали себя вправе смотреть на скромного музейного работника свысока. Это было, конечно, ребяческим самомнением, проявлением смешной ограниченности, в которой нам в тот же вечер пришлось раскаяться.

За чаем выяснилось, что Савчук — фамилия брата подруги была Савчук — понимает кое-что и в нашей романтической профессии.

— При изучении истории географических открытий, — сказал он, — много дает, например, лингвистика. Проанализируйте слово “Сибирь”. Искажённое “сивер”, то есть “север”. Или вот еще — “Грумант”. Почему русские называли так Шпицберген? “Грумант” сходно по звучанию с “Грюнланд”. Но Грюнланд — это Гренландия. Дошли, как видите, до корня. А корень вон где — в четырнадцатом веке!.. Выходит, русские принимали Шпицберген за Гренландию.

— Интересно...

Но дальше было еще интереснее.

Оказалось, что Савчук только что вернулся из командировки в Сибирь.

— Собираю там материалы для Музея Революции, — пояснил Савчук. — По теме “Роль большевико-ссыльнопоселенцев в изучении и освоении Сибири”.

— Ссыльнопоселенцев?

— Ну да. Ведь это был цвет тогдашней России. Передовые люди, привыкшие к напряженной умственной деятельности! Некоторые, как мне удалось установить, занимались в ссылке этнографией, геологией, метеорологией... Да вот недалеко ходить за примером. В Океанске один ссыльный занимался изучением вечной мерзлоты.

— Бывали разве в Океанске?

— Да... И по всему видно, замечательный был человек. Твердой воли, кипучей энергии! Мне показывали метеорологические приборы, сломанные им самим. В прошлом, кажется, был студент-географ или учитель географии. У меня записано...

Он стал вытаскивать из кармана какие-то бумажки и близоруко щуриться на них, но я нетерпеливо прервал это занятие:

— Ветлугин — фамилия?

— Ветлугин П.А. Да, правильно... — Савчук удивленно посмотрел на меня.

Андрей встал и в волнении заходил по комнате. Лиза сказала с упреком:

— И ни словечка не написал! Бог знает о чем писал, а о важном...

— Лизочка! Разве я знал, что это вас интересует!

— Ну, что же вы замолчали? Рассказывайте дальше!

К сожалению, записи, которые Петр Арианович вел в Океанске, не сохранились.

С большой настойчивостью и терпением Савчук поднял один за другим сибирские архивы, но ничего не нашел в них, кроме нескольких скудных строчек. Это была просьба ссыльного поселенца П.Ветлугина разрешить ему выписку книг (список прилагался), необходимых для научных занятий. Книги, по-видимому, не были выписаны, потому что резолюция, перечеркивавшая просьбу, гласила: “Не желает ли П.А.Ветлугин повторить акмолинский инцидент?”

Из этого можно заключить, что до Сибири Петр Арианович успел побывать на поселении в Акмолинске, где с ним произошел какой-то инцидент, и что по-прежнему, несмотря на гонения, интересовался наукой.

Оставил ли он мысль об островах в Восточно-Сибирском море?

Нет. Савчук слышал об островах от начальника местного порта Овчаренко. В молодости он был сослан на поселение в Океанск, когда тот еще назывался деревней Последней. Спустя несколько лет после Великой Октябрьской социалистической революции Овчаренко вернулся сюда, чтобы строить и укреплять советскую власть на Крайнем Севере.

С Ветлугиным они познакомились и подружились в ссылке году в 1915-м или 1916-м.

Петр Арианович считал, что сумеет завершить свое открытие лишь после революции, наступления которой ждал со дня на день. По его словам, природа островов стала ему окончательно ясна только здесь, на Крайнем Севере, и почему-то это поселило в нем тревогу. Что-то угрожало островам!

“Спешить надо, спешить! — нетерпеливо говорил Ветлугин, глядя, как ходят-качаются над головой радужные столбы северного сияния. — Спешить, чтобы застать!..”

Савчук беседовал с Овчаренко очень долго, стараясь восстановить в памяти все, что касалось последних месяцев жизни Петра Ариановича.

Когда Овчаренко и Ветлугина привезли в Последнюю, им показалось, что время остановилось здесь.

Старорусские обычаи и обряды еще сохранились в этой маленькой деревеньке за Полярным кругом. Вышивка на каком-нибудь полотне повторяла узоры владимирско-суздальской Руси. На пирушках пелись величальные, подблюдные и жалобные, протяжные, каких не найти, наверное, даже в специальных сборниках песен XVII века.

Особенно запомнился Овчаренко заповедь про горе-злосчастье, от которого не укрыться людям ни в чистом поле, ни в лесах темных, ни в окиан-море.

Песня имела прямое отношение к жителям Последней, так как это были потомки крестьян, бежавших на север от помещичьего гнета еще при царе Алексее Михайловиче.

Нелегко пришлось им тут. Но с упорством, терпением и мужеством боролись они со своим горем-злосчастьем, переламявали, переупрямливали его.

Именно в такой вот деревеньке жил, наверное, отважный кормщик Веденей “со товарищи”. Может быть, даже происходил отсюда, из Последней, и много лет назад, помолясь богу и простившись с домочадцами, отвалил на своем коче от пологих здешних берегов, “чтобы новые неизвестные земли проводить и идти”.

С обостренным вниманием и симпатией всматривался Петр Арианович в лица окружавших его крестьян, жителей Последней, теша себя безобидной иллюзией — стараясь угадать в них потомков достопочтенного Веденей.

Еще раз — и в такой необычной обстановке — наблюдал Петр Арианович удивительную жизненную силу русского человека, который умеет примениться к любым, самым суровым, условиям жизни, не теряя при этом исконных качеств русского характера.

Все в деревне было безлошадными. На севере лошади ни к чему. Рыба кормила русских за Полярным кругом. Зимой жители Последней опускали сети под лед, прорубая ледяную толщу в два-три метра. Весной, с появлением “заберег” (протаявший лед у берега), начинали неводить.

Во время летней неводьбы деревня пустела. И стар и мал переселялись в летники, выстроенные на берегу океана.

Кроме того, в Последней промышляли песца, ладили и осматривали сложенные из бревен ловушки, называемые по-северному “пасти”.

Топливо доставляла с юга река. (Вокруг не росло ни одного, даже самого маленького деревца). Все лето, не разгибаясь, собирало население деревни плавник на берегу или вылавливало его баграми из воды. На толстых стволах появлялись зарубки: кресты, зигзаги, “галочки”, — владелец ставил свою “примету”.

Требовалось очень много дров, потому что зимы были свирепы, особенно когда задувало с океана. Снег засыпал избы по крышу, приходилось откапываться, как после обвала.

Печален был здешний пейзаж. Куда ни кинь глазом — белым-бело: океан, суша — все сливалось. Тоскливо делалось при мысли о том, что пустыня тянется на сотни километров.

Труд был единственным средством против тоски. Надо было работать, работать: собирать плавник, жить с новыми хозяевами их напряженной, беспокойной жизнью.

Петр Арианович и Овчаренко хорошо понимали это.

— Через месяц, — вспоминал Овчаренко с улыбкой, — мы с Петрусем пропахли рыбой насквозь...

Помимо рыбной ловли, ссыльные занимались также охотой. Мало того. На Севере Овчаренко стал к наковальне — кузнечные поделки были здесь кстати. Петр Арианович с увлечением “подсоблял” товарищу.

Видимо, совместное пребывание с Овчаренко очень много дало Петру Ариановичу. Он отличался юношеской впечатлительностью и восприимчивостью, хотя возраст его подходил к тридцати. Думаю, что в политике Овчаренко стал для Петра Ариановича тем, кем был для него в науке академик Афанасьев.

Могло ли быть иначе?

Петр Арианович был арестован и выслан чуть ли не через два-три месяца после того, как сблизился с большевистским подпольем. В революционном движении был новичком и на Овчаренко смотрел с благоговением, снизу вверх.

Овчаренко и разжег Петра Ариановича мыслью о побеге.

Всю зиму 1915/16 года, а затем весну и лето 1916-го ссыльные жили нетерпеливым ожиданием. Вести о том, что происходит в России, доходили до Последней, правда с запозданием, путанные, искаженные. Петр Арианович, может быть, не разобрался бы в них. Но Овчаренко издали чуял приближение бури, понял, что назревает революция.

Поэтому он так торопил Петра Ариановича с побегом. Нельзя было мешкать, выжидать. Место их было в бою, в крупных промышленных центрах России, где готовилась решительная схватка!

Тогда-то и встретился ссыльным американец Гивенс, авантюрист и бутлегер¹...

С конца прошлого века американцы шныряли у берегов Сибири, стремясь прибрать ее к рукам. Один за другим проникали сюда через Берингов пролив предприимчивые китобои, золотоискатели, торгаша. Гивенс был торгашом.

Жителям Последней он объяснил, что шхуну его пригнала к берегу буря. Впоследствии оказалось: пригнала жадность.

Гивенсу было известно, что русское правительство запрещает продажу спиртных напитков на Крайнем Севере, стремясь воспрепятствовать вырождению коренного населения. Это было на руку янки. Он мог стать монополистом, мог дьявольски разбогатеть на бутлегерстве — контрабандной продаже спиртного. Постоянно был перед глазами раздражающий пример Астора, который нажил миллиарды, спаивая индейские племена прерий во второй половине XIX века.

Гивенс бросил якорь у Соленого Носа. Так назывался мыс в семи верстах от Последней, где пресные воды реки сталкивались с соленой водой моря. Туда потянулись вереницы нартов. Обмен был выгодным для янки. За бутылку плохого, разбавленного водой виски ловкий бутлегер брал по две шкурки соболя или десяток песцов. Стоимость подержанного карабина измерялась еще проще: нужно было уложить шкурки одна на другую так, чтобы стоймя поставленный карабин достигал верхней из них.

В это время Овчаренко и сладился с ним.

---

¹ Бутлегер — спиртонос, торговец контрабандными спиртными напитками.

Гивенс собирался подняться по реке, чтобы поторговать еще и в тайге. Решено было, что он заберет ссыльных на обратном пути. В Петропавловске беглецы будут отсиживаться в трюме среди пустых бочек и ящиков с пушниной, а с корабля сойдут где-нибудь в Нагасаки или в Сан-Франциско.

Поначалу янки заломил непомерную цену. Но Овчаренко был парень не промах. Поторговавшись, сошлись на полусотне шкурок. Именно столько добыли ссыльные за зиму. Плату они доставили на корабль сразу же, чтобы быть при побеге налегке.

Гивенс ушел вверх по реке.

Миновал июль. Миновал и август. Сентябрь подходил к концу. Долгожданная шхуна не появлялась.

Снег в этом году выпал довольно рано. Ссыльные то и дело с тревогой поглядывали на лед у берега. Неужели побег сорвется? Неужели помешает ледовая обстановка?

Маленькие друзья их, деревенские ребяташки, знавшие, что Овчаренко и Петра Ариановича интересует приход американца, день-деньской дежурили на крыше. И вот однажды вечером запыхавшийся гонец в сбитой набок отцовской шапке примчался со всех ног в избу, где жили ссыльные.

— Пришел! — закричал он с порога. — Кинул якорь у Соленого Носа!

За добрую весть Петр Арианович подарил ему кусок сахара. Овчаренко кинулся увязывать вещи.

Но не прошло и четверти часа, как в избу ввалились новые гости, три казака. Оказалось, что ссыльных приказано воротить в Энск, уездный город, стоявший выше по реке.

— Не отлучаться никуда: ни на охоту, ни рыбу ловить, — строго объявил бородач — старшой. — Зимник установится, господа ссыльные, — по первопутку вас и повезем.

Приезжие отправились ночевать к куму, в другую избу, а Овчаренко и Петр Арианович остались одни.

Что же произошло? Янки обманул их, предал, скриводушничал?

Впоследствии Овчаренко дознался правды. Подозрение было справедливым. Гивенс рассудил так. Шкурки уже получены, с ссыльных взять больше нечего. Зато, сообщив исправнику о готовящемся побеге, он может получить выгоду в торговле — в будущем, 1917 году администрация предоставит ему преимущества по сравнению с другими иностранными купцами.

Это была как бы взятка натурой.

Однако все раскрылось лишь впоследствии. А накануне побега Овчаренко и Петр Арианович рассуждали и действовали сгоряча. Очень хотелось думать, что совпадения случайны и янки верен уговору.

Перед рассветом беглецы со всеми предосторожностями выбрались из деревни.

Они почти дошли до условленного места.

До Соленого Мыса было совсем близко. На посветлевшем небе за прибрежными скалами четко зачернели мачты шхуны.

Вдруг Овчаренко схватил Ветлугина за плечо:

— Погоня!

В тундре даже на рассвете видно очень далеко. Оглянувшись, Петр Арианович различил над холмами три раскачивающихся силуэта...

Савчук рассказывал обо всем этом неторопливо и обстоятельно, пожалуй слишком бесстрастно, как мне казалось.

Мы трое обратились в слух, стараясь не проронить ни слова. Лиза забилась куда-то в угол между этажеркой и большим глобусом. Я как стоял посреди комнаты, так и остался стоять — боялся, что скрипнут половицы. Андрей сидел на диване, прикрыв глаза ладонью, заслонившись от света лампы. Может быть, он так же, как я, рисовал в своем воображении картину гибели нашего учителя, с тавил себя на его место?

...Поклажа сброшена с плеч. С шорохом летит снег по льду залива.

— Что за черт! — сердито говорит Овчаренко. — Почему Гивенс стал далеко? Придется бежать по льду.

— А выдержит лед?

— Эх, была не была!..

Между шхуной и берегом протянулась широкая полоса берегового припая. Дальше, за шхуной, темнеет чистая вода.

Порывистый ветер рвет на беглецах одежду.

Вразнобой хлоппали выстрелы.

— Скорей!

Первым шагнул на лед Петр Арианович и побежал, покачиваясь, размахивая руками. Следом двинулся его товарищ.

До шхуны шагов сто, полтора. На палубу высыпала вся команда. Слышны выкрики, смех. Может быть, там заключают пари: добегут русские или не добегут? Сам Гивенс в шубе, волчьим мехом наружу, облокотившись на поручни, неподвижно стоит, наблюдая за усилиями беглецов.

И вдруг — зловещий треск! По льду пробежал зигзаг. Овчаренко успел отскочить. Петр Арианович замешкался.

Это обломился край припая. Большая льдина, на которой остался Петр Арианович, медленно уплывает.

Казаки добежали до Овчаренко, окружили, крутят назад руки. Вдруг подняли головы. Загрохотала выби- раемая якорная цепь. Гивенс снимается с якоря!

— Глянь, эй! — кричат они. — Уходит! Мери- канец уходит!..

Но что пользы кричать Петру Ариановичу? У него нет ни весла, ни багра. Он не может управлять льдиной, не может пристать к берегу. Покачиваясь на волнах, льдина уплывала все дальше и дальше.

Стрельба смолкла.

Оставшиеся на берегу смотрят, как, заваливаясь на корму, разворачивается американская шхуна. Затем она уходит на запад, исчезая навсегда из русских территориальных вод.

Овчаренко не вырывается уже из рук казаков. Неподвижно стоит между ними. В свалке с него сшибли шапку, разорвали ворот.

— Ветлу-гин! — кричит он. — Петро!..

С моря несется слабое, как эхо:

— Проща-ай... дру-уг!..

Льдину с Петром Ариановичем толкает, кружит, несет в открытое море.

Бородач-старшой торопливо крестится:

— Помяни, господи, раба твоего!..

Серое с белым море. Серое с белым небо. Линия горизонта стерлась между ними. Бездна...

Савчук кончил свой рассказ.

В комнате царило молчание. Только Лиза тихонько плакала, стоя спиной к нам у этажерки с книгами.

Мы с Андреем ушли почти сразу же, подавленные, ошеломленные.

Не хотелось говорить. Молчали, переходя площадь. Молчали в трамвае. Лишь поднимаясь за мной на четвертый этаж, на нашу “верхотуру”, Андрей остановился посреди лестницы и сказал:

— Но что он хотел сказать этим: “спешить, чтобы застать”? Понимаешь, Петр Арианович как бы подгоняет нас!

— “Спешить, чтобы застать”! — повторил я, как эхо. — Застать!.. Неужели можно прийти на место, где указаны острова, и не застать, не найти их?..

Еще на лестничной площадке мы слышали, что телефон в коридоре трезвонит вовсю.

Андрей обругал соседей:

— Леня по дойти им, что ли? Или спать уже?

— Подойди ты, Андрей, — попросил я, открывая дверь ключом. — Не хочется разговаривать...

— А мне хочется? — сердито бросил он, но трубку снял.

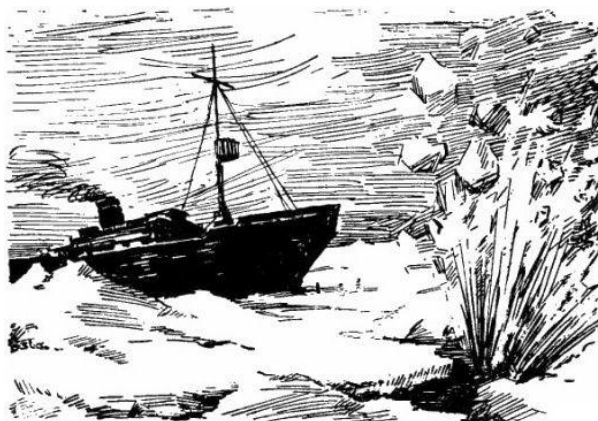
— Звонков слушает... А, добрый вечер, Степан Иванович! Ладыгин? Он тут, рядом со мной... Да что вы говорите?.. Сейчас, сейчас! Передаю трубку!..

Он рывком сунул трубку к самому моему уху.

— Алексей Петрович, ты? — услышал я голос Малышева. — Наша взяла! Поздравляю, дружище! Сегодня принято решение об организации поисков Земли Ветлугина... Да, да, в этом же году!.. А зачем откладывать?.. Начальником экспедиции? Вот ты именно и назначен начальником... Я серьезно говорю... Андрей Иванович?.. Заместителем по научной части. Передают в ваше распоряжение ледокол “Пятилетку”... Ну, завтра, поговорим. Еще раз поздравляю от души!.. Спокойной ночи не желаю: знаю, вряд ли уснете!..

Я осторожно повесил трубку и посмотрел на Андрея. Хотя мы нетерпеливо мечтали об этом решении и надеялись на него, оно поразило нас, как неожиданная радость...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая СИГНАЛ “ДОБРО”

— Океанск! Океанск! — в волнении закричал Степан Иванович и приткнулся к окну.

— Правильно, Степан Иванович! Остановки надо объявлять, — сказал Андрей деланно спокойным тоном, но когда он начал застегивать ремни чемодана, я заметил, что руки его дрожат.

Самолет, в котором находился научный состав экспедиции, стал описывать круг, предшествующий посадке.

Под крылом сверкнул широкий залив со стоящими на якоре кораблями, замелькали длинные склады на пристани, дома, улицы, потом веером развернулся городской бульвар. Мгновение — и самолет, покачиваясь и подсакивая, уже бежит по аэродрому.

Все на этом заполярном аэродроме было таким же, как и на подмосковном, который мы покинули несколько дней назад. Зеленела упругая, высокая трава. Знак Т был выложен на траве. Даже полосатая “колбаса” — флюгер над зданием аэропорта для полноты иллюзии указывала то же направление ветра.

Только небо было другим — очень прозрачным и светлым, как всегда летом в этих широтах. Нам понадобилось пересечь по диагонали почти всю Сибирь, чтобы добраться из Москвы до Океанска.

Шоссе, соединявшее аэропорт с морским портом, проложено было в объезд города, прямо по тундре. Поэтому Океанск мы успели увидеть лишь издали. Конечно, впоследствии надо было осмотреть его более основательно. Ведь здесь, на месте Океанска, располагалась до революции деревушка, где Петр Арианович провел два года своей жизни.

Но сейчас не терпелось взглянуть на “Пятилетку” ледокол, предназначенный для экспедиции в северо-восточный угол Арктики.

Машины остановились у ворот в порт.

Северное солнце светило неярко, и все же пространства чистой воды отбрасывали такое слепящее сияние, словно то было гигантское зеркало.

Жмурясь, я не сразу разглядел на рейде наш корабль.

— Вот она, “Пятилеточка”, — сказал кто-то рядом.

— Хороша! — с чувством сказал другой. — Караван проведет?

— Нет, пойдет к Земле Ветлугина...

Мой сосед объявил это так просто и уверенно, будто рейс Океанск—Земля Ветлугина стал давным-давно самым обычным, хоженным-перехоженным маршрутом.

На причале, рядом со мной, толпились матросы и грузчики, внимательно, с полным знанием дела наблюдая за кораблем.

Он маневрировал на середине рейда, красиво описывая циркуляцию, катился то влево, то вправо, разворачиваясь на разные курсы. Видимо, капитан выверял магнитный компас.

Я залюбовался кораблем.

Матросы и грузчики не ошиблись. Он был хорош! Все было в нем гармонично, соразмерно, умно. Внутренняя красота, которую, наверное, способны уловить только глаза и сердце моряка, как бы одухотворяла корабль.

Да, именно одухотворяла! Недаром трудились над созданием его советские кораблестроители. В него они вложили себя, свою душу, свой талант. Напряжение и радость бессонных ночей, патристический творческий порыв, ясная конструкторская мысль — все было воплощено в ледоколе “Пятилетка”.

Он был очень целеустремленным, наш корабль! Это, пожалуй, и делало его таким красивым. Форштевень, могучий как секира, предназначался для того, чтобы ломать, крошить встречный лед. Обводы были круты, как и полагается обводам ледокола, чтобы сдерживать напор сдвигающихся льдин. Широкая труба с моряцкой лихостью была слегка откинута назад, словно подчеркивала стремительность движения.

Корабль выглядел стройным и легким. Между тем водоизмещение его составляло три тысячи тонн. Зато и мощность моторов была велика — шесть тысяч лошадиных сил! Каждую тонну “тащили” две лошадиные силы, что обеспечивало “Пятилетке” активность во льдах.

Как нам не хватало сейчас Петра Ариановича!

Он должен был бы стать рядом, на пирсе, в своей развивающейся крылатке, по обыкновению сдвинув на затылок форменную фуражку, потом обернуться ко мне и улыбнуться той широкой доброй улыбкой, какую я видел у него в памятный день ледохода на Мологе.

“Подходящий кораблик, Леша”, — должен был бы сказать он своим глуховатым баском, с упором на “о”.

Наверное, о таком ледоколе мечтал он в Вельегонске, когда при восторженных кликах зареченских ребят подтапливал шестом игрушечный деревянный кораблик во время ледохода. Наверное, такой красавец ледокол мерещился ему и в ссылке, когда он одиноко прогуливался по берегу пустынного и мрачного залива...

— А ну, угадал чи не угадал? — спросил кто-то рядом с сильным украинским акцентом. — Вы, помоему, будете Ладыгин. А вы, думается мне, наверно, Звонков... Ну как, угадал?

Я обернулся. Подле нас стоял человек в морском кителе, невысокого роста, плечистый, что называется крепыш, лет сорока пяти на вид, с круглым, обветренным, очень красным лицом. Усмехаясь, он поглядывал то на меня, то на Андрея.

— Ну как? Выходит дело, угадал?

— Да, угадали, — сдержанно сказал я. — Моя фамилия Ладыгин. А это мой заместитель, товарищ Звонков. Но мы с вами как будто...

Незнакомец улыбнулся еще добродушнее.

— Овчаренко, — сказал он, приветливо протягивая мне руку.

— О! Товарищ Овчаренко!

Рабочий-большевик, с которым Петр Арианович отбывал ссылку в деревне Последней! Участник его неудавшегося побега! Свидетель его гибели! Вот он, стало быть, какой!

Мы долго с почтительным удивлением трясли ему руку.

— Савчук рассказывал, что вы здесь начальником порта, но мы... Как же это вы “угадали” нас?

— Еще бы не угадать! Мне раз сто про вас Петр Арианович говорил...

— А что говорил?

— “Остались, — говорил, — у меня друзья в моем родном городе: Ладыгин Алексей и Звонков Андрей”.

И начинал обрисовывать вас.

— Не понимаю! Ведь он описывал подростка. Он знал нас еще подростками.

— Выходит дело, главное сумел обрисовать! — Овчаренко значительно подмигнул, видимо довольный своей проницательностью. — Человек с годами меняется, это так. От, например, я. Был красивый, молодой, кучерявый, а теперь сытый став, як той Сирко¹! — Он снял фуражку и шутливо похлопал ладонью по своей круглой голове. В волосах, действительно, густо пробивалась седина. — И что же, скажете: главное это во мне — сывына? Нет. Подросток превращается в юношу, юноша — во взрослого, а главное в нем, в человеке, остается!.. Так-то, хлопцы!

Перехватив удивленный взгляд Андрея, он неправильно истолковал его:

— Может, обижаюсь, что я вас хлопцами называю? Это у меня привычка такая. Еще с гражданской войны осталась. Раз даже на коллегии наркомата сказал “хлопцы”...

Мы с Андреем засмеялись.

— Выходит дело, не обижаюсь? Добре!.. А семафор на “Пятилетку” передали? Что же вы!

На правах хозяина он поспешил распорядиться.

— А ну, хлопцы, — скомандовал он, обернувшись к стоявшим на пристани, — сигнальщик есть среди вас? Передать на корабль: “Начальник экспедиции с научными сотрудниками прибыл!”

Сигнальщик, взобравшись на штабели досок, сорвал шапки со своей головы и с головы товарища и замалхал ими. В ответ на “Пятилетку” замелькали флажки.

— “Приветствую начальника экспедиции и научных сотрудников, — переводил вслух сигнальщик. — Подхожу к пирсу левым бортом. Капитан”.

Медленно разворачиваясь против солнца, “Пятилетка” приближалась к пирсу. Ее мачты и реи отчетливо вырисовывались на фоне бледно-голубого неба.

— Какой корабль! — с воодушевлением сказал Андрей и, запнувшись, добавил: — Петр Арианович так и не видел его...

— Это ничего, что он корабль не видел, — ответил Овчаренко. — То плохо, что он вас не видел, не любовался на вас, какие вы стали!.. Эх, Петро, Петро!..

Он понурился, вздохнул, помолчал.

---

¹ Седой стал, как Серко (укр.).

— Ну, поговорим еще!.. Если нужно что — прямо ко мне, по старой дружбе. А в воскресенье — обедать! Жинка нам такой рыбы нажарит!..

Он умчался по своим делам, а мы уселись в шлюпку, поданную с “Пятилетки”.

Признаюсь, я ощутил почти ребячью тщеславную гордость, когда навстречу шагнул к трапу капитан “Пятилетки” и, держа под козырек, как полагается при отдаче рапорта, неторопливо сказал:

— Товарищ начальник экспедиции! Ледокол готовится к походу в высокие широты. Заканчиваем проверку приборов...

Я с удовольствием смотрел снизу вверх на нашего капитана. Силой и спокойствием веяло от него. Такой он был большой, устойчивый, широкоплечий, какой-то очень надежный.

Нам повезло: предложение идти на “Пятилетку” принял один из опытейших ледовых капитанов — Никандр Федосеевич Тюлин.

Повсюду на советских арктических морях — от Мурманска до бухты Провидения — звали его запросто Федосеичем. А человека называют у нас только по отчеству, опуская имя, в знак особого, почти сыновнего к нему уважения.

“Федосеич не подведет, нет, — заверяли нас в Москве. — Федосеич, мало сказать, понимает — он чувствует полярные льды!..”

Я вспомнил требование, которое ставил перед полярными капитанами наш знаменитый ученый, профессор Визе. Он писал о том, что капитан должен быть одновременно и крайне осторожным и крайне дерзким. При этом, добавлял профессор, не существует в условиях полярного плавания определенных правил, когда нужно быть осторожным и когда следует рискнуть, — почти все познается “нутром”.

Вот этим-то “нутром” Федосеич, по отзывам, обладал в высшей степени.

Наружность у него, во всяком случае, была располагающая. Поглаживая свои седые прокуренные усы, он спокойно разглядывал меня умными маленькими глазками из-под припухших век — тоже, видно, прикидывал: хороший или плохой попался ему начальник экспедиции?

А из-за его крутого плеча, улыбаясь, выглядывал коротышка Сабиров, наш старый приятель, который когда-то, если помнит читатель, “расфасовывал” Восточно-Сибирское море во множество пивных бутылок, а также во флаконы из-под духов. На “Пятилетке” он шел старшим помощником капитана.

И еще одно знакомое лицо встретилось на ледоколе.

От группы матросов, стоявших на палубе, отделился чукча в черном замасленном комбинезоне и, вынув трубочку изо рта, с достоинством пожал руку мне, потом Андрею, потом всем остальным научным сотрудникам по очереди.

Тынты Куркин, каюр? Нет, Тынты Куркин-второй, водитель вездехода.

Лицом, фигурой, манерами он удивительно походил на своего отца, с которым я подружился прошлой зимой на мысе Челюскин, только держался еще солиднее. Ведь он, в отличие от старого Тынты, управлял не упряжкой из пяти или шести собак, но машиной — новейшим арктическим вездеходом на гусеничном ходу, с восьмицилиндровым мотором!

(Вездеход, как мы полагали с Андреем, мог понадобиться нам на подходах к Земле Ветлугина).

Наше прибытие подхлестнуло подготовку. Научные сотрудники окунулись в лихорадочную сутолоку приготовлений, напоминающую предпраздничную суету.

Андрей, приняв душ и наспех перекусив с дороги, засел в штурманской рубке наедине с эхолотом — прибором для измерения глубин. Эхолот был призван сыграть сугубо важную роль в поисках Земли Ветлугина, и мой заместитель по научной части никому не доверял его окончательного отрегулирования.

Научные работники стояли на палубе, ревниво присматривая за переборской с пристани своего ценного багажа.

Погрузкой командовал Сабиров. Стоя на капитанском мостике, он повелевал корабельными лебедками. По мановению его руки, те подхватывали тюки, лежавшие на пристани, и, пронеся по воздуху, бережно опускали на палубу или в недра трюма. Голос старшего помощника гулко раскатывался над рейдом. Как дирижерская палочка, то взлетал, то опускался сверкающий металлический рупор. (По прямому назначению Сабиров использовал рупор редко, больше полагаясь на силу своих богатырских легких.)

— Осторожно, умоляю вас, осторожно! — повторял на палубе метеоролог Синицкий, тревожным взглядом провожая ящик, проплывавший над головами. — Ведь там самописцы! Понимаете ли, метеорологические самописцы!..

— Полегче с сетками, полегче! — вторил ему Степан Иванович, который участвовал в экспедиции в качестве гидробиолога.

Почти на всех ящиках чернели надписи: “Не кантовать!” С особыми предосторожностями доставлялись с берега и укладывались на палубу метеорологические самописцы, хронометры, термометры, магнитометры, астрономические приборы, сетки для вылавливания планктона.

В тревоге метался по палубе и наш завхоз, вконец заматававшийся человек, поминутно вытиравший лысины большим клетчатым платком. Вперемежку с научным оборудованием перебрасывалось на “Пятилетку” бочки с квашенной капустой, шоколад, керосиновые лампы, витаминный сок, лимоны, стиральная машина, звероловные капканы и многое другое. В трюме рядом с вездеходом разместились три разборных дома (на Земле Ветлугина предполагалось организовать полярную станцию).

Визжали и лаяли собаки, которых должны были оставить вместе с зимовщиками.

А вечером, убедившись, что сетки для вылавливания планктона доставлены в целости и сохранности, расставив на полках привезенные с собой книги и вынув микроскоп из футляра, Степан Иванович посту чался ко мне в каюту.

— Как ты насчет того, чтобы по кубрикам пройтись? — сказал он. — Матросы ужинают. Самое время потолковать с ними.

Степан Иванович — парторг нашей экспедиции.

Лучший выбор было бы, конечно, трудно сделать. Он опытный полярник, участник исторического похода “Сибирякова”, орденоносец. Как партийного руководителя его отличает вдумчиво-серьезное, взыскательное и в то же время какое-то трогательно заботливое отношение к людям. (Кому, как не мне с Андреем, знать это!) Вот и сейчас, видно, не терпится Степану Ивановичу посмотреть на матросов “Пятилетки” (научный состав он отбирал в Москве сам), поговорить по душам с ним, по возможности вне официальной обстановки — за ужином, на отдыхе. Знаю, парторг не успокоится до тех пор, пока не будет иметь ясного представления о каждом участнике экспедиции: о его характере, о его сильных и слабых сторонах.

— Что ж, пошли, Степан Иванович, — с готовностью говорю я, откладывая в сторону папку с накладными и ордерами. — Вы правы. Люди в нашей экспедиции должны быть один к одному, как пули в обойме...

И мы отправились с ним по кубрикам знакомиться с командой.

За сборами незаметно промелькнуло три дня, а в воскресенье, согласно уговору, я и Андрей обедали у Овчаренко.

Он ждал нас и встретил с подлинно сибирским радушием. Жена его, якутка, почти не присаживалась к столу, так и мелькала перед глазами, выбегая из комнаты и снова вбегая в нее с новыми кушаньями. Появлялись то шаньги, то пельмени, то жаренная оленина, то особо, по-местному, приготовленные пупки нельмы.

— Добрый край, богатый край, — приговаривал хозяин, усиленно потчуя нас. — А ведь таким его большевики сделали. Он бедный был край. Тут раньше народ бедовал — страшное дело! Бывало кору обдирали с деревьев, толкли и ели. Сам видал...

Овчаренко вернулся сюда в середине двадцатых годов, потому что понимал, какое будущее открывается перед Крайним Севером после революции. Приехал не на год к не на два — надолго, жить!

Первое время он заведовал факторией. Потом руководил рыбными промыслами. Видно по всему, был отличный хозяйственник, с твердой рукой и верным глазом, оптимист, жизнелюб, умевший заглядывать далеко вперед. Но настоящая работа, соответствующая его душевному размаху, еще ждала Овчаренко.

Когда было решено превратить Северный морской путь в нормально действующую магистраль, возникла необходимость в создании новых портов на Крайнем Севере. Овчаренко ездил несколько раз в Москву, с чертежами и цифрами в руках доказывал преимущества залива у деревни Последней. С его доводами согласились. В устье большой сибирской реки заложен был город Океанск, а Овчаренко возглавил строительство порта, начальником которого стал впоследствии.

— Тогда “осибирячился” совсем, — улыбаясь, закончил свой рассказ Овчаренко. — Раньше, правда, была думка: мы со старухой уже в годах, вот выведу свои промысла в наилучшие по республике и буду проситься на Украину... А тут порт! А тут город отстроился!.. Ну куда ж я, хлопцы, от своего города подамся, когда его перед моими глазами воздвигали?..

Мы с Андреем согласились, что город сейчас покидать никак нельзя.

Глядя на раскрасневшееся, мужественное и доброе лицо нашего хозяина, я думал о том, что у Петра Ариановича был отличный товарищ б ссылке. Душевной силой, присущей только деятельным, цельным натурам, веяло от Овчаренко. С таким хорошо делить опасности и невзгоды. И, несомненно, Петр Арианович многое перенял у него.

Интересно, каким же был наш учитель географии в 1916 году, накануне побега?..

После обеда Овчаренко захотел показать нам Океанск и вызвал машину:

— А то уйдете к себе в Восточно-Сибирское море и бывшую Последнюю не увидите...

Но даже тени сходства не было у нового города с той бедной деревенькой из двадцати изб, которая прикнулась на краю света, у студеного моря, и название свое — Последняя — получила потому, что дальше не было, не могло уже быть деревень.

Перед нами развевался новехонький деревянный город, будто только что соскочивший с верстака. И пахло в нем весело, как в недавно срубленной избе, — смолой и стружками.

Подобно большинству наших северных городов, Океанск сделан главным образом плотниками. Но если в Архангельске только тротуары дощатые, то здесь деревянными были даже мостовые. Улицам это придавало какой-то особый уют. Улицы — сени!

И древесная пыль (в городе работало несколько лесопильных заводов) носилась, искрилась, плясала повсюду, будто это крупички золота раскачивались в воздухе на солнечных лучах.

Таежное золото — штабеля сибирского леса проходят по реке сплошным потоком. Где-то в верховьях рубят ели, мачтовые сосны, мощные трехобхватные дубы, сбивают из них плоты или грузят на баржи и гонят вниз, к Океанску, к воротам в океан. Здесь поджидают лес гигантские лесовозы, чтобы доставить во Владивосток, в Архангельск, в Мурманск и т.д.

Машина обогнула белую статую Сталина, возвышавшуюся посреди площади. Сталин в своей длинной развевающейся шинели стоял на каменной глыбе и указывал вытянутой рукой на север. Потом потянулись многоэтажные дома с балконами. На подоконниках пестрели цветы. Южный ветер надувал занавеси, будто то были паруса. Многоэтажные корпуса плыли под парусами все дальше и дальше на север...

Замелькали молоденькие деревца на бульваре.

— Прошлой весной пионеры высаживали, — прокомментировал с гордостью Овчаренко.

Он то и дело оборачивался к нам — видно, ему доставляло удовольствие показывать новым людям город.

Но вот, подскакивая на бревенчатом настиле, машина выехала за пределы Океанска и двинулась на север вдоль реки. Овчаренко уже не вертелся на своем месте рядом с шофером, не оборачивался к нам, а сидел понурясь, надвинув фуражку на глаза. Настроение его испортилось.

Мы с Андреем молчали, догадываясь, куда он везет нас.

— Стоп! Тут! — сказал Овчаренко, придерживая за плечо шофера.

Мы вышли из машины.

Она стояла на пустынном, лишенном растительности мысе. Длинная коса вдавалась далеко в море, напоминая волнорез.

— Соленый Нос?

— Да.

Поодаль, за решетчатым забором, белели метеорологические будки, торчала мачта с флюгером, еще дальше виднелось несколько бревенчатых домиков.

Метеорологической станции не могло быть здесь во времена Петра Ариановича. Но пейзаж, надо думать, остался без изменений.

Так ясно представлялся он в моем воображении, что я не удивился, увидев его: серые скалы, плоский галечный берег, на котором смирно сидело пять или шесть лохматых сибирских лаек, и над всем этим — северное небо.

Именно таким ожидал я увидеть здешнее небо, хотя теперь был июль, а Петр Арианович и Овчаренко пытались бежать в сентябре.

Как часто снились мне и этот пустынный берег, и невеселая гладь тундры, и три раскачивающихся силуэта, неотвратимо приближающихся сзади...

— Название “нос” — обычное у северян, — донесся до меня голос Овчаренко. — “Нос” — это значит “мыс”: Канин Нос, Святой Нос... А Соленым его называли оттого, что речная, пресная вода смешивается тут с соленой, морской...

Затем он упомянул о значении недавно построенной метеостанции Соленый Нос. Говорил Овчаренко очень громким, бодрым голосом, отвернувшись от нас. Я понял его. Друг Петра Ариановича старался с просто-душной деликатностью разрядить нервное напряжение.

Море, одно бескрайнее море было впереди. Море и небо. Линия горизонта стерлась между ними...

Андрей тронул меня за рукав.

— Поехали, Леша, — сказал он тихо. — В двадцать один час у тебя разговор с Москвой, а я созвал совещание научных работников.

— Сейчас!.. Вот я стою здесь, на этом берегу, и все-таки не верю! Я не могу поверить в то, что Петра Ариановича нет... А ты?

Андрей молчал.

— Не знаю, — уклончиво сказал он, смотря вдаль. — Не зря же моряки говорят: океан — могила храбрых...

Это был предпоследний день нашего пребывания в Океанске. Ночью получено было “добро” Москвы, то-есть разрешение на выход в море, а на другой день утром “Пятилетка”, осторожно разворачиваясь против ветра, двинулась мимо лесовозов вниз по реке. В толпе провожающих виднелась и невысокая, коренастая фигура нашего нового друга, которого мы успели полюбить за эти несколько дней. Он постоял на пирсе, помахал нам рукой, потом почти бегом кинулся к зданию порта.

Тотчас же по рее, свисавшей с мачты на крыше, помчались вверх сигнальные флажки: сначала флажок с тремя полосами — синей, белой и синей, за ним — треугольный, как бы перечеркнутый крестом, и, наконец, четырехугольный, с маленьким красным крестиком в центре.

Это был прощальный привет Большой земли. Согласно морскому церемониалу, Овчаренко желал нам счастливого плавания и удачи.

Разноцветные флажки побежали по реям лесовозов, замелькали, забились на ветру. Пожелание Овчаренко было подхвачено и повторено всеми океанскими пароходами, стоявшими на рейде.

Капитан Тюлин приказал поднять ответный сигнал: “Благо дарю”.

Мы миновали Соленый Нос. В скулу борта тяжело ударила волна и разлетелась ослепительно белыми брызгами...

Глава вторая НА ТРАВЕРЗЕ МИРАЖА

Туман уходил на запад.

Только низкая голубоватая дымка стлалась над морем, создавая странную зрительную иллюзию. Водная поверхность как бы приподнималась, море парило, как говорят на Севере.

И признака льдов не было на горизонте. Ледовый прогноз, полученный для восточной части моря Лаптевых, был благоприятным и полностью оправдывался.

Краски моря медленно менялись. Вначале оно было зеленоватого оттенка — сказывалась близость реки, — потом появились синие полосы. Чем дальше мы уходили в открытое море, тем гуще делалась его синева.

Жизнь на ледоколе налаживалась. Под ровный гул машин проходило в кают-компания комсомольское собрание — Степан Иванович рассказывал молодым морякам о задачах экспедиции и о выдающемся русском ученом П.А.Ветлугине. Мерный голос его, доносившийся через открытые иллюминаторы на палубу, заглушался по временам сильным сорванным голосом завхоза, который распекал кого-то у камбуза¹.

Капитан похаживал по мостику, невозмутимо-спокойный, широкоплечий, заложив руки за спину. Маленькие светлые глаза его шурились, что было признаком хорошего настроения. Капитана радовали чайки.

“Если чайка села в воду, жди хорошую погоду”, — такова старая примета поморов. А чайки, которых было видимо-невидимо вокруг, садились на воду. Правда, покачавшись на отлогой волне, они тотчас же снимались и принимались снова кружиться у борта корабля. Это птицы-попрошайки. И голоса у них были какие-то плаксивые, жалостные. “Подайте на пропитание, подайте”, — словно бы кланчат они, провожая корабль.

Из штурманской рубки на мостик поднялся Сабиров (на “Пятилетке” он совмещал обязанности штурмана и старшего помощника).

Глядя на него и на капитана, сблизивших головы над картушкой компаса, я вспомнил рассказ Сабирова о том, как Федосеич в свое время вырабатывал в нем характер моряка.

Тогда молодой казах только закончил мореходное училище и служил штурманом на танкере, которым командовал Федосеич. Караван кораблей шел в Архангельск. При подходе к Северо-Двинскому маяку на танкере Сабирова вышла из строя одна из машин, что затруднило маневрирование. Начальник каравана дал сем афор: “Рекомендую взять лоцмана”. Федосеич ответил: “Мой штурман впервые ведет корабль. Чтобы не портить его характер, прошу разрешения лоцмана не брать”. Ответ — “добро”, то есть “разрешаю”. И танкер благополучно вошел в Северную Двину.

Сабиров любил при случае вспомнить эту историю.

— “Крестным баткой” моим стал! — с гордостью заканчивал он. — Умница! Бывалый! Понимает, как человеку важно начать!

Между тем Федосеич был очень осторожным судоводителем. Я убедился в этом, когда обсуждали вопрос, каким проливом пройти из моря Лаптевых в Восточно-Сибирское море. Проливу Дмитрия Лаптева Федосеич предпочел пролив Санникова, хотя тот был расположен севернее.

— Глубины больше, а значит, и плавание безопаснее, — кратко сказал он.

Потом, видимо решив, что недостаточно обосновал свою мысль, подкрепил ее поморской поговоркой:

— Старики говорят: “Моря не бойся — горы бойся...”

В положенный срок слева по борту остался остров Столбовой, а спустя несколько часов открылся и мыс Медвежий.

“Пятилетка” находилась посреди обширного архипелага Новосибирских островов. На юге за пеленой тумана прятались острова Ляховские. На севере темнела полоска земли. Когда мы приблизились к ней, стали видны полосатые от снега склоны острова Котельный, где я когда-то зимовал.

Это и был пролив Санникова.

Навечно закреплена на карте память об отважном и пытливом русском путешественнике якуте Савинкове, передовщике² артели зверопромышленников.

Сам Санников был очень скромн. Он не дал своего имени открытому им острову Столбовому. Имя его получил пролив, а также загадочная земля, то возникавшая, то исчезающая на географической карте.

Санников, по его словам, видел ее с северной оконечности острова Котельный.

Было это в начале прошлого столетия.

Почти полтора века с той поры спорят ученые о том, правду сказал Санников или ошибся. Несколько известных русских путешественников, отправившись следом за якутом-передовщиком, подтвердили, что земля есть, что они тоже видели землю. Бесстрашный Толль даже погиб во время ее поисков.

В наши дни правдивость Санникова горячо отстаивал знаменитый геолог академик Обручев. Он считал, что земля находится между 78-м и 80-м градусами северной широты и 140-м и 150-м градусами западной долготы. Указывались, таким образом, даже координаты.

---

¹ Камбуз — кухня.

² Передовщик — начальник, старшой.

Уверенность в существовании земли была так велика, что во время одной советской высокоширотной экспедиции везли на корабле зимовщиков, чтобы “попутно” ссадить на Земле Санникова. Но корабль прошел по чистой воде. Нигде в поле зрения не было и признака суши.

Сейчас мы пересекали условный меридиан Земли Санникова.

— Знаете ли наше место, товарищи? — спросил я научных сотрудников за ужином.

В кают-компании поднялся разноголосый шум:

— Знаем! Конечно, знаем... Миновали Котельный... Проходим Землю Бунге... Скоро Новая Сибирь...

— Почти верно...

— Как это — почти?

— Вы не называли еще одну землю. Лежит севернее этих островов.

Наступило молчание. Молодые научные работники недоуменно переглядывались. Степан Иванович усмехался в усы, доедая компот.

— Гипотетическая земля, — подсказал я.

— А! Земля Санникова!.. Кто-то пошутил:

— Наш корабль находится на траверзе миража...

— Миража? Ой ли! — задорно ответили ему. — А может, не миража...

Завязался спор. Эти два слова “Земля Санникова” я бросил, как яблоко раздора, и ушел улыбаясь. Неотложная работа ждала меня. Трудно вообразить, какое множество разнообразных каждодневных хлопот одолевает начальника полярной экспедиции!..

Я работаю уже больше часа, но шум спора продолжает доноситься ко мне — моя каюта помещается в том же коридоре, что и кают-компания.

— Мираж! Бред! — авторитетно произносит тонкий, очень знакомый мне голос. У него получается раскат на букву “р”, так что “бред” звучит, как “бррэд”. — Привиделась Савинкову земля!

— Как же привиделась? Что вы! — возражают ему. — Ведь Санников видел две земли. Одна оказалась на месте. Через полвека наткнулись на нее.

— Остров Беннета?

— Да... А вторая почему-то исчезла, растаяла, испарилась. Почему?

— Вот вы сказали — мираж! — подхватывает второй защитник Земли Санникова. — Но что же это за мираж, который всегда возникает в одном и том же месте?.. И Толль видел гористую землю...

— Насчет гор помолчали бы, — прерывает самоуверенный голос. — Толль определил их высоту в два с половиной километра. Каково? Да в этой части Сибири таких гор и на материке нет.

Я слышу, часто повторяются слова: “торосы”, “гряда торосов”, и догадываюсь, о чем идет речь. Увы! Скептик прав. Сколько путешественников подводили эти торосы — нагромождения льдин, достигающие иногда высоты пятнадцати метров! Издали, особенно в условиях плохой видимости, их легко принять за острова среди льдов.

Упоминается фамилия русского моряка, лейтенанта Анжу.

— С мыса Бережных Анжу видел синеву, совершенно подобную отдаленной земле...

— Ну хоть бы и ваш Анжу...

— Но, спустившись с мыса и проехав по льду около полутора миль, убедился, что перед ним не земля, а гряда торосов...

О, у этого скептика изрядная эрудиция!

— Закрывать двери в коридор? — спрашивает меня старший радист Никита Саввич Окладников, который принес на подпись очередные радиограммы.

— Нет, ничего. Мне не мешает...

— Слушайте, а ведь это, пожалуй, поэтично, — замечает кто-то примирительным тоном. — Мираж — блуждающий дух земли, которой уже нет на свете... Земля Санникова была, существовала, и вдруг что-то случилось с ней. Допустим, землетрясение, вулканическое извержение. Она исчезла, провалилась под воду, но отблеск ее — ну вот, как бывает “ледяное небо” или “водяное небо” — скитается по арктическим морям...

— Бррэд! Бррэд! — говорит скептик с раскатом. — Насчет блуждающего отблеска даже мистика! Ну объясните-ка, почему в девятнадцатом веке видели Землю Санникова, а в наши дни ее не видит никто?

За стуком отодвигаемых стульев не слышу ответа.

— Массовый гипноз! — торжествующе объявляет скептик. — Внушение передавалось от одного путешественника к другому. Землю видели, потому что хотели ее увидеть. Постепенно, год от года, гипноз ослабевал и наконец...

К удивлению радиста, подписывая радиограмму, я делаю раздраженный росчерк и едва не ставлю кляксу.

И все-то ясно ему, этому бывшему первому ученику, зубриле несчастному! Арктику он читает прямо без запинки, как открытую книгу.

Не видя скептика, я очень отчетливо представляю себе, как он сидит в кают-компании, картинно опершись локтем на стол, то и дело поправляя пенсне, чтобы оно не сползло с носа. Черные, гладко приглаженные волосы его блестят, будто Союшкина только что окунули в воду.

Да, это Союшкин! Полного счастья, говорят, не бывает на свете.

Мы с Андреем считали, что Союшкина нам “всучили”, и горько сетовали по этому поводу. Однако Степан Иванович держался другого мнения:

— Пусть себе едет, пусть. Пригодится в экспедиции. — Он с задумчивым видом поглаживал усы (в отличие от обвисших усов Федосеича, они были у него вытянуты в стрелку — не моряцкие, кавалерийские усы!). — Ничего-то вы не понимаете! Эх, наивные!.. Как раз именно хорошо, чтобы главный “отрицатель” присутствовал при открытии. И на берег его с собой возьмем. Вот, скажем, Земля Ветлугина, в которую ты не верил! И как она тебя только держит?..

Нахохотавшись досыта, он снова становился серьезным:

— Кроме того, это первая его полярная экспедиция. Ведь он, кажется, севернее Сестрорецка¹ из Ленинграда не выезжал?

Союшкин оказался добросовестным, толковым, несколько медлительным работником, отличавшимся любовью к чистоте и порядку, которую мы знали за ним с детства.

К сожалению, на борт ледокола он явился с целым набором маленьких слабостей, подчас довольно смешных.

Так, например, Союшкин ужасно любил фотографироваться.

В Москве нас одолевала фоторепортеры, от которых приходилось прятаться или уходить черным ходом. Одни Союшкин мужественно оставался для объяснений с ними. Фотографировали его обычно в позе непоколебимой решимости, со скрещенными на груди руками. Он увековечился и в Океанске, накануне отплытия, причем пристроился рядышком с капитаном. Пенсне Союшкин снял, так как полагал, что герою Арктики не пристало быть в пенсне.

Все это вызывало только улыбку. Надоедала другое — страсть Союшкина теоретизировать и опровергать. (“Наш штатный скептик”, — шутливо отрекомендовал его Андрей, знакомя с другими научными сотрудниками.)

Мне трудно понять ход мыслей нашего бывшего первого ученика. Быть может, он считал, что это не порядок, если в Арктике еще столько неоткрытых, загадочных земель?..

Вот и сейчас, расправившись с Землей Санникова, он принялся за Землю Джиллиса–Макарова, а с нее перескочил на Землю сержанта Андреева.

— Подумать только! — ужасается он. — Тринадцать экспедиций на протяжении двух столетий! А каков результат? Где Земля сержанта Андреева?.. Выходит, силы были затрачены зря, впустую?

Меня охватывает раздражение. Подмывает пойти и осмеять этот трусливый, никчемный, дурацкий припев — “зря, впустую”. В науке не бывает так. Сказать иногда “нет” не менее важно, чем сказать “да”. Если результат отрицательный, если опыт не удался — это тоже на пользу общему делу.

Я уже встаю из-за стола, потом сажусь снова. Кто-то из молодых научных сотрудников спокойно излагает то, о чем хотел говорить я:

— Не нашли землю? Зато сколько ценного материала собрали, пока искали ее! Как обогатили науку поиски земель, как раздвинули представление об Арктике!.. Нет, это не зря, это не впустую!

Молодчина! Правильно сказал!

Кроме меня, Андрея и Степана Ивановича, в экспедиции участвуют еще три научных сотрудника — в Арктике все впервые.

Союшкин известен читателю. Он едет в качестве гидрогеолога.

Химик и метеоролог — молодые люди, недавно с университетской скамьи. Химик — Вяхирев, круглолицый спортсмен, немногословный и уравновешенный, как большинство спортсменов (кажется, именно он только что так удачно ответил Союшкину). Метеоролог — Синицкий. Уже сейчас никто не называет его по фамилии, а просто Васечкой — такой он застенчивый и беленький, хотя ростом чуть ли не под потолок, и в плечах кося сажень. В споре он участвует главным образом скромным покашливанием.

Зато очень волнуется и негодует на Союшкина второй радист, Таратута, тоже новичок в Арктике. Я представляю себе, каким румянцем пышет его молодое лицо, — воротник кителя расстегнут, и из-под него видна полосатая тельняшка.

Но Союшкин не сдастся.

— Мираж, вереница миражей! — упрямо твердит он. — Ну как же не мираж? Мелькнет, подразнит и опять исчезнет... У чукчей есть такая сказка — о Земле Тикиген, которая будто бы перемещается по морю под влиянием ветра. Подует ветер с севера, пригонит к материку — и все видят ее. Подует с юга — уплывает земля...

¹ Сестрорецк — дачная местность под Ленинградом.

— Пример неудачен, — слышу я отчетливый и твердый голос Андрея.

До сих пор он молчал, давая возможность высказываться молодежи.

— Пример с Землей Тикиген неудачен, — повторяет мой друг холодно, как бы подводя итог спору. — Вам должно быть известно, что земля из чукотской сказки, якобы передвигающаяся по морю, оказалась островом Врангеля!..

Я выхожу на палубу, чтобы немного освежиться. На баке у обвеса стоят два матроса — впередсмотрящие — и зорко вглядываются в туман впереди. По капитанскому мостику расхаживает Сабиров — сейчас его вахта.

— Земля Андреева, — думаю я вслух. — Земля Санникова... Земля Ветлугина...

Странный этот спор в кают-компании! Каждого из нас он затрагивал гораздо больше, чем хотели показать. Говорили как бы обиняками. Говорили о различных гипотетических землях, не называя ту, к которой мы шли, но думая о ней, подразумевая именно ее.

Как видит читатель, много общего между Землей сержанта Андреева, Землей Савинкова и нашей землей в северо-восточной части Восточно-Сибирского моря. Естественно возникает вопрос: не будем ли мы так же несчастливы в своих поисках, как участники тринадцати экспедиций на Землю Андреева и не помню уже скольких на Землю Санникова?.. Я загляделся на пенный след винтов за кормой.

Когда долго смотришь на море, особенно ночью, почему-то думается всегда о прошлом, о жизни.

Весь вечер преследовал меня один мотив.

Ветер насвистывал его в реях над головой. И машины, от ритмичной работы которых содрогалась палуба, отбивали такт: “Мо-лодцу плыть не-да-ле-ечко...”

В детстве мы придумали с Андреем биографию своему учителю. Мы не могли поверить в то, что он не выезжал никуда из Вельегонска и “на Севере не бывал...” И что же? Вымысел неожиданно обернулся явью: Петр Арианович был выслан в Сибирь, бежал с места ссылки...

“Старый товарищ бежать пособил.

Ожил я, волю почую...”

Ожил?..

Заметьте, никто не видел мертвого Ветлугина. Овчаренко видел только, как его товарища уносит в море на льдине. А ведь известны случаи...

Но что пользы гадать об этом?

Не дававший мне покоя мотив я решил вытеснить другим. Промелькнули, не задерживаясь, несколько грустных и веселых отрывков, потом томительной трелью залился соловей, и вдруг давнее, почти неуловимое воспоминание: Нескучный сад, Лиза, Андрей...

Я подумал, что отношения между Лизой и Андреем не выяснены до сих пор. Мой друг так и не решился на объяснение. “Брат по други” отпугнул его, что ли?

Накануне отъезда из Москвы я взялся за дело сам,

Я был намерен серьезно поговорить с Лизой. Я так и сказал ей, придя к ней вечером без Андрея.

— Лиза, — сказал я, — мне надо с тобой поговорить серьезно.

— Да?..

Она сидела передо мной на стуле и вопросительно смотрела снизу вверх своими ореховыми глазами, аккуратно сложив на коленях руки. Что-то показалось ей странным в моем торжественном тоне — признаюсь, я чувствовал себя стесненно. Вдруг, она начала краснеть, все так же молча, не сводя с меня глаз; медленно заливаясь румянцем от шеи до лба, до самых корней пушистых, рыжих, как бы пронизанных светом волос.

— Послушай, мы же с тобой не дети, — продолжал я рассудительно. — Ведь он неплохой парень! Кому лучше знать, как не мне? Честный, прямой. И как любит тебя! Даже стихи писал. Но плохие...

— Вот как! — шепнула Лиза, опуская голову. — И молчал до сих пор?

— Так ведь застенчивый! Лиза вскинула на меня глаза.

— Ты же его знаешь, — продолжал я. — Просто очень серьезный. И молчун. Иной раз слова не допросишься.

— Да ты о ком говоришь?

— Об Андрее, — удивился я. — О ком же еще?

Но она не стала слушать дальше и почти вытолкала меня за двери — так-таки вытолкала, ни за что ни про что.

— Иди, иди, сват! — приговаривала она. — Тоже мне, сват нашелся!

— Просто хотелось услужить, — оправдывался я. — Чтобы у вас обоих было хорошее настроение...

У нее были грустные глаза, когда она провожала нас на аэродроме. Улыбалась, даже смеялась, но глаза оставались грустными. Почему?..

Проводы вообще вышли неудачные, сумбурные.

Слишком много было помпы, пышных речей и букетов. Один из букетов был вручен Степану Ивановичу, и он таскал его с собой как веник, не зная, куда девать. Союшкин не отходил от меня ни на шаг, учтя то обстоятельство, что на групповых снимках начальника помещают обычно в центре.

Хорошо еще, что мы успели помириться с Андреем перед отъездом.

... Никто не знал, что мы поссорились, и поссорились жестоко.
Можете себе представить — он настаивал на том, чтобы экспедицию отложить!
— Отложить! Да ты в уме? Отложить! Почему?
— Вещество, вызывающее выпадение солей из морской воды, нельзя изготовить так быстро, — доказывал он. — Химики только начали работать над опреснителем по нашему заданию.
— Сколько же времени понадобится, чтобы такое вещество найти?
— Не знаю. Они говорят: год. Может быть, два года... Нет, Андрей решительно сошел с ума!
— Ты взвесь все обстоятельства, — продолжал он убеждать меня. — Хорошо, если подле Земли Ветлугина есть полынья, подобная той, что у острова Врангеля. Ну, а если нет? Вообрази, там сплоченные многолетние льды, барьер льдов. Да так оно, наверное, и есть. Ледокол не сможет форсировать их. Тогда что?
— Дрейфовать. Пусть льды поднесут корабль к Земле Ветлугина.
— Они не только поднесут, но и обнесут. Опишем зигзаг вокруг земли, как Текльтон, и больше ничего.
— А зачем же берем с собой вездеход? Когда начнется зигзаг, сразу же — на вездеход, и напрямик по льдам к земле!
— Так-то оно так, но с опреснителями было бы вернее.
— Ты просто трусишь, Андрей! — сказал я в сердцах. — Мнешься, робеешь, как с Лизой!
Конечно, не надо было бы говорить обидные слова. Я хорошо знал, что Андрей храбр, и не раз имел случай убедиться в этом. Просто он был очень обстоятельный человек, любил действовать обдуманно, наверняка. Но сейчас это была уже крайность...
Так или иначе, мой друг не разговаривал со мной дня три, пока мы не побывали с прощальным визитом у академика Афанасьева.

Старый ученый, взявший в свое время гипотезу Ветлугина под защиту, принял нас в постели. Перед ним установлен был переносный пюпитр, на котором он быстро писал карандашом.

— Рад, рад, — сказал он, пожимая нам руки. — Садитесь вот тут. Снимите с этого кресла бумаги. Вот так...

У него была наружность доброго деда Мороза: белая борода лопатой и очень ясные, зоркие глаза.

Некоторое время академик пытливо разглядывал нас из-под седых, нависших бровей.

— Ну-с, хорошо, — сказал он. — Как же думаете искать свою землю-невидимку?

— А мы хотим проверить гипотезу на слух. Если землю никак не удастся увидеть, попробуем ее услышать...

— А, эхолот!.. Ну что ж, правильно. Кропотливо и медленно, зато надежно... И как думаете: отзовутся ваши острова?

— Должны отозваться. Не могут не отозваться.

— Что ж, буду рад. У меня уж и место для ваших островов оставлено. Вот здесь! — Он показал на рукопись, над которой работал перед нашим приходом. — Задумал новый труд. Называется кратко: “Северный Ледовитый”.

— О! И большой труд?

— По плану, шесть томов. Хочу дать полный свод современных знаний об Арктике, нечто вроде энциклопедии...

Я поинтересовался, сколько же лет работы отнимут эти шесть томов.

— Не меньше семи-восьми, вероятно...

Мы молчали. Академик искоса посмотрел на меня и улыбнулся.

— А я знаю, что вы подумали! — сказал он неожиданно.

Я смутился.

— Да, да. Подумали: каков старик! Девятый десяток пошел, а он на восемь лет вперед загадывает, план работы составляет.

Я принялся бормотать какую-то чепуху, потому что Афанасьев угадал — именно это я и подумал. Наш хозяин засмеялся:

— Ну-ну, не отнекивайтесь! Я сам на вашем месте подумал бы то же. — Он энергично похлопал по лежащей на одеяле рукописи. — Не доживу? Нет, друзья мои, доживу. Именно потому и доживу, что на восемь лет вперед загадываю!

Задумчиво помешивая ложечкой в стакане (нам подали чай), он продолжал:

— Любимая работа поддерживает, бодрит... Еще Сенека сказал: “Прожить сколько надо — всегда во власти человека”. Мне лично надо десять лет, потому что этот труд нужен моей родине! Да, помню, знаю: здоровье, возраст... Но есть, по-моему, нечто вроде рефлекса цели, как думаете? Я вот подметил; если обычная прогулка, без цели, без дела, — устаю, а если впереди цель, что-то очень интересное, — забываю об усталости!

Академик поглядел на меня и Андрея, нагнув голову набок. Приветливые морщинки побежали от глаз.

— А потом, — сказал он, пожимая нам на прощанье руки, — не находите ли, что вообще интересно жить? Мне, например, до крайности любопытно узнать, найдете вы свои острова или нет.

Тогда мы и помирились с Андреем — сразу же, как только вышли от академика, чуть ли не в подъезде его дома.

— Извини меня, Андрей, — начал я. — Бухнул, понимаешь, сгоряча...

— Ничего, ничего, — поспешно сказал мой друг. — С кем не бывает... И мы заговорили об экспедиции, как будто бы не случилось ничего.

Глава третья **ПРИЧУДЫ ВЕТРА И “МЕРТВАЯ ВОДА”**

— Поздравляю! Вошли в Восточно-Сибирское, — сказал Андрей, распахивая дверь в мою каюту.
— Уже Восточно-Сибирское? Приятно слышать! В штурманской рубке узнал?
— Нет, по воде определил. Вода снова прозрачная, как и в море Лаптевых. На глубине двенадцати метров — отрицательная температура. Только что делал зондировку...

— А видимость?

— Ни к черту! Туманище навалило такой, что Союшкин советует стать на якорь.

— Ах, Союшкин уже советует...

Наверху действительно было мутновато. Корабль медленно подвигался вперед в почти сплошной белеватой мгле.

Мы с Андреем поднялись на капитанский мостик. Взглянув на сконфуженное и сердитое лицо Сабирова, стоявшего рядом с капитаном, я догадался, что место наше неизвестно.

Это было нехорошо. По гидрологическим признакам, названным Андреем, получалось, что мы уже перешагнули порог Восточно-Сибирского моря¹. Но оно большое, это море. Где же мы? В тумане могут произойти любые неожиданности. Нас может снести на юг или на север. А к северу в этом районе, по-моему, опасные банки².

— Не успел, Алексей Петрович, солнце схватить, — доложил Сабиров с огорченным видом.

— Схватить? Как это — схватить?

— Ну, засечь, определиться. Оно минут двадцать назад проглянуло. Я — за секстантом³, а солнце опять в туман.

— Да, обидно!

Я с интересом смотрел на капитана. Как-то он выйдет из положения? Какое решение примет?

В Океанске мне рассказали о нем нечто вроде легенды. Шел он будто бы лет пятнадцать назад к Шпицбергену. Судно поисковое, маленькое, магнитный компас на нем начал врать. Федосеич приказал тогда кинуть лот, взял якобы грунт лотом со дна, помял в руке, подбросил на ладони и говорит: “Мое место такое-то, подходим к Шпицбергену с юго-юго-востока”.

Капитан повернул ко мне и Андрею свое широкое, простодушное, невозмутимо-спокойное лицо.

— Хочу уточнить место по глубинам, Алексей Петрович, — сказал он. — Здесь дороги хоженные-перехоженные. Карта очень подробная... Ну-ка, старпом, — к эхолоту! Что он у вас там показывает?

Странный водолаз бежит по дну моря под килем “Пятилетки”. Это звук. Когда мы проникнем в глубь “белого пятна”, звук поведет за собой наш корабль.

Принцип эхолота прост. Бесперерывно подаются с судна звуковые сигналы, которые, отразившись от дна, возвращаются в приемник. Надо разделить пополам промежуток времени между подачей сигнала и его приемом и умножить на скорость звука в воде, чтобы получить расстояние от киля до дна.

Делается это автоматически. На вращающемся валике прибора появляется лишь итог — по квадратикам кальки бежит быстрый зигзаг.

Мы вчетвером вошли в штурманскую рубку.

Сабиров быстро переписал последние показания эхолота на листок бумаги и положил перед капитаном.

— Ну-ка, ну-ка! Где же мы? — сказал капитан, наклоняясь над картой и водя по ней толстым пальцем. — Вот пролив. Вот ваша прокладка. Стало быть, где-то здесь... Или здесь?..

Бормоча себе под нос, он принялся сличать цифры глубин, обозначенные на морской карте, с цифрами, выписанными штурманом.

Федосеич искал на карте цепочку глубин, подобную той, что осталась за кормой “Пятилетки”.

— Нашел, — сказал он негромко и спокойно, как всегда. — Четырнадцать метров, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, снова пятнадцать... Отмечайте на карте, штурман. Отсюда и поведете прокладку. Курс — зюйд-ост⁴... — Он вопросительно вскинул на меня глаза: — Так, Алексей Петрович? Пойдем вдоль берега, как говорили, — прибрежной полыньей?

Я кивнул.

Подольше надо было сохранять чистую воду впереди, по возможности избегая встреч с тяжелыми льдами. К высоким широтам я предполагал подняться лишь на меридиане Врангеля.

¹ Течения в проливе Санникова перемешивают воду, делают ее температуру более высокой и ровной, а также поднимают частицы ила со дна. Картина резко меняется, едва лишь корабли выходят из пролива в море.

² Банки — подводные камни.

³ Секстант — прибор, с помощью которого штурман делает астрономические наблюдения, уточняя место корабля в открытом море.

⁴ Юго-восток.

— Еще хватит возни со льдами, — успокаивал Федосеич нашу нетерпеливую молодежь. — И тряхнет и сожмет во льдах. А сейчас горячее надо экономить. И время. В Арктике кругной путь часто короче прямого...

Прибрежная полынья представляет из себя нечто вроде коридора. С одной стороны — лед берегового припая, с другой — пловучие льды. В этом году “коридор” был очень широк. Почти непрерывно дувшие ветры южных румбов отжимали льды от берега, отгоняли их далеко на север.

“Пятилетка” круто повернула на юго-восток и двинулась южной окраиной Восточно-Сибирского моря.

К полудню видимость улучшилась.

Однообразная бурая тундра протянулась с правого борта на много сотен километров. Чуть заметно понижаясь к югу, она сливалась с туманным небом вдаль. По временам ее затягивала колышущаяся завеса дождя.

То и дело на горизонте возникали дымки и над ухом раздавался рев сирены. “Пятилетка” обменивалась приветствиями со встречными танкерами, угольщиками, лесовозами.

Десятки кораблей шли прибрежной полыньей вдоль северного берега Сибири, шли на запад и на восток. Тысячи тонн самого разнообразного груза — мука, книги, швейные машины, обувь, велосипеды, ткани — доставлялись на Крайний Север. Обратным рейсом везли лес из Игарки, пушнину из Тикси, плавиковый шпат из Амдермы, уголь из Нордвика, Диксона и других мест.

Перевозка грузов морем обходилась в сорок раз дешевле, чем перевозка автотранспортом!..

День Советского Заполярья — в полном разгаре. В отличие от обычных дней под другими широтами, он тянется не часы, а месяцы. И все-таки советским полярникам мало этого дня. Им приходится спешить, потому что дотемна надо проверить уйму важных дел.

Нам, например, надо пройти до меридиана острова Врангеля, подняться круто к северу и, словив сопротивление многолетних льдов, проникнуть внутрь “белого пятна”, чтобы начисто стереть его с карты.

Поздно вечером я спустился в каюту и уснул сразу, будто провалился в колодец. Но спать пришлось недолго. Разбудили торопливые шаги по коридору, громкие голоса, какая-то тревожная суета.

Что случилось? Кажется мне или на самом деле пахнет гарью? Пожар на корабле? Этого еще не хватало!

Я вскочил и стал торопливо одеваться.

В дверь постучали:

— Алексей Петрович, это я, Сабиров!..

— Да, да. Войдите!

Оказалось, вахтенный начальник только что доложил капитану, что откуда-то тянет дымком. Капитан решил пока тревоги не объявлять, но приказал Сабирову обойти и тщательно осмотреть корабль.

Источник подозрительного запаха обнаружить не удалось. Замечено было, однако, что на палубе пахнет гораздо сильнее, чем в кубриках, каютах и машинном отделении.

Действительно, когда я вместе с Сабировым поднялся наверх, запах стал ощутительнее. Неужели горело на палубе? Но где?

То тут, то там появлялись силуэты участников экспедиции. Они бестолково бродили по палубе, сталкиваясь друг с другом и обмениваясь недоуменными замечаниями.

Какая-то нахохлившаяся, с поднятым воротником фигура очутилась даже на капитанском мостике. Это было против правил. На мостик, помимо моряков, поднимались только я, Андрей и Степан Иванович. Но капитан не обратил внимания на пришельца и не выпроводил вон (для этого Федосеичу достаточно было лишь возпросительно поднять мохнатые широкие брови). Капитан был погружен в раздумье. Стоя у перил, он пристально вглядывался в сторону берега.

— Ну и туман! — сказал я, ни к кому не обращаясь. — Туман, а влаги нет. Какой-то сухой, удушливый и...

Я так и не подобрал сравнения.

— А у меня что-то неважное самочувствие, — подала голос из угла нахохлившаяся фигура, и тут мы узнали в ней Союшкина. — Сначала было холодно, теперь стало жарко. Вам тоже жарко?

— Черт знает что! — пробормотал Сабиров. — Тут люди о корабле переживают, а он с самочувствием со своим...

Я совсем было собрался спровадить Союшкина с мостика, чтобы не надоедал своими разглагольствованиями, как вдруг почувствовал, что и впрямь жарко. На этот раз “Штатный скептик” был прав, в воздухе определенно потеплело.

Сабиров шагнул к будке, в которой был тут же, на мостике, установлен термометр, нагнулся к нему, удивленно крякнул.

— Вы что, товарищ Сабиров?

— Семнадцать градусов выше нуля!

— Семнадцать? Не может быть!

— Нет, точно, Алексей Петрович. Проверьте сами: семнадцать. За Полярным кругом — семнадцать! А полчаса назад было всего шесть. Я записывал в вахтенный журнал... Отчего это так скакнула температура?

Он выпрямился и застыл, глядя в сторону Союшкина, как замороженный.

— Я не знаю, отчего скакнула температура, — сказал тот, высокомерно вздергивая подбородок. — Что вы устали на меня, товарищ Сабиров? На мне, я думаю, ничего не написано!

— Правильно. Зато за вашей спиной... Союшкин поспешно обернулся:

— За спиной нет ничего!
— На небо, на солнце смотрите!
— О!..

Солнце висело в паутине рей прямо по курсу корабля. Оно медленно всплывало над морем, но, вопреки здравому смыслу, не светлело, а темнело, постепенно затягиваясь мутной, коричневатого оттенка пеленой.

— Затмение? — неуверенно начал Союшкин.

— Ну конечно, пожар! — сказал я, переводя дыхание. — Но не на корабле, а за много километров от корабля. Правильно, Никандр Федосеич?

— Гарь, — коротко сказал капитан.

— Ветер дует с юго-запада. Так, товарищ Сабилов?

— С юго-запада, Алексей Петрович.

— Вот вам и разгадка. Когда задул ветер?

— Часа полтора назад.

— Тогда и дымком потянуло?

— А! Тайга горит, — догадался Союшкин.

— Где-то очень далеко от нас, — подтвердил капитан. — За сотни, а то и тысячи километров.

Воздух все больше наполнялся мглой, через которую едва просвечивало солнце. Это был какой-то коричневатый, непривычный на море, сухой туман. Едкий запах все усиливался. На палубе стало трудно дышать, и я разогнал по каютам и кубрикам всех, кто не стоял вахту.

— Да, где-то пылает всюду, — сказал Андрей, спускаясь следом за мной по трапу. — Вон куда дымок дотянуло! Из тайги — в Восточно-Сибирское море!

Этот далекий пожар в тайге задержал наш корабль. Мгла сделалась настолько густой (в каютах пришлось работать при электрическом освещении), что плавание, особенно в непосредственной близости берегов, было небезопасно. Федосеич приказал застопорить машины и стать на якорь.

Как полагается, необыкновенное происшествие с педантичной точностью было занесено в вахтенный журнал. Кроме того, я распорядился, чтобы о гари радиовали на Большую землю.

После полудня, когда температура упала до двух градусов, туман рассеялся и “Пятилетка” продолжала плавание, снова донеслась весть о пожаре.

Во время обеда Вяхирев включил радио в кают-компанию.

— “...огнем охвачены огромные пространства тайги, — услышали мы продолжение “Последних известий”. — На тушение пожара брошены десятки самолетов. В тайгу из ближайших населенных пунктов направилось значительное количество спасательных команд. По мнению старожилов, это один из самых грандиозных лесных пожаров за последние годы. Дым от пожара покрывает чрезвычайно большую территорию. Речные корабли и плоты двигаются по Лене в сплошном красноватом тумане. Есть сведения, что запах гари доносится даже до моря и отмечен на кораблях, совершающих каботажное плавание!...”

Вот каков был пожар, о котором мы сначала узнали по запаху и лишь потом услышали по радио!

Но этим не кончились причуды юго-западного ветра. Обед был прерван Сабировым.

— Пожалуйста наверх, Алексей Петрович, — сказал он в переговорную трубу, которая соединяет кают-компанию с капитанским мостиком, и в интонации его голоса я различил удивление. — Справа по курсу — пестрые пятна!

Справа по курсу были льды берегового припая. Выглядели они неприглядно. В трещинах выступила мутная вода, мокрый снег смешался с песком и пучками прошлогодней травы. Похоже было на пустырь, заваленный мусором, или на болото поздней осенью.

Но сейчас льдины приобрели неожиданно нарядный вид. На них видно было что-то пестрое.

— Странно! Очень странно! — бормотал капитан, опуская бинокль и тщательно протирая линзы носовым платком. — Никогда не видел такого.

— Совсем цветы, а? — заметил Андрей. — Клумбы цветов.

— Цветы? — переспросил капитан — Что вы! На льду?

— Нет, скорее водоросли. Вы рассказывали, что видели как-то скопление морских водорослей на льду...

— Но те были одноцветные — зеленые... Странные пятна переливались всеми цветами радуги.

Такие появляются перед глазами, если долго смотреть на солнце. Однако после полудня солнце спряталось за облаками. Самым зорким из нас оказался сигнальщик.

Обо всем, что возникает в поле его зрения, он обязан докладывать, не раздумывая, без запинки. Но голос сигнальщика дрогнул и осекся, когда он сказал:

— Бабочки...

Мы убедились в этом, когда, огибая мыс, корабль подошел ко льдам вплотную.

Мириады разноцветных бабочек сидели на льдинах. При нашем приближении они поднялись в воздух и закружились над кораблем.

Как они могли очутиться здесь?..

— Опять ветер виноват? — спросил Сабиров.

---

¹ Каботажное плавание — плавание вдоль берегов.

— Конечно.

Ветры южных и юго-западных румбов продолжали дуть не переставая. В этом и была разгадка появления бабочек в Восточно-Сибирском море. Сюда их пригнали ветры — подхватили в далеких сибирских лесах и отнесли за сотни километров в океан. Сначала принесло запах гари, затем бабочек.

Разноцветное облако еще долго носилось над кораблем. Напуганные окружающим холодом и блеском льдов, бабочки садились прямо на палубу, облепляли реи, трепеща крыльями, медленно ползли вверх по мачтам.

Издали “Пятилетка”, наверное, представляла из себя удивительное зрелище. Она была как бы украшена праздничными флагами расцвечивания.

— Счастливая примета, — сказал Сабиров, потирая руки. (Как многие молодые моряки, желая поддержать традицию, он притворялся, что суеверен и придает значение всяким предзнаменованиям.)

— Какая примета? — удивленно спросил Степан Иванович, поднявшийся на мостик полюбоваться на бабочек.

— Я верю в приметы, Степан Иванович. На суше не верю, а на море верю.

— Кокетничаєте, товарищ Сабиров? Ну, я понимаю еще “красный закат — к ветру”, или как там у вас: “чайка ходит по песку, моряку сулит тоску”... Но при чем тут бабочки?

Сабиров задумался. Действительно, при чем тут были бабочки?

— Мне вот что странно, — сказал Андрей, меняя разговор. — Почему это большинству иноземных путешественников Арктика казалась мрачной? Возьмите хотя бы того же Текльтона. На каждой странице встречаем в его книге: “гнетущая”, “пугающая”, “безжизненная”...

— Не от восприятия ли зависит? — предположил я. — От того, каков человек. Если стекла бинокля закопчены, ничего хорошего не увидишь в такой бинокль.

— Хочешь сказать, что мы более жизнерадостны, более оптимистичны? Бесспорно!.. — Нет, Андрей Иванович, я понимаю шире, — заявил Сабиров, который, так и не придумав, почему бабочки должны сулить удачу, решил больше не ломать над этим голову. — Мы, советские люди, несем с собой жизнь в пустыню, не так ли? И вот пустыня откликается на наш призыв хором голосов...

— Вы поэт, товарищ Сабиров!

— Моряк, — скромно поправил старпом. — Моряк — он всегда немного поэт.

По тому, как взглянул на меня Андрей, я понял, что мы подумали об одном и том же: откликнется ли на призыв эхолота таинственная Земля Ветлугина...

На исходе пятого дня с начала путешествия мы приблизились к устью Колымы.

Осторожный Федосеич приказал замедлить ход и выслал на бак впередсмотрящих.

Здесь нельзя зевать, надо глядеть в оба. Сибирские реки выносят в море в огромном количестве плавник — стволы деревьев, подмытых во время половодья и вырванных с корнями где-нибудь в верховьях, в дремучей тайге. Беда, если такой ствол попадет в винт корабля. Случается, что на винт наматываются и рыбачьи сети, которые срывает штормом.

Я стоял на капитанском мостике, когда сильный толчок внезапно потряс судно. Его как бы передернула судорога от киля до мачт.

“Пятилетка” сразу сбросила ход. Впечатление было такое, будто она тяжело ползет килем по дну. Если бы шли по реке, с уверенностью можно было бы сказать, что наскочили на пережат. Но мы были в открытом море. Неужели намыло отмель, не показанную в лоции? Почему же тогда Федосеич не стопорит машины?

Все эти вопросы мгновенно пронеслись в голове. Потом я перевел взгляд с безмятежной глади моря на спокойное лицо капитана и понял.

— Река? — сказал я полуутвердительно, полувопросительным тоном.

— Она. И в море с кораблями шутки играет...

— Вы думаете — пережат, отмель?

— Какой там пережат! Какая отмель! Глубины здесь более чем достаточны.

Но море выглядело необычно. Поперечные волны, расходившиеся за кормой от винтов, сделались сейчас очень большими, хотя вода вокруг оставалась зеркально гладкой. Перед форштевнем бежала странная одиночная волна, которую корабль как бы толкал перед собой.

Мы, гидрографы, называем это явление “мертвой водой”. Пресная речная вода намного легче морской, соленой, и, вытекая в море, располагается сверху сравнительно тонким слоем. Возникает своеобразное мелководье. На плоскости, разделяющей два слоя воды, гребные винты корабля образуют большие волны под килем, на что попусту расходуют часть своей энергии. Отсюда и резкое снижение хода. Парусные же корабли, попав в зону “мертвой воды”, перестают слушаться руля и сбиваются с курса.

— Пошли! Пошли! — закричали на баке. Тахометр, отсчитывающий скорость хода корабля, затикал быстрее. Ничего не изменилось на гладкой водной поверхности, но корабль рванулся вперед, будто распряженный конь.

— Ход двенадцать узлов! — повеселевшим голосом доложил механик, поднимаясь на мостик.

За ним взбежал по трапу улыбающийся Сабиров. Он держал в руке раскрытый вахтенный журнал, которым размахивал из стороны в сторону.

— Будто дьякон с кадилом! — недовольно сказал Федосеич. — Что это вы, старпом? — Хочу, чтобы чернила скорей просохли, товарищ капитан.

Мы увидели огромную жирную кляксу, расплзающуюся по странице.

— Как неаккуратно, товарищ Сабиров! — упрекнул Федосеич. — Ведь журнал, официальный документ!

— А это не я, Никандр Федосеич! Под кляксой было написано:

“След толчка. 8 августа в 19.15 корабль вошел в “мертвую воду”. В 19.21 вышел из нее”.

Выяснилось, что старпом просматривал в каюте вахтенный журнал, когда корабль резко сбросил ход. Чернила выплеснулись от толчка на бумагу — чернильница сама, без помощи Сабирова, отметила удивительное происшествие!

— Здесь неточно, надо дописать, — сказал я, прочитав запись. — Добавьте: 8 августа в 19.15 корабль пристроился в кильватер судну неизвестных землепроходцев XVII века.

Федосеич и Сабиров недоумевающе переглянулись. Механик, удивившись, вынул трубку из рта. Только Андрей понимающе кивнул.

— Я не шучу, — продолжал я. — “Мертвая вода” — это как бы веха на пути... Помнишь “мертвую воду”, Андрей Иванович? Из “скаски”?..

— Ну, как же!..

Стало быть, это не выдумка, не яркая сказочная подробность, как можно было предположить, а нечто вполне реальное!

Очень важно для нас было убедиться в том, что храбрый корщик Веденей, опередивший наш корабль на три столетия, не фантазировал, а описывал факты, хотя зачастую не умел дать им правильное истолкование.

— Выходит, идем верно, — пояснил я капитану, Сабирову и механику. — На одном конце пути — “мертвая вода”, о которой писал Веденей, на другом — Земля Ветлугина, которую он видел со своими товарищами.

— Вполне убедительно, — согласился механик. Пройдя “мертвую воду”, “Пятилетка” взяла курс на северо-восток, повторив в точности маневр землепроходцев, направивших в этом месте свой коч “промеж сивер на полуношник”.

Вечером в кают-компании было оживленнее обычного.

— Чего же ждать теперь? — спрашивали меня и Андрея участники экспедиции. — Если верить Веденею, на нас должен напасть водяной?..

— Предупредите заранее, Алексей Петрович: фотоаппараты приготовим!

— Лучше тралом его, проклятого, а потом — препарировать!

— Нет, тут уж, Андрей Иванович, как хотите, взял Веденей греха на душу...

Мы с Андреем улыбались, пожимали плечами, отмалчивались.

Глава четвертая **К ЗЕМЛЕ ВЕТЛУГИНА НАПРОЛОМ**

Мы сами не ожидали, что через полтора дня будем наблюдать и вторую “сказочную” веху, о которой писал Веденей.

Пловучие льды находились еще далеко. Сколько ни смотрели вахтенные в бинокли, белесого “ледяного неба”, предвестия пловучих льдов, видно не было. Облака на горизонте казались очень темными. В противоположность “ледяному”, это было так называемое “водяное небо”, отражение больших водных пространств.

Однако я понимал, что долго так продолжаться не может. Ветер должен был перемениться. И с ночи он начал меняться. А к утру разыгрался шторм.

Наша молодежь, которой прискучило плавание вдоль берега, не уходила с палубы. Каждый хотел поскорее “оморячиться”. Даже Союшкин, имевший зеленоватый вид, стоически мок наверху и, косясь на вскипавшие и опадавшие за бортом холмы с белыми прожилками пены, толковал о чем-то ученом, кажется об элементах волн.

Я с удивлением узнал, что наш Сабиров, “старый морской волк”, совершивший кругосветное плавание, плохо переносит качку. По временам ему делалось совсем нехорошо. Но он преодолевал нездоровье, ни в чем не давал себе поблажки, даже не присаживался, и с обычным рвением выполнял свою работу.

— Некогда раскисать, нельзя раскисать, — пояснил он мне шепотом, заставляя себя улыбнуться. — Попробуй прилечь на минуточку — и го тов!.. Уже не моряк, а пассажир, конченный человек!

— Неужели это с вами всегда так? — посочувствовал я.

— После долгого перерыва в плавании — всегда, Алексей Петрович. Вы только девушкам не рассказывайте. Они не поймут этого... А чем я виноват, что у меня такой аппарат равновесия в среднем ухе? У одних он лучше отрегулирован, у других хуже. У меня хуже. В общем, неуравновешенный человек! — Он засмеялся. — Ну, и что же? Из-за какого-то среднего уха отказываться от любимой профессии? Дудки! Нет, ничего, Алексей Петрович, я приноровлюсь, я втянусь! Ведь учтите: год без малого околачивался на берегу. Госпиталь, санаторий, то да се... А море не любит этого. Оно — как ревнивая жена. Вот и достается сейчас!..

Сабиров извинился и побежал на бак, заметив там не порядок. За ним вразвалку протрусил боцман.

Наш приятель так старательно “приноравливался” и “втягивался”, что уже через час или полтора полностью стряхнул с себя нездоровье. Теперь он с состраданием поглядывал на тех молодых научных сотрудников, которых с непривычки укачало. Союшкина даже помог препроводить по трапу вниз — бережно, под руки, как захмелевшего архиерея.

Мой аппарат равновесия, по счастью, “отрегулирован” лучше, чем у многих других, поэтому я не испытывал никаких неудобств от шторма. Однако мне не нравилось направление ветра. Ветер был нехорош. Он дул с севера, из недр Арктики.

Видимо, почти безмятежное плавание “Пятилетки” по чистой воде заканчивалось. Надо было ожидать, что вскоре северный ветер пригонит навстречу пловучие льды.

Таково было мнение и Федосеича.

Но перед этим довелось увидеть довольно редкое зрелище — образование донного льда.

Шторм уже утих к тому времени. Море было совершенно спокойно, будто и не бушевало несколько часов назад.

Внезапно на поверхность всплыли огромные массы мелкого льда и окружили корабль со всех сторон.

Этому удивительному явлению предшествовало резкое помутнение воды. Зеркальную поверхность ее как бы заволокло туманом изнутри. Затем круглые, будто аккуратно выточенные на токарном станке, диски, разбрасывая ослепительные отблески, вынырнули наверх.

С каждой секундой их становилось все больше. Они увеличивались в размерах, смерзались на глазах. Сейчас это очень напоминало чешую.

Еще мгновение — и все замерло, оцепенело вокруг.

— Донный лед, — сказал кто-то.

Я оглянулся. Андрей стоял за моей спиной с биноклем в руках.

Да, шторм поднял этот лед из пучины вод.

Северный, очень холодный ветер взбаламутил неглубокое Восточно-Сибирское море до самого дна, перемешал его воды, — образование льда началось поэтому не на поверхности моря, как обычно, а на дне.

Туманное видение пронеслось передо мной. Четырехугольный темный парус выделялся на белом фоне. В узком суденышке с высоким, загнутым кверху носом плыли люди. Одни, поднявшись во весь рост, отталкивались веслами от льдин, обступивших корабль. Другие пугливо крестились, сбившись в кучу и побросав весла. Чернобородый человек в остроконечной шапке, стоявший на руле, успокаивал своих товарищей...

— Так вот что видели наши предшественники! — взволнованно сказал я, указывая на побелевшее море. — Лед, наверное, вынырнул так же неожиданно, как сейчас. Призрачный. Непонятный. Сковал коч. И... как там сказано в “скаске”, Андрей? “...хладом дохнуло”?

— “Смертным хладом дохнуло”.

Андрей продолжал присматриваться к чешуйкам льда за бортом. Подняв к глазам бинокль, медленно, метр за метром, изучал оледеневшую поверхность моря.

Я понял, чего он ищет.

— Ждешь, что лед поднимет наверх пиццаль либо острогу землепроходцев?..

Андрей пожал плечами.

Что ж, в таком предположении, в конце концов, не было бы ничего нелепого.

Поднял же лед со дна старинный кованый сундук у берегов Лабрадора. В нем не было, правда, никаких сокровищ, только инструменты. По надписи на внутренней стороне крышки установили, что сундук принадлежал матросу корабля, затонувшего в этих местах несколько столетий назад.

Нет, нам не было такой удачи. Если “Веденей со товарищи” и обронули что-нибудь на дно, там оно и оставалось. Восточно-Сибирское море ревниво хранило свои тайны...

Между тем тревожные белые отблески уже сверкали над головой. В небе, как в зеркале, отражались сплошные ледяные поля, далекие, еще невидимые, двигавшиеся где-то на расстоянии многих километров от нас.

Дул свежий встречный ветер. Шуршал по бортам лед. Пока это был мелкобитый лед, и “Пятилетка” легко раздвигала его.

Час от часу он становился плотнее. Он не шуршал уже, а скрипел, скрежетал, цепляясь за обшивку.

Наконец небо над горизонтом побелело все сплошь. Грозный признак!

Появились первые большие поля зимнего происхождения. Толщина их достигала почти метра. Но их можно было бы назвать лишь “застрельщиками”, “передовыми частями”, высланными навстречу для того, чтобы завязать бой. Главные силы Арктики были еще впереди.

Осторожный и расчетливый Федосеич по-прежнему экономил горючее и время, предпочитая обойти встречное поле, а не форсировать его.

Белая пустыня двигалась на нас.

Зигзагообразные трещины-разводья бороздили ее во всех направлениях. Так выглядит, наверное, степь после землетрясения.

Однако разводья делались все уже, поля сдвигались теснее, возможностей для маневрирования становилось все меньше.

“Лед — семь баллов”, — занес Сабилов в вахтенный журнал.

“Семь баллов” означало, что участок моря впереди “Пятилетки” покрыт льдом примерно на семьдесят процентов всей его площади.

— Полный вперед! — негромко говорил Федосеич в переговорную трубу, соединявшую капитанский мостик с машинным отделением.

Могучий корабль делал рывок, всползал на ледяное поле, подминал его под себя, давил, ломал, крошил. Это позволяло кораблю продвинуться вперед примерно на одну треть корпуса. Таков был “шаг” “Пятилетки” во льдах.

— Малый назад! — говорил Федосеич.

И ледокол пятился, отходил, осторожно и неторопливо, чтобы не повредить винт в обломках льда. Взяв разгон, он снова устремлялся на ледяное поле.

Так, раз за разом, с силой бросал Федосеич все три тысячи тонн нашей “Пятилетки” на врага. Корабль, послушный воле своего капитана, превратился в гигантскую секиру, вернее — в колун. И льды Восточно-Сибирского моря неохотно расступались перед нами.

Только сейчас мы увидели настоящего Федосеича. Он как бы проснулся. Нет, это, пожалуй, неточно сказано. У читателя не должно быть впечатления, что ледокол вел до сих пор сонный и вялый капитан. Может быть, ему и было немного скучно в прибрежной полынье, но он не показывал виду. Зато, столкнувшись наконец с пловучими льдами, Федосеич сразу как-то подобрался, ожил, повеселел.

Бесстрашные светлые глаза его то и дело шурились. Иногда с задумчивым видом он принимался подкручивать кончики своих обвисших, желтых от табака усов. Все это свидетельствовало о том, что наш капитан получает истинное удовольствие от борьбы со льдами.

— Душа распрямляется во льдах, — признался он однажды, когда на мостике, кроме него, было только двое: я и рулевой. (Капитан не любил выражать свои чувства на людях.)

Я залюбовался капитаном.

Наверное, Веденей тоже говорил о себе так: “Душа распрямляется во льдах”... И хотя автор “сказки” почему-то представлялся мне худощавым человеком средних лет, с угловатыми чертами лица и черной бородкой клинышком, а Федосеичу давно перевалило за пятьдесят и красное лицо его украшали только седоватые прокуренные усы, что-то общее, должно быть, было во внешности обоих мореплавателей. Быть может, прищур глаз, очень светлых, как бы отражавших блеск и белизну льдов впереди?..

“Сплоченность льда — восемь баллов”, — аккуратно вывел Сабиров в вахтенном журнале. А двумя или тремя строками ниже уточнил: “Торосистый, многолетнего происхождения”.

Это было мягко сказано. К сожалению, образность не допускается в вахтенном журнале, в этой неукоснительно точной, хоть и лаконичной летописи плавания. А надо бы написать: “Свирепые, чудовищные льды”. И поставить два или три восклицательных знака.

Главные силы Арктики вступили в дело.

Толщина льда достигала теперь четырех метров. На ледяных “площадках”, наподобие корабельных надстроек, торчали зловеющие торосы — ледяные валы и скалы. Кроме того, большинство льдин в своей подводной части было снабжено устрашающими таранами.

А главное — лед этот был чертовски крепок. В старом, многолетнем льде очень мало солей, поэтому он значительно прочнее молодого, годовалого, и возни с ним куда больше.

Все свое искусство, весь свой опыт “ледового капитана” пришлось пустить Федосеичу в ход, чтобы провести ледокол через новое препятствие, не повредив лопасти винта. Правда, мы захватили с собой и везли в трюме запасные лопасти, но насаживать их в теперешних условиях было бы нелегко и отняло бы очень много времени.

Гребной винт — это “ахиллсова пята” ледокола, его наиболее слабое и уязвимое место. Немало мог бы рассказать об этом Степан Иванович, поднявшийся на мостик, чтобы “провесть” нас, и неодобрительно поглядывавший на теснившиеся вокруг корабля льдины,

Ведь наш парторг — сибиряковец. Он был на знаменитом ледокольном пароходе “Сибиряков”, когда тот совершал свой исторический рейс из Архангельска во Владивосток в одну навигацию. Под конец плавания, в Чукотском море, то есть на самом пороге Берингова пролива, произошла авария. Обломался конец гребного винта и пошел ко дну. Сибиряковцев вывезла русская смекалка. Они использовали шесть больших брезентов, которыми прикрывались трюмные люки, и поставили их вместо парусов. Так, под парусами, легендарный ледокольный пароход прошел последние сто миль, отделявшие его от цели — выхода в Тихий океан...

Впрочем, тактичный Степан Иванович понимал, что упоминание о потере гребного винта было бы сейчас некстати. Это означало бы — “говорить под руку”.

Широкие плечи рулевого были неподвижны, но спицы штурвала так и мелькали в его проворных, сильных руках. Капитан менял курс почти ежеминутно. “Курсовой двадцать!” — негромко бросал он рулевому, не отводя взгляда от наплывающих на нас полей. “Курсовой тридцать пять!”, “Курсовой пять!”

Я диву давался, слушая его команду. Почему Федосеич повернул вот в это разводе, а не в другое, соседнее? То было даже шире и не так уведило от нашего генерального курса — норд-ост. Но не полагается давать капитану советы на мостике.

Мы продвигались узким каналом несколько десятков метров, и я убеждался, что Федосеич был прав. Именно это разводе выводило нас из скопления льдин, а соседнее не годилось никуда. Если бы ледокол залез в него, то уперся бы в тупик.

Но как Федосеич сумел определить это? По каким мельчайшим, непонятым, едва уловимым признакам или сочетанию признаков? И почему, проявляя величайшую осмотрительность, он вдруг, не колеблясь, командовал в переговорную трубу: “Полный вперед!” — фигурально выражаясь, поднимал ледокол на дыбы, чтобы форсировать перемышку между полями?

Это и было, по-видимому, то “чутье”, о котором мне толковали еще в Москве. Федосеич, уроженец Соломбалы¹ потомок поморов, ходивший с юных лет по “Сибирскому океану”, не только “понимал” льды, по и “чувствовал” их, иначе говоря — обладал интуицией “ледового капитана”, сложнейшим сплавом знаний, опыта и, конечно, вдохновения...

По разводьям в обход ледяных полей, а иногда напролом через льды — таков был наш путь.

Чертов ветер! Будто подрядился дуть. Хоть бы передохнул денек!

Толпы льдин, подгоняемые им, безостановочно двигались навстречу, теснясь и толкаясь, словно пытаются остановить наш корабль, отогнать назад, к Большой земле.

Видимо, во времена Веденя ледовая обстановка складывалась иначе. Судя по “скаске”, сразу же после встречи с донным льдом судно землепроходцев было подхвачено попутными пловучими льдами, которые потащили его к Земле Ветлугина.

Попутные льды ожидали и нас, но значительно севернее, там, где начинался великий “ледоход” — вынос больших масс льда из восточных полярных морей на северо-запад.

Ближайшей нашей целью была большая полынья к северу от острова Врангеля. Научные наблюдения, проведенные Андреем в бытность его на острове, убеждали в том, что на севере раскинулись обширные пространства, на которых старый лед сравнительно разрежен.

Но велика ли эта благословенная полынья и как далеко она простирается на северо-запад, в нужном для нас направлении, оставалось неизвестным.

Об этом приходилось только гадать.

В описываемое мною время — середина тридцатых годов — плавать в восточном секторе Арктики было гораздо труднее, чем в западном.

— Не то, не то! И сравнить нельзя! — сердито говорил Федосеич. — Кому уж сравнивать, как не мне?.. В Баренцевом, в Карском, в море Лаптевых метеостанций полно! Каждый твой шаг сторожат. Успевай получать радиogramмы: там барометрическое давление понизилось, тут повысилось, там ветер таких-то румбов, тут таких, там тяжелые льды, тут послабее... Прокладываешь курс с открытыми глазами... А здесь? — Он махнул рукой.

— Море тайн, море тьмы? — подсказал Андрей.

— Вот-вот! Именно — тьмы! Хоть и солнышко светит и белым-бело вокруг, а все равно темно.

— А как же чутье, нутро, Никандр Федосеич?

— Ну что — нутро? — сердито сказал Федосеич. — Нутро нутром, а прогноз мне подай!..

Но некому было дать ему этот прогноз. В восточном секторе Арктики было только две метеостанции² и те уже остались далеко позади.

Правда, на борту “Пятилетки” был метеоролог, который проводил регулярные наблюдения. На их основе мы с Андреем пытались строить кое-какие предположения. Однако слишком мало было материалов в наших руках, чтобы судить о состоянии льдов всего Восточно-Сибирского моря или хотя бы значительной части его.

— Убедились, Степан Иванович? — то и дело спрашивал Андрей нашего парторга. — Сами видите теперь, как нужна Земля Ветлугина!

— Да уж вижу, вижу...

— Твердь нужна, твердь! — подхватывал я. — Чтобы хоть ногу поставить! Чтобы точка опоры была!

— Для них ведь стараемся, для капитанов! — Андрей указывал на Федосеича. — Хотим, чтобы плавали по морю с открытыми глазами...

— Да, хорошо бы — земля! — мечтательно вздыхал Сабиров. — Земля, а на ней полярная станция, а на станции метеоролог и радист.

— Для того и протискиваемся сквозь льды...

Мы были в положении путника, который, взбираясь по склону горы, не может составить себе общего представления о горе, охватить взглядом всю ее целиком.

Авиаразведка? Понятно, в нашем положении нам очень помогла бы авиаразведка. Но она начала примечаться всего за год до нашей экспедиции. Дважды вылетал с острова Врангеля самолет, стремясь проложить “Пятилетке” путь во льдах, и возвращался обратно из-за плохой видимости.

Конечно, сейчас, в начале 50-х годов, может показаться странным, почему мы не решились отправиться к Земле Ветлугина напрямик — не по морю, а по воздуху. Но не надо забывать, что в описываемое мною время еще не были совершены героические полеты над Арктикой Чкалова, Громова, Водопьянова и других отважных советских летчиков. Наша полярная авиация только расправляла крылья, набирала разгон.

¹ Соломбала — пригород Архангельска.

² В настоящее время положение в восточном секторе Советской Арктики совсем иное. Многочисленные полярные станции ведут ежедневные регулярные наблюдения над состоянием льда, над процессами его зарождения и разрушения. Кроме того, на побережье создано и плодотворно работает арктическое бюро погоды. Прибавьте к этому широко применяемую ледовую авиаразведку, и вы поймете, что картина резко изменилась. Сейчас собирается разносторонний и богатый материал для составления ледовых прогнозов

Мало того. Участвуя с Андреем в эвакуации команды “Ямала”, я видел, как восторошен лед в северо-восточной части Восточно-Сибирского моря. Были основания думать, что внутри “белого пятна” он восторошен еще больше.

Найдется ли там подходящая посадочная площадка? Окажется ли Арктика достаточно гостеприимной, приготовит ли она площадку для нас?

Вот что возбуждала опасения.

— Нет уж, по старинке — кораблем — надежнее! — говорил Андрей. — Дольше конечно, зато надежнее...

Другое дело, если бы внутри “белого пятна” были люди, которые расчистили бы для наших самолетов аэродром на льду!

Ах, как нужна была земля в этом районе Арктики, позарез нужна, — и не только морякам, но и летчикам!..

Но пока далекие острова пустуют в ожидании нас, мы занимаемся увлекательной и ответственной научной работой — проводим так называемый гидрологический разрез моря. (До “Пятилетки” в этих местах еще не бывало ни одно гидрографическое судно.)

Андрей занят изучением морского дна. По многу часов проводит он в штурманской рубке, забившись в уголок у эхолота. В рубке очень тесно. Он и Сабиров касаются локтями друг друга, но Сабиров не жалуется. Со свойственным ему добродушием старший помощник называет Андрея своим “угловым жильцом”.

Частенько заглядываю сюда и я.

Изобретение эхолота связано с именем русского ученого Захарова, который, поднявшись в 1804 году на воздушном шаре, крикнул вниз в рупор и через десять секунд услышал эхо. По скорости звука нетрудно было вычислить, на какой высоте находится аэронавт.

Правда, между открытием принципа и созданием прибора прошло еще немало времени — более столетия, — зато когда появился эхолот, это было настоящим переворотом в океанографии. Океанографы всего мира получили возможность изучать и наносить на карту рельеф морского дна, какая бы огромная глубина ни отделяла его от поверхности.

Измерены были с помощью эхолота впадины мирового океана до одиннадцати километров глубиной, обнаружены подводные плато, горные кряжи, ущелья.

Люди увидели на кальке эхолота новый подводный мир, считавшийся ранее недостижимым для человеческого глаза...

Раздумывая над тем, как найти нашу землю-невидимку, закрытую большую часть года туманом или погребенную под снегом, мы с Андреем пришли к выводу, что надо не доверяться зрению, а положиться на слух, то есть прибегнуть к помощи эхолота.

Есть пословица: “Как аукнется, так и откликнется”. В этих словах заключался план нашей гидрографической экспедиции, одобренный академиком Афанасьевым.

Преодолевая сопротивление льдов, мы должны пройти к северо-восточной окраине Восточно-Сибирского моря, подняться к “белому пятну” и, проникнув внутрь его, несколько раз пересечь в различных направлениях, непрерывно простукивая дно эхолотом.

Если в пределах “белого пятна” находятся острова, они дадут знать о приближении к ним изменением зигзага на кальке...

Сравнительно редко — только у Скалистых гор в Америке и у Филиппин — берега континента обрываются в море сразу на очень большие глубины. Чаще переход совершается постепенно. Пологая материковая отмель о глубинами, не превышающими двухсот метров, составляет около одной десятой части всей площади мирового океана. Наиболее далеко от берега отходит она именно у северных берегов Европы и Азии.

Кто-то из океанографов назвал материковую отмель “подводным продолжением континента”. Это очень точно. Именно поэтому на арктической материковой отмели много островов — Шпицберген, Земля Франца-Иосифа, Новая Земля и т.д.

Дальше идет материковый склон, потом — ложе океана.

На океанских глубинах, то есть глубинах свыше двух с половиной тысяч метров, могут встретиться только острова вулканического происхождения — такие, как остров Генриетты в западной части Восточно-Сибирского моря. Но трудно думать, что наша земля-невидимка — вулканического происхождения. Вернее другое.

Что, если Земля Ветлугина была когда-то горным кряжем? Кряж опустился под воду, на поверхности воды остались только его вершины. Это и есть наши острова!.. Не сводя глаз с эхолота, я стараюсь представить себе нырнувший на дно горный кряж...

Предполагают, что много столетий назад здесь была суша, продолжение Европейско-Азиатского материка. Морской прибой постепенно размывал берега, вгрызался в материк все дальше и дальше. В извечной борьбе суши с океаном одолевал океан.

Так ушли под воду огромные пространства земли и стали дном окраинных сибирских морей: Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского, Чукотского.

Восточный сектор Арктики подобен легендарной Атлантиде, описанной Платоном. Только та, по словам Платона, нырнула под воду сразу вся, внезапно, а здесь опускание происходит очень медленно, год за годом. Быть может, так же опускается и наша земля?..

Линия постепенно удаляется от края ленты: эхолот отмечает глубины: 17, 19, 23, 31, 48, 56 метров. Чем дальше на север, тем материковая отмель понижается все больше.

Сидя у прибора, мы как бы видим сбоку всю толщу воды и профиль дна, над которыми проплывает наш корабль.

Вот в глубокой впадине между двумя подводными рифами появились две линии. Нижняя — это скала, верхняя — поверхность толстого слоя ила, скопившегося внутри впадины.

На кальке неожиданно возникла третья волнистая линия — почти у самого киля корабля. Она стремительно, под острым углом, уходит вглубь. Это косяк рыб, потревоженный и спасающийся бегством от устрашающего шума винтов.

Наверху, в реях, свистит ветер, раздается громкая команда, ледокол протискивается со скрежетом между ледяными полями, но сюда, в штурманскую рубку, где находится эхолот, доносятся лишь слабые отзвуки.

Андрей поправляет валик. Медленно тикают часы.

Мы идем и идем на северо-восток, простукивая дно невидимой “волшебной палочкой”...

Острая на язык молодежь называла частые отлучки Андрея в штурманскую рубку “погружением на дно”. Действительно, появляясь в кают-компании в часы завтрака, обеда и ужина, он имел такой вид, будто только что вынырнул на поверхность и с удивлением оглядывается по сторонам.

— У вас там хорошо, Андрей Иванович, — говорил ему Таратута или Вяхирев. — Спокойно. Тихо.

— Где? В рубке?

— Нет, на дне морском. А у нас шум, грохот. Льдины сталкиваются друг с другом. Полчаса назад снова перемычку форсировали.

Как-то, запоздав к обеду, мой друг не сразу понял, почему в кают-компании такое ликование. Оказалось, что на горизонте видно темное — “водяное” — небо.

Долгожданная полынья к северу от острова Врангеля! Всех будто сбрызнуло “живой водой”. Вода во льдах — это почти то же, что вода о пустыне.

Сабиров балагурил больше обычного. Степан Иванович усмехался в усы. Даже молчаливый и замкнутый Тынты Куркин, очень похожий в профиль на индейца, стал улыбаться — видно, и ему надоело раскачиваться, как на качелях, на палубе ледокола, форсирующего льды.

Только меня брало сомнение. Что-то уж слишком рано появилась эта полынья!

Лицо капитана было невозмутимо спокойно, как всегда. Но он не шурился — многозначительный признак! Чутье не обмануло его и на этот раз. Льды Восточно-Сибирского моря сыграли с нами шутку: полынья оказалась мнимой.

Когда мы приблизились, то увидели очень сплоченный, мощный, многолетний лед. Но, в отличие от окружавших его ледяных полей, он был не белым, а темно-бурым, попросту грязным. Соответственного цвета было и его отражение на небе, что ввело нас в заблуждение.

Мнимой полыней “Пятилетка” продвигалась около четверти часа. Струдившись у борта, участники экспедиции с удивлением наблюдали за тем, как ледокол разбивает и раздвигает странные, бурые, непривычные для взгляда льдины. Извиваясь, тянулась за кормой полоса почти коричневой воды, какая течет по полу после основательной стирки.

— Ай да грязнухи! — Степан Иванович укоризненно покачал головой. — А еще говорят: чист, как лед, бел, как снег!.. Помню, подобный лед мы встречали на “Сибирякове” у северо-восточного берега Таймыра. Ну, там понятно: рядом земля... А ведь эти грязнухи добрались бог знает куда — в высокие широты!

— Мы плохо представляем себе, насколько далеко проникают в океан частицы земли, — возразил Андрей. — Их уносит ветром, течением или, как видим, пловучими льдами. На север вместе с землей могут перемещаться и живые организмы, семена растений, например...

Завязался научный спор.

По моему распоряжению, Вяхирев и Союшкин спустились на лед и взяли несколько проб. С помощью химического анализа надо было установить в нашей лаборатории происхождение частиц земли, их “отправную станцию”. О “конечной” же станции гадать было слишком трудно.

Мнимая полынья так разочаровала нашу молодежь, что никто не захотел подниматься на палубу, когда спустя некоторое время на горизонте снова появилось “водяное небо”.

— Ложная тревога, — спокойно сказал Вяхирев, передавая Андрею пробирку с грунтом.

Однако одно-единственное короткое магическое слово, которое кто-то прокричал сверху, заставило всех бросить работу и стремглав выбежать из кают. Захлопали двери, загудели металлические ступени трапов.

Впоследствии я никак не мог дознаться, кто же первый произнес слово “земля”. По-моему, сделал это наш солидный, пожилой и положительный Степан Иванович. Впрочем, сам он, смущенно посмеиваясь, просил не взводить на него напраслину.

Так или иначе, суровый обрывистый берег был перед нами. Прямо по курсу корабля всплывала из воды земля.

Неужели земля?

Я поспешно поднес бинокль к глазам — и тотчас же манящее видение исчезло. Землю будто сдуло ветром.

То была всего лишь рефракция, оптический обман.

Токи теплого, нагретого воздуха поднимались над полыней (на этот раз настоящей, не мнимой!). Воздух струился, трепетал, как натянутая кисея. А по ней, по этой тончайшей, едва видимой кисее, бежали вверх причудливые очертания холмов и скал, а также зигзаги прорезавших склон глубоких ущелий.

— Вот и в степи так, — негромко сказал Сабиров, протирая линзы своего бинокля. — Едешь на коне в жаркий день — вся степь плывет навстречу. Сады мерещатся, дворцы, леса...

Этот день был радостным днем для “штатного скептика” экспедиции.

В струях нагретого воздуха над полыней как бы промелькнула перед нами иллюстрация к его докладу о гипотетических землях в Арктике. Еще год назад с фактами в руках Союшкин доказывал, что Земля Ветлугина является оптическим обманом, что острова в северо-восточной части Восточно-Сибирского моря только “привиделись” Веденеву.

По огорченным лицам своих молодых спутников я догадывался, что встреча с миражем произвела на них тягостное впечатление.

“А что, если Союшкин все-таки прав? — подумывали, наверное, они, стыдясь высказывать свои сомнения вслух. — Не вдогонку ли за миражем стремимся?.. Что, если внутри “белого пятна” такое же дразнящее мимолетное видение мелькнет перед нами?”

Союшкин приободрился. Он не повторял на каждом шагу: “Я же говорил...” (это было бы ниже его достоинства), лишь расхаживал взад и вперед по палубе с многозначительно-снисходительным видом.

Нельзя сказать, что ему шла черная нашлапка-пластырь, которую он носил на носу (спускаясь по трапу, Союшкин споткнулся и ударился носом о край люка), зато бледные щеки его порозовели. Изменилась и походка. Он перестал ходить бочком — на раскачивающейся палубе это было невозможно. Союшкин ходил теперь вразвалочку, широко ставя ноги, как заправский “морской волк”.

Кроме того, он поспешил купить у кого-то из матросов трубку и тотчас же воткнул себе в рот.

Так с трубкой в зубах Союшкин запечатлел свой образ для потомства подле туши убитого моржа.

Произошло это в той же полыне, подразнившей нас видением земли,

И раньше попадались нам по пути моржи, но нигде мы не встречали их в таком количестве, как здесь.

В Арктике обычно животные теснятся к воде, к источнику всего живого. В этой полыне, которая, по видимому, образовалась за счет затока теплых вод из Берингова пролива, привольно, как в оазисе, чувствовали себя морские зайцы, белухи, водоплавающие птицы. То и дело выныривали любопытные круглые, совсем кошачьи головы — толени “выставали” из воды, как говорят на Севере.

А моржей в этой полыне было видимо-невидимо. За три часа я насчитал пять залежек, причем последняя была самая большая. Здесь собралось не менее семи или восьми сотен моржей.

В глазах рябило от них. Они удобно разлеглись на льдинах, как на пляже, располагаясь, по своему обыкновению, группами по двадцать-тридцать зверей. В каждой группе был свой сторожевой морж, который охранял послеобеденный сон товарищей.

Завидев медленно приближающийся корабль, “часовые” заволновались, вытянули шеи, завертели головами, потом подали какой-то сигнал, и вся компания принялась покидать насиженное место.

Рев их напоминал грохот прибоя, разбивающегося о камни. Потревоженные нашим появлением хозяева полыни неохотно, с сердитым фырканьем сползали со льдин и неуклюже бултыхались в воду, взметая мириады брызг.

Вода запенилась вокруг ледокола. Вот он приблизился к одинокой льдине, на которой находились три моржа. Двое из них спали, третий — старый, матерый самец — развалился на боку и лениво почесывал ластом брюхо.

В позе его было много высокомерия. “Подумаешь, кораблишко какой-то плывет, — казалось, цедил он сквозь длинные усы. — Стану еще на другой бок поворачиваться, волноваться из-за вас, здоровье терять!..”

Я быстро прикинул расстояние.

— Что ж, это, пожалуй, цель!.. Только бить наповал, чтобы все остались на льдине!..

Не успел я договорить, как вокруг поднялась оглушительная, беспорядочная, какая-то восторженная пальба.

Не стреляли Степан Иванович, Тынты Куркин и я: выжидали. Да еще Союшкин, сидя на ступеньках трапа, с завистью смотрел на охотников — он пока не научился стрелять.

С первого залпа — если можно назвать это залпом — удалось положить только одного моржа. Два других, то и дело оглядываясь и устрашающе рыча, уходили к краю льдины, чтобы нырнуть в воду.

— Уйдут! — отчаянным голосом закричал со своего возвышения “болеельщик” Союшкин. — Стреляйте, Алексей Петрович!

Мы выстрелили.

Когда дым рассеялся, стало ясно, что охота кончена. Три неподвижные глянцевито-черные, будто лакированные, туши лежали вповалку на льдине.

— Теперь попросим капитана подойти к льдине вплотную, — сказал я охотникам. — Удастся подойти левым бортом, Никандр Федосеич?

Кто-то осторожно потянул у меня из рук ружье.

— По-моему, кучно бьет, — сказал Союшкин тоном знатока. — Тульское?.. Разрешите взглянуть, Алексей Петрович?

Я дал ему подержать ружье и вслед за гурьбой охотников направился к штормтрапу, чтобы сойти на льдину. Меня опередил Андрей со своим неизменным фотоаппаратом. (Щелкать затвором “Фэда” мой друг считает более интересным, чем спускать курок.) Но раньше всех на льдине очутился Союшкин. Мы и оглянуться не успели, как он уже был тут как тут.

Подле самой большой туши (старый морж действительно был красив) торчал этакой фитилькой неустрашимый первый ученик. Он опирался на ружье и, сжимая в зубах молодецкую трубку, устремлял непоколебимый взор вдаль.

Так он и был увековечен Андреем...

После короткого освежающего перерыва мы возвратились к прерванной работе.

Надо возможно полнее использовать пребывание в полынье.

Я и Андрей поочередно спускаем за борт батометры и термометры — рьяно измеряем температуру воды, словно бы море захворало и мы дежури́м у его постели.

Союшкин, то и дело роняя и подхватывая пенсне, орудует с трубкой Экмана. С помощью этого прибора он добывает со дна образцы морского грунта.

У Степана Ивановича мечтательно-сосредоточенный вид рыболова. Особым тралом он вытаскивает обитателей подводного царства: офиур, ежей, раков, звезд. За нашим кораблем, помимо трала, волочится еще конусообразная сеть из шелкового газа, называемая в просторечье “цеппелином”. Она служит для уловления планктона — мельчайших, взвешенных в воде организмов.

Уже здесь, на подступах к заветному “белому пятну”, весь наш небольшой коллектив, охваченный вдохновением научной работы, живет только “от пробы до пробы”.

С палубы научные сотрудники спешат вниз, в каюты.

Химик Вяхирев, выжидательно прищурившись, склоняется над пробирками и колбами. Каждая проба, поднятая батометрами с обследуемого горизонта, подвергается бесчисленным химическим анализам: на кислород, на азот, на кремний, на соли.

Степан Иванович, пытаясь от волнения, сортирует пинцетом свой пестрый и богатый улов, сваленный в таз.

Рачки-калянусы в пунцовых жилетах, маленькие, похожие издали на мелкозернистую икру, шевелят длиннейшими усами. Это очень смешно — они похожи на Степана Ивановича. Те же усы, тот же озабоченный и глубокомысленный вид.

Рядом лежат микроскопические водоросли. Они выполняют очень важную функцию в полярных морях: способствуют разрушению льдов, скапливаясь на их поверхности.

Добыча Степана Ивановича разнообразна.

Планктон, что значит по-гречески “блуждающий”, дает представление о характере различных течений. Вся эта микроскопическая живность самостоятельно не плавает и уносится течением вместе с пластом воды, в который она “вкраплена”.

Гидрогеолог Союшкин сосредоточенно разглядывает пробы грунта, по которым устанавливается тесная зависимость между течениями и расположением отдельных минералов на дне моря.

Я наблюдаю со стороны за нашим “штатным скептиком”. Странно! Когда он погружен в работу и во рту не торчит эта молодецкая трубка, с его лица исчезает обычная, раздражающая нас всех высокомерно-скептическая мина. Морщины в углах рта разглаживаются. Широко открытые глаза приобретают какое-то наивно-детское выражение. И даже губами он причмокивает, от волнения не замечая этого, совсем как ребенок, который потрошит подаренную ему заводную игрушку, чтобы посмотреть, что там внутри.

Удивительно, как преображается человек, когда поглощен своим любимым, захватывающим его целиком трудом!

Но через три дня плавание в полынье — “оазисе” среди льдов заканчивается. Полынья, к сожалению, оказалась меньших размеров, чем мы предполагали.

Снова придвинулись тяжелые, сплоченные льды. В переговорную трубу понеслось: “Полный вперед!”, “Малый назад!” И палуба под ногами закачалась, как взлетающие и опускающиеся качели...

Вскоре Сабиров с бесстрашием летописца отметил в вахтенном журнале:

“Лед — десять баллов”.

— Маре конгелатум, — сказал Союшкин задумчиво.

Я оглянулся. Он стоял на палубе, сгорбившись и опустив наушники пегой шапки.

— Море? Какое море? — спросил капитан.

— Я говорю: Маре конгелатум — застывшее море. Так древние называли Ледовитый океан, пловучие льды...

— Ну, а мы их назовем иначе: попутные льды! — ответил я. — Вы ведь знаете, что нам со льдами по пути?..

“Пятилетка” продвинулась еще на несколько десятков метров и остановилась, упершись форштевнем в торосистый многолетний лед.

Глава пятая ПОПУТНЫЕ ЛЬДЫ

Корабль сделал еще несколько усилий.

Нет! Льды были слишком сплоченными. Пора было стопорить машины. К чему зря расходовать горючее? Оно еще понадобится впереди. Пусть пловучие льды сделают за нас хотя бы часть работы.

Напролом надо было идти, пока льды двигались навстречу. Теперь они плыли мимо нас на северо-запад. Нам было со льдами по пути!..

— Здесь, Алексей Петрович? — спросил капитан, осматривая в бинокль белую всхолмленную равнину.

— Ну, что ж! Хотя бы и здесь.

И Сабилов, раскрыв вахтенный журнал, вывел своим бисерным, убористым, так называемым штурманским, почерком:

“В 15.40 на таких-то координатах, войдя в тяжелые льды, корабль временно прекратил активное плавание и начал дрейф со льдами в общем направлении на NW ¹”.

Вот какой кружной путь проделали мы в Восточно-Сибирском море: вошли в его западные ворота, прошли южной окраиной вдоль материка, поднялись на северо-восток и, севернее острова Врангеля включившись в общий поток дрейфующих льдов, начали продвигаться к цели над самым материковым склоном!

Очень важно правильно поставить корабль во льдах.

Опаснее всего попасть на линию сжатия, в разводье, края которого сходятся и расходятся, как снабженные острыми зубами челюсти. Танкер “Ямал”, по словам Сабирова, затонул именно в такой ледяной западне.

Очень долго Федосеич не мог остановить свой выбор на каком-либо поле. Ни одно из них не удовлетворяло его придирчивый вкус.

— Ну, решайтесь же, Никандр Федосеич! — торопил его Степан Иванович. — Вон там совсем недурное ледяное поле. Смотрите-ка, и заливчик есть!

— Края нехороши. Зазубрин много.

— Вы привереда, Никандр Федосеич! — сказал Андрей. — Идеальных полей не бывает... Интересно, что все-таки вас устроило бы?

— Лагуна, — пробормотал наш капитан, конфузливо кашлянув.

Мы засмеялись.

Лагуна, конечно, была бы хороша. Удобная, поместительная, посреди ледяного поля! А если бы вдобавок ее окружал высокий торосистый вал, то лучшего нельзя было бы и желать!.. Но таких “заказных” лагун поблизости не было.

Наконец капитан решил. Я согласился с его выбором. Поле нам всем понравилось.

Мощным рывком “Пятилетка” пробила перемычку и подошла к ледяной “пристани”, у которой и ошвартовалась.

Механик со скучающим лицом, вытирая замасленные руки паклей, поднялся на мостик. Палуба больше не подрагивала под ногами. Машины были застопорены...

Вместе со льдами нас несло на северо-запад.

Похоже было, будто мы попали в весенний ледоход. Только река размахнулась здесь почти во всю ширь океана. И течение ее было вялым, неторопливым. Она петляла, изгибалась, делала множество поворотов...

— Колумбу, пожалуй, веселее было, Алексей Петрович, — сказал Сабиров усмехаясь. — Пассаты вмиг его домчали. А нас еще когда до земли дотянет!..

Говорят: ветреный — в смысле непостоянный. Это неверно. Есть постоянно дующие ветры, “работающие” изо дня в день с точностью отрегулированного механизма. К их числу принадлежат пассаты. В эпоху парусного флота мореплавателю было достаточно “поймать” пассат в паруса, чтобы тот проворно доставил его на место назначения — через весь океан к берегам Америки.

И над Полярным бассейном — из одного конца в другой, от Тихого океана до Атлантического — также проносятся постоянно дующие ветры (Петр Арианович говаривал: “Прохватывает сквознячком”). Они и увлекают за собой пловучие льды, всю эту изрезанную разводьями, искореженную сжатиями движущуюся пустыню.

Мне вспомнился жестяной чан, в котором под трескотню игрушечных вентиляторов плыли мелко нарезанные клочки бумаги. Провинциальный учитель географии демонстрировал двум своим любимым ученикам великий арктический “ледоход”.

Белые квадратики подскакивали на волнах, сталкивались, сбивались в стайки, наползали друг на друга. А я и Андрей, затаив дыхание, следили за тем, как они неторопливо пересекают отведенное им водное пространство в полтора или два метра.

Как живо было воспоминание об этом! Тогда мы в первый раз пришли в гости к Петру Ариановичу... Трудно поверить, что это было так давно!..

Теперь “чан” раздался вширь, где-то в тумане терялись его “стенки”, и мы с Андреем плыли внутри него...

---

¹ Северо-запад.

Мы плыли очень медленно.

Кончилось время, когда вахтенный начальник бодро докладывал: “Ход — двенадцать узлов, товарищ начальник экспедиции!” С пловучими льдами корабль делал два пять-шесть миль — и не в час, а в день!

Да, с пассатами двигаться, наверное, веселее!

Но для нас и пять—шесть миль были хороши. Во всяком случае, мы двигались почти вдвое быстрее Текльтона, который побывал в этих местах за много лет до нас.

С той поры в Арктике произошли большие перемены.

Началось ее потепление (грандиозный процесс, причины которого пока недостаточно изучены). Дрейф льдов значительно ускорился. Арктику стало “прохватывать сквознячком” сильнее, будто в ней настужь открыли все окна и двери...

Мы с Андреем прикинули. Выходило, что если дрейф будет продолжаться тем же темпом и ничто не задержит нас, то через две недели “Пятилетка” очутится на самом пороге “белого пятна”. Тут-то потребуется от ледокола вся его мощь, чтобы вырваться из дрейфующего льда и напрямик, своим ходом, пробиваться внутрь “пятна”, к таинственной земле-невидимке.

“Если ничто не задержит...” Но Восточно-Сибирское море не считалось с нашим графиком. Уже на второй день после начала дрейфа корабль испытал первое сильное сжатие.

По морю прокатился гул, похожий на раскат грома. Затем раскаты стали учащаться. Мы почувствовали толчки. Это где-то вдалеке лопались могучие ледяные поля.

По ледовой тревоге Сабиров вызвал подвахтенных наверх.

Корабль стоял, ошвартовавшись у ледяного поля. С носа был подан на лед швартовый конец, закреплен ледовый якорь. И вдруг мы увидели, как концы натягиваются. Лед отходил. Впечатление было такое, что он отступает, беря разгон для удара.

Я быстро произвел расчет в уме.

Толщина нашего ледяного поля была около трех метров. Площадь его на глаз составляла свыше четырех квадратных километров. Значит, вес всего поля достигал по меньшей мере двенадцати миллионов тонн.

Грозный таран!

Но главная опасность заключалась в том, что по полю катился вал, поднимавшийся, выраставший на глазах. Маленькая складка превращалась постепенно в устрашающий ледяной гребень.

Наши собаки вели себя, как полагается хорошим собакам. Прижав уши, взъерошив шерсть на спине, они безостановочно лаяли на льдины и то и дело оглядывались на нас: видим ли мы, что враг подкрадывается к нашему дому?

Возле собак стоял Тынты Куркин и успокаивал их.

По счастью, поле, у которого стояла “Пятилетка”, было прочнее других. Вал со зловещим ревом и треском прошел стороной.

Первое сжатие корабль выдержал хорошо. Сабиров сиял и улыбался, как именинник. Он был чуточку тщеславен, наш старпом, и не шутил готов был принимать поздравления. Л поздравлять следовало пока что кораблестроителей, а не моряков, хотя место стоянки было выбрано с умом.

Самая слабая часть корпуса корабля — это его средняя часть, от кочегарки до машинного отделения. Здесь была установлена специальная поперечная распорка, создававшая дополнительную прочность на случай сжатия.

Но это сжатие было только первым. В “сомкнутом строю” двигались по морю пловучие льды, а по временам сверху хлестали, увеличивая толчею, еще и порывы свирепого ветра.

Ночью снова загудела рында — судовой колокол, вызывая всех наверх.

Я приказал включить прожектор.

С трех сторон подбирались к “Пятилетке” ледяные валы. С невообразимым шумом — был тут и злобный скрежет, и предостерегающее ворчанье, и вкрадчивый шорох — катились они к кораблю, как бы вырастая из тьмы.

Ощущение было такое, что мы — в осажденной крепости и враг пошел на приступ.

Что делать?

Ответить на штурм вылазкой!

— Аммонал, Алексей Петрович? — обернулся ко мне Сабиров, опуская бинокль. Круглые желваки играли-перекачивались в уголках его щек.

— Да. Аммонал.

Группа подрывников во главе с Сабировым спустилась на лед и поспешила навстречу самому высокому валу.

Это и впрямь было похоже на вылазку.

Сгибаясь под тяжестью взрывчатки и инструментов, неуклюже переваливаясь, подрывники отбежали на тридцать—сорок метров. Лунки для аммонала полагалось закладывать на почтительном расстоянии от корабля, чтобы не повредило корпус.

В ход были пущены электробуры. В несколько минут лед просверлили насквозь, до воды. Обязательно надо добраться до воды — гидравлический удар дает гораздо больший эффект.

Сабиров взмахнул рукой, и подрывники, пригибаясь, кинулись назад.

Секундная стрелка оббежала круг.

Грохот!

Несколько столбов дыма поднялись впереди. Взметнулись обломки льда.

Ура! Ледяной вал замедлил свое движение, потом повернул в сторону, обходя корабль.

Такой же оборонительный взрыв был “поставлен” на пути второго вала. Третьему преграждать дорогу не пришлось, потому что сигнальщики заметили, что он опадает.

Федосеич вернул Сабирова на борт.

— Хорошо работают подрывники, товарищ Сабиров! — сказал Степан Иванович. — Быстро. Уверенно.

— Колыхнули малость Ледовитый океан, — деланно небрежным тоном ответил казах, но не удержался и самодовольно подмигнул.

Все участники экспедиции, свободные от вахты, отправились “досыпать”. Но им не пришлось отдыхать и трех часов. На рассвете по каютам и кубрикам прокатились прерывистые звуки “ледовой тревоги” — третьей за сутки!

День этот отмечен следующей записью в нашем вахтенном журнале:

“В 4 часа утра ветер совершил поворот на 180 градусов и подул с северо-запада. Атмосферное давление упало”.

Черт побери! Мало того, что льды донимают сжатиями и подвижками, еще и погнали нас назад!

Подвижки были непрерывны. Стрелка анероида то падала, то поднималась.

Ветер безостановочно кружил, обходя горизонт. Сила его менялась. Только что над нами грохотал шторм, и вдруг сразу штиль падал на льды, как птица, распростершая крылья. Наступала благословенная тишина.

Но пауза была короткой. Через несколько минут затихший ветер снова принимался дуть, меняясь по силе и направлению.

— Ну и ну! — удивленно крутил головой Андрей. — Это, признаюсь... Я такого еще не видал.

— В самую ледоверть попали! — сказал я, стараясь, чтобы голос у меня был таким же спокойным, как всегда.

— Очень похоже на тайфун, — сообщил Сабиров. — Нас как-то затянуло в самый центр тайфуна... На Тихом океане это называется “око бури”.

— Ну как, товарищ Сабиров? Меняете Ледовитый на Тихий? — пошутил Степан Иванович. (Он теперь часто шутил, чтобы поднять настроение участников экспедиции.)

А взрывы приходилось повторять все чаще и чаще. Корабль как бы оделся огненной броней и так, в этой броне, двигался с дрейфующими льдами.

К полдню ветер наконец упал и толчея прекратилась. Мы находились недалеко от того места, откуда начинали свой дрейф.

— Шаг вперед, два назад! — с горечью сказал Андрей.

— Какой ты придирчивый! — усмехнулся Степан Иванович. — Недоволен порядками на транспорте? Напрасно. Везут тебя? Ну, и довезут...

— Своевременно или несколько позже, — в тон ему закончил я.

Но с вечера снова задули попутные ветры юго-восточных румбов, и вся масса пловучих льдов со скрипом и шорохом двинулась в прежнем направлении.

Без сжатий не проходило ни одного дня. Иногда они повторялись по два или по три раза в день.

Однако вряд ли даже Союшкин стал бы говорить, что сжатия вошли у нас в привычку. К ним нельзя привыкнуть, как нельзя привыкнуть к пожарам или наводнению.

Особенно пугающими были звуки торошения, приближающейся подвижки. Можно сравнить их с орудейной канонадой, с раскатами грома, с лязгом огромных листов железа. Но все это лишь очень приближенно передает слуховое впечатление от подвижки.

Степану Ивановичу довелось испытать знаменитое крымское землетрясение 1927 года.

— Вот оно напоминает отчасти подвижки льда, — сказал он. — Земля, твердь — и вдруг шатается! А гул, знаешь, такой, будто какая-то дьявольщина подкачивается под ноги. Самое мерзкое — ожидание толчка. Толчок уже не так страшен...

Он прервал свои объяснения, потому что в кают-компанию, где мы играли с ним в шахматы, вошел один из молодых научных сотрудников. Я понял парторга. Как всегда, он был прав. Не к чему нагонять страх на новичков, для которых сжатия еще в диковинку.

По-разному реагировали на опасность участники экспедиции. Федосеич был невозмутим, как всегда. Когда давление то падало, то поднималось и бедняга анероид сходил с ума, а самые прочные на вид ледяные поля гнулись и ломались, будто листы фанеры, я утешал себя тем, что по-прежнему неизменны стрелка компаса и спокойно-непроницаемо выражение лица нашего капитана.

Не помню случая, чтобы Федосеич повысил голос. Он умел говорить так, что к каждому его слову прислушивались, каждое слово ловили.

Вот еще штрих: никто никогда не видел, чтобы наш капитан суетился. Просто невозможно было вообразить его таким. Он запомнился либо расхаживающим в раздумье по мостику, либо стоящим у переговорной трубы, — очень большой, устойчивый, громоздкий в своем кожаном пальто нараспашку.

Между тем в минуты опасности капитан раньше всех оказывался на мостике.

— Рында еще не успела пробить, а вы — на мостике, — сказал я однажды. — Как это получается у вас? Научите. Льды секретничают с вами, что ли?

Капитан нерешительно кашлянул:

— Не знаю, сумею ли объяснить, Алексей Петрович... Видите ли, есть, мне кажется, чувство, или, может, правильное сказать, ощущение опасности... Это, заметьте, не я один считаю — многие старые моряки. Перед сжатием, минут за пять, я обязательно просыпаюсь. Будто кто-то сильно толкнет в плечо и разбудит!.. Вот, говорят, кости у некоторых ноют к дождю, а у меня, выходит, это к подвижке, к сжатию...

Старший помощник, наоборот, реагировал на опасность шумно — делался еще более разговорчивым, балагурил, смеялся.

Когда наступало кратковременное затишье, он забегал в кают-компанию. Буфетчик, зная его вкус, тотчас же подавал ему очень горячий и крепкий, почти черный — флотский — чай.

Значение таких блаженных пауз может оценить по-настоящему только моряк.

Обжигаясь, старший помощник жадно глотал чай. Узкие глаза, подпертые высокими, будто каменными скулами, оживленно блестели.

Разнежившись в тепле, Сабиров начинал обычно вспоминать о тропиках, о том, как, плавая по Тихому океану, угодил в самый центр тайфуна.

Он до смерти надоел нам этим своим тайфуном.

— Ну, опять попал в тайфун! — говорил Андрей, приоткрывая дверь в кают-компанию и сразу же быстро захлопывая. — Когда-то теперь выберется из него...

Андрей и во время сжатий отличался спокойной и немногословной деловитостью. Впрочем, надеюсь, читатель достаточно узнал его характер из моих описаний, чтобы представить себе, как держался мой друг.

Что касается Степана Ивановича, то он так заботился о том, чтобы никто на корабле не падал духом и не боялся, что самому ему, по-моему, просто некогда было бояться.

Особенно опекал парторг нашу молодежь, молодых научных сотрудников, начинающих полярников.

— Ничего, ничего, — приговаривал он. — Сейчас страшновато, потом пройдет! Храбрость — дело живое!..

И ему не приходилось краснеть за своих питомцев.

Но должен с грустью признаться, что во время третьей — самой сильной — подвижки не смогли добыться Союшкина. Потом уж, энергичнее обычного посасывая свою трубку, он пояснил, что принял на ночь пирамидону (ужасно разболелась голова!) и спал как убитый, даже не слышал, как стучали в дверь каюты.

Подробностями загадочного, почти летаргического сна слушатели не интересовались. С Союшкиным теперь держались подчеркнуто церемонно. Никто не затевал с ним споров, не хлопал с размаху по плечу, не кричал: “Не эрудиция это, а ерундия! Жизни не знаете! Цитат нахватались!..”

Всёобщее вежливое молчание, по-видимому, действовало на Союшкина сильнее самых язвительных насмешек. На следующую ночь он улучил время, когда Сабиров, стоявший вахту, остался на мостике один. Подойдя к нему, бывший первый ученик спросил, что делать человеку, который чуть ли не до обморока боится подвижек льда.

— Тренироваться, только и всего, — любезно ответил Сабиров. — Приучать труса не бояться. Приучать!..

При очередном сжатии мы увидели на баке¹ сутулую фигуру Союшкина, в полной неподвижности созерцавшего движение ледяных валов.

— Вы что тут делаете? — удивленно спросил Андрей, проходя мимо.

— Приучаю труса не бояться, — мрачно ответил бывший первый ученик.

Я пригласил его к себе в каюту, чтобы поговорить с глазу на глаз.

— Приучать — это, конечно, хорошо, — сказал я, — но надо обязательно быть “при деле”, иметь работу в руках. Вы что делаете?

Союшкин удивился:

— Я гидрогеолог, вы же знаете, Алексей Петрович.

— Не об этом речь. Какое ваше место по ледовой тревоге?

— Врач дал мне освобождение. У меня ушиб... — Он потрогал нос, потом колено.

— Ну вот видите!.. Я назначу вас в помощь Сабирову. Будете ведать запасами взрывчатки. Подходит это вам?

Это подошло. Занявшись работой на палубе, Союшкин больше не охал, не вздыхал и не оглядывался по минутно на льды — не было времени.

Сабиров вначале не очень жаловал своего нового подчиненного.

— Подбросили мне золотце, Алексей Петрович! — упрекал он меня. — Косолапый какой-то. Мямля. Он и в жизни, наверное, разворачивается двухузловым ходом...

Но потом старший помощник сменил гнев на милость.

---

¹ Бак — носовая часть палубы.

Теперь в часы досуга можно было видеть Сабирова и Союшкина прогуливающимися по палубе. Коротенький, коренастый старпом азартно жестикулировал; долговязый, сутулый гидрогеолог склонялся к нему внимательное ухо.

Что сблизило двух этих людей, столь разных по натуре?

Нашему “штатному скептику”, всю жизнь прокорплевшему над книгами, импонировал бывалый лихой моряк. Сабиров же нашел наконец слушателя, которого ему так не хватало. Оказалось, что Союшкин готов часами слушать о тайфуне в Тихом океане.

Заодно Сабиров спешил разгрузиться и от двух или трех десятков морских анекдотов, которые уже не имели успеха в кают-компании за полной своей амортизацией.

С серьезным видом он спрашивал Союшкина:

— Как на корабле вывести тараканов, знаете? Союшкин отвечал отрицательно.

— Возьмите обыкновенную селедку и помажьте ею переборки. Тараканы наедятся селедки, захотят пить... Открывайте поскорее иллюминатор: пожалуйста, мол, к воде!.. Они все вылезут. А вы — хлоп, и закрыли иллюминатор!..

Союшкин с готовностью смеялся. Нам слышно было, как, гуляя по палубе, старпом поучает своего спутника:

— Вот я, допустим, капитан, а вы — вахтенный начальник. Увидели — катер у борта!.. Как доложите?

— Катер подъехал, товарищ капитан, — неуверенно отвечал бывший первый ученик, угадывая подвох.

— Ага, “подъехал”!.. Ну, если подъехал, так распрягите его и дайте ему овса... “Подошел”, надо говорить! Катер не подъезжает, а подходит, поняли вы?

Ко времени сказанная шутка вообще очень ценилась у нас. Юмор в Арктике — это своеобразный душевный витамин. Без юмора здесь жить нельзя. Душевные силы не обновляются — тоска и страх берут верх над человеком.

С утра до позднего вечера научные сотрудники напряженно работали: в каютах — над пробирками, на палубе, на льду — у батометров и глубоководных термометров. Трижды в день все сходилось в кают-компанию (если сжатия не нарушали распорядок), делились новостями, острили, “разминали мозги”, как выражался Степан Иванович.

Наука была удивительным образом “одомашнена” в нашем коллективе. С самыми внушительными терминами обращались запросто. Да и как могло быть иначе? Изотермы, изобары, скорость ветра, магнитное склонение, теплые воды, проникающие в Полярный бассейн, — все это было подле нас, рядом с нами, вклинивалось в быт, служило темой застольных разговоров.

Всякий раз, когда Сабиров или Синицкий вваливались в кают-компанию после обсервации, их встречали возгласами: “Ну, что говорят солнце и луна? Где мы? Куда привез?”

Потом теснились у карты Восточно-Сибирского моря, висевшей над столом. Это была достаточно жившая карта, испещренная пометками, как шрамами, вся в желтых пятнах от пальцев, хранящая на себе следы научных споров, лекций и прогнозов. (Кто только в кают-компании не делал прогнозов!)

Приятно было посмотреть на молодые, оживленные, раскрасневшиеся лица. Теперь тонкий голос Союшкина (потерявший, кстати сказать, раздражавшие меня интонации высокомерия) уже не выделялся в общем хоре. Наоборот, очень часто заглушали его другие задорные голоса. Даже застенчивый Васечка расхрабрился до того, что назвал Союшкина “цитателем”. “Цитатель вы, а не читатель”, — сказал он и покраснел.

Кают-компания соединялась переговорной трубой с капитанским мостиком. Когда из трубы начинал струиться сизый дымок, Сабиров озабоченно говорил Федосеичу:

— Задымили в кают-компании. Опять, значит, спорят! Как геолог мой там? Не заклевали бы его, поди...

Приятно было посмотреть и на Степана Ивановича, который, устроившись в углу с объемистой кружкой (он был москвич и мог пить чай бесконечно), поглаживал с довольным видом свои длинные кавалерийские усы и изредка вставлял в разговор короткие реплики. Будучи очень скромным по натуре и обладая большим жизненным тактом, наш парторг удивительно умел “не выделяться”, хотя влияние его ощущалось на каждом шагу.

Невольно на память приходила экспедиция Текльтона, которую протащили льды по этим же местам почти тридцать лет назад.

... Две тени все время скользят почти борт о борт с нашим ледоколом.

Одна из них — коч отважного Веденя, искавшего к северо-востоку от Колымы заповедную коргу, то есть отмель, богатую моржами. Другая — это обледенелый корабль Текльтона, медленно подвигающийся с пловучими льдами, но не к полюсу, как предполагал Текльтон, а к месту своей трагической гибели.

Я воображаю нечто угловатое и пугающее, какой-то белый призрак, корабль мертвых, вроде “Летучего Голландца”.

Люди в меховом одеянии, с лицами, почти черными от копоти печек-временок, медленно расхаживают по палубе. Обледенелые реи низко провисли над ними. Люди еще живы, но уже обречены.

Честолюбие, алчность, затаенная зависть разрознили их еще в начале плавания, — а это смерть для участников полярной экспедиции!

На руководящую роль, помимо Текльтона, претендует богатый молодой лоботряс Рандольф Питчер, сын короля рыбных консервов, который финансировал экспедицию.

Я представляю себе, как они сидят по вечерам, разделенные длинным обеденным столом, под раскачивающейся керосиновой лампой, и исподлобья смотрят друг на друга.

— Маньяк! Тупица! — цедит сквозь зубы Питчер багровея.

— Но кто же вас просил соваться в экспедицию? — едко отвечает Текльтон. — Ваше занятие — увеселительные яхты, а не экспедиция!..

А между ними сидит и осторожно срабатывает их человек с узким умным и вероломным лицом. Это Стоун, врач экспедиции, втайне мечтающий о том, что Текльтон и Питчер передерутся и корабль до полюса доведет он.

“Каждый сам за себя, и все вместе к полюсу!” — такой странный прощальный тост могли бы поднимать они, отходя ко сну.

В каком-то пьяном злобном чаду продвигаются к цели участники экспедиции. Их обносит вокруг Земли Ветлугина, о существовании которой никто даже не догадывается, и тащит вдоль 79-й параллели в северо-западный угол Восточно-Сибирского моря. Там во время одного из сжатий корабль, затертый льдами, идет ко дну.

Рушится, гибнет задуманное. До полюса не дойти уже ни Текльтону, ни Питчеру, ни Стоуну. Но Текльтон не забывает принять напоследок позу.

“Корабль погибал. Вода заливала трюм, — писал он в своей книге. — Я приказал всем сойти на лед, затем завел граммофон и поставил пластинку с похоронным маршем Шюпена. Под звуки марша палуба начала медленно крениться. Мешкать было нельзя, и я — последним — покинул корабль...”

До Новосибирских островов, расположенных к югу от места катастрофы, Текльтон добирается по льду. Большинство его спутников — в том числе Питчер и Стоун — погибают в пути от холода и голода. Уже в виду острова Котельный Текльтон приказывает расстрелять матроса, который украл из общего запаса и съел три кожаных ремня.

Зверопромышленники, ставившие капканы на песцов, подобрали в тундре четырех человек, которые передвигались ползком, — это было все, что осталось от экспедиции Текльтона. Когда потерпевших кораблекрушение доставили в ближайшее стойбище, они рычали и старались отнять друг у друга предложенные им куски пищи...

Стало как-то тяжело на душе, когда я одну за другой перебрал в памяти подробности трагической экспедиции Текльтона. Могильным холодом повеяло с моря, какой-то затхлой, ледящей сыростью, как из склепа.

Чтобы рассеяться, стряхнуть тяжесть с души, я стал медленно прогуливаться по палубе “Пятилетки”.

Первым попался на пути водитель вездехода Тынты Куркин.

Казавшийся почти квадратным в своей просторной малице, он стоял у обвеса и задумчиво смотрел вдаль, туда, где за ледяными гребнями и туманной пеленой скрывалась Земля Ветлугина.

Я остановился подле чукчи и положил ему руку на плечо:

— Ты слышал о таком человеке — Джергели? — спросил я. — Он был проводником у русского путешественника Толля и семь раз в течение своей жизни видел неизвестную землю к северу от Новосибирских островов. Когда Толль спросил его, хочет ли он дойти до этой земли, Джергели сказал: “Раз наступить — и умереть!” Мог бы ты сказать так?

Тынты с удивлением посмотрел на меня.

— Умереть? — переспросил он. — Почему же умереть, товарищ начальник? Нет, наступить — и жить!

Глава шестая **ВНУТРЬ ЗИГЗАГА**

Мы продолжали обстукивать дно Восточно-Сибирского моря “волшебной палочкой” — э холо том.

По-прежнему линия на кальке была очень ровной, такой же ровной, как и дно под килем корабля, — “Пятилетка” все еще двигалась над материковой отмелью. Однако, судя по карте, нас уже подносило к местам, где корабль Текльтона начал свой зигзаг.

То и дело Вяхирев, Таратута, Васечка Синицкий, Сабиров, я, Союшкин, Никита Саввич, Андрей, Степан Иванович, Федосеич — все вместе или поодиночке — подходили к карте, висевшей в кают-компании, и застывали подле нее, сосредоточенно дыма папиросами. Даже самый занятый человек на корабле (по крайней мере, он считал себя таким) — завхоз экспедиции, вытирая на ходу губы салфеткой, замедлял шаг у карты.

Внимание привлекали две ломаные линии — одна черная (дрейф Текльтона), другая красная (наш дрейф). Обычно они двигались параллельно, изредка пересекались или расходились. Цифры дат, проставленные в отдельных пунктах, свидетельствовали о том, что мы намного “обогнали” Текльтона, иначе говоря — плывучие льды несут нас к земле быстрее, чем несли его.

И вот настало утро, когда Сабиров, сменившись с вахты, явился к завтраку с многозначительно-торжественным видом.

Дрейф на северо-запад замедлился!

Перед тем как смениться, старший помощник определил по солнцу координаты. Оказалось, что нас протаскило по прямой к северу всего на полмили за ночь, хотя беспрерывно дули ветры южной половины горизонта.

Почему это случилось?

Ответ вертелся на языке.

— О порожек запнулись! — вскричал Таратута, самый экспансивный из всех.

Вяхирев и Синицкий нетерпеливо посмотрели на меня.

Я молчал, изучая карту.

Да, замедление дрейфа было подозрительным.

— Пробиваться будем? — спрашивал Таратута за моей спиной. — Ну же, Алексей Петрович! Как вы думаете: там земля?..

— Необязательно земля, — неуверенно бормотал Союшкин. — Быть может, подводный порог. Известен порог Нансена — подводная гряда, отделяющая Ледовитый океан от Гренландского моря...

Но, видно, и он был взволнован. Одно дело выражать скептицизм в тиши кабинета, совсем другое — самому подойти к волнующей разгадке тайны.

Между тем на кальке эхолота не возникало никаких изменений. Если и была впереди земля, то еще очень-очень далеко. Дно моря оставалось гладким, будто было укатано гигантским катком.

Однако льды впереди наткнулись на какую-то преграду, в этом не было сомнений. Беря днем очередную пробу воды, Андрей обнаружил, что трос отклоняется к юго-востоку.

Накануне мы довольно быстро подвигались к северо-западу. Обычно массы воды при ускоренном дрейфе льда увлекаются вслед за ним. Тут же вода двигалась в противоположном направлении.

Прошло еще несколько тревожных часов.

Корабль начал медленно разворачиваться вместе со льдами. Единственным ориентиром в однообразно белой пустыне было для нас солнце. В это время дня оно обычно находилось сзади, за кормой. Сейчас оно светило прямо в глаза.

— Корабль лег на другой галс, — доложил Федосеич. Мы склонились над прокладкой курса в штурманской рубке.

Линия дрейфа делала резкий поворот вправо, почти под прямым углом. Теперь пловучие льды несли нас на северо-восток, обносили вокруг земли.

Итак — зигзаг!

Все преобразилось на корабле, выходящем из дрейфа. Повеселел старший механик. Заработали мощные машины. Задрожала палуба под ногами.

Ледокол возобновил активное плавание во льдах. Он ринулся напрямик к цели, а эскортировавшие его ледяные поля так же неторопливо продолжали путь на северо-восток, в обход препятствия.

Мы расстались со своими “попутчиками” без сожаления. Пловучие льды выполнили положенную им часть работы. Закончить ее мы могли и сами. Земля, остававшаяся по-прежнему невидимой, была, казалось, рядом, рукой подать.

Но это только казалось.

За сутки ценой огромных усилий “Пятилетка” пробилась вперед всего лишь на полторы мили.

Небо над нами было грозно белым. Значит, нигде нет и признака спасительной полыньи, подобной той, что находилась севернее острова Врангеля. Льды, льды — тяжелые, сплоченные!..

Я никогда еще не видел таких массивных льдов.

То же было и на второй день и на третий.

Дважды поднимались мы с Сабировым на грот-мачту и осматривали окрестности в бинокль. Льды громоздились впереди, как оцепеневшие валы прибоя. Чем дальше на север, тем валы делались выше, страшнее. Видимо, там были стамухи — льдины, севшие на дно. Они окружали землю-невидимку непреодолимым барьером.

Невеселые вести поступали снизу, из машинного отделения. Очень большим был расход горючего.

Механик смотрел на меня печально-вопрошающим взглядом. Но я и так знал, что, продлись подобная “скачка с препятствиями” еще несколько дней, горючего не хватит на возвращение домой.

Сомнения разрешили два слова, сказанные Федосеичем.

— Рисуем винтом, — негромко произнес он, когда мы остались одни на мостике.

Делать было нечего.

— Позовите ко мне водителя вездехода, — приказал я Сабирову. — Будем готовить вездеход к спуску на лед...

Еще в бытность свою на мысе Челюскин мы с Андреем облюбовали этот вид полярного транспорта.

Перед традиционной собачьей упряжкой вездеход имеет ряд преимуществ. Он передвигается в пургу, когда собаки отказываются идти. Поднимает значительно больше груза, чем собачья нарта, — до полутора тонн. Наконец, представляет, по существу, передвижной домик на гусеничном ходу, а ведь в закрытой кабине удобнее не только человеку, но и чувствительным приборам.

Обдумывая план экспедиции, мы реально учитывали возможность того, что ледяной барьер преградит нам дорогу к Земле Ветлугина. В этом случае должен был помочь вездеход.

Над безмолвными, будто притихшими льдами прокатилась зычная команда Сабирова:

— Вира! Вира помалу!

Из трюма подняли закутанный в брезент вездеход. Пока Тынты с озабоченно-счастливым лицом хлопотал возле мотора, прогревая его, в крытый кузов стали укладывать разнообразные предметы: камелек, автоматический бур, анероид, анемометр, секстант, компас, хронометр, три винтовки с запасом патронов, три спальных мешка, аптечку и запас продовольствия.

Под наблюдением Андрея установили эхолот, который, в отличие от корабельного, измерял глубину через лед. Затем старший радист и Таратута погрузили рацию.

Сабиров шутил, что тех, кто отправится на вездеходе, будут “держат на радиоверевочке”. Они должны были не только поддерживать регулярную связь с ледоколом, но могли по радиопеленгу найти его на обратном пути.

Предполагалось, что вездеход пересечет “белое пятно” (может быть, не раз и не два), пока корабль будет двигаться с пловучими льдами в обход “белого пятна”. Ограниченное зигзагом, оно было не очень велико, в самой широкой своей части составляло не более семидесяти километров. Людям, который отправятся на вездеходе, понадобится дней пять для того, чтобы пересечь “белое пятно” в различных направлениях, как бы заштриховать его. Затем вездеходчики должны двинуться на соединение с ледоколом. Оставался еще запас времени для переброски зимовщиков на вновь открытую землю.

— Текльтон затратил на обход препятствия одиннадцать дней. Времени уйма у нас, — сказал Андрей. — Уверен, что управимся на вездеходе за два-три дня. А сойдемся с тобой, Леша, где-нибудь здесь.

Он склонился над картой.

Андрей говорил так, словно вопрос о том, кому идти, а кому оставаться, был уже решен!..

Наш вездеход, помимо груза, поднимал только трех человек. Одним был, понятно, водитель Тынты. Вторым должен был идти радист. Третьим — научный работник.

Ни Степан Иванович, ни Васечка, ни Вяхирев не претендовали на место в вездеходе, как бы по молчаливому уговору уступая его Андрею.

Я был начальником экспедиции, отвечал за всю экспедицию и должен был оставаться на ледоколе.

Да, это было вполне логично, и все же с этим нелегко примириться.

Корабельная лебедка подняла вездеход и, пронеся над головами, бережно опустила на соседнее ледяное поле. По трапу быстро сбегал Тынты. До меня донесся прерывистый призывный рокот. Водитель запускал мотор.

На палубе старший радист давал последние наставления Таратуте. Радист слушал его, то и дело нетерпеливо поглядывая на меня: скоро ли? Скоро ли наконец Алексей Петрович даст сигнал к отправлению?

Молодого радиста лихорадило от волнения. Он очень боялся, что на вездеходе пошлют не его, а Никиту Савича. Пока все шло хорошо, нормально, он надел уже меховой комбинезон и унты, и Никита Савич напоследок инструктировал его, наставительно помахивая указательным пальцем... Ну, а вдруг Алексей Петрович раздумает и пошлет все-таки Никиту Савича, а не его, Таратуту?

Я услышал смех Вяхирева.

— Посмотри-ка, Алексей Петрович, — сказал он: — Союшкин занял позицию!

У вездехода на льду уже нетерпеливо прохаживался бывший первый ученик. Пенсне он снял. Значит, готовился фотографироваться.

“Экипаж вездехода перед отправлением в глубь “белого пятна”!.. Ведь это будет исторический снимок! И он, Союшкин, с достойной улыбкой — на переднем плане, рядом с водителем Куркиным!..

— Ну что же, Леша? Попрощаемся — и в добрый путь?..

Андрей стоял у трапа в полном походном снаряжении, в высоких унтах, с “Фэдом” через плечо, похлопывая огромными рукавицами одна о другую, — только это и выдавало его волнение. Снизу, со льда, раздавался голос Сабирова, который ворчливо торопил с отправлением.

Вот никогда не думал, что придется стоять так друг против друга, решая, кому идти к Земле Ветлугина, а кому оставаться на борту корабля, потому что для нас двух в вездеходе не будет места!..

И в это время я почувствовал на себе взгляд Степана Ивановича, умный, добрый, внимательный. Наш парторг понимал мое душевное состояние, смятение, растерянность и сочувствовал мне.

Что-то блеснуло в его взгляде, какая-то мысль.

Я с надеждой смотрел на него.

— Ты изучал радио дело, Алексей Петрович, — сказал Степан Иванович и замолчал.

Ну конечно! Это был выход из положения!

На Северной Земле и на мысе Челюскин я изучил радио дело, освоил вторую профессию, — тогда это носило особое, трудно произносимое название: “взаимозаменяемость”. Сейчас я мог заменить Таратуту, тем более что работа на походной радиации была несложной.

Таратута побледнел, хотел что-то сказать, но только сделал глотательное движение, будто у него пересохло горло.

— Я отвечаю за всю экспедицию, — сказал я.

— Я помогу тебе. Мы все поможем тебе! — Степан Иванович повел рукой в сторону Федосеича, Вяхирева и Синицкого, стоявших на палубе.

— Конечно, Алексей Петрович! Поможем, Алексей Петрович!.. — раздалось в ответ.

Один Таратута был недоволен новым вариантом. Он сердито откашлялся.

— Начальнику экспедиции — идти в разведку? — пробормотал он и оглянулся на старшего радиста, ища поддержки.

— А это не разведка, — поправил Синицкий. — Это решающий этап экспедиции!.. Алексей Петрович и Андрей Иванович должны оба участвовать в решающем этапе!

Я оставил инструкцию Федосеичу и Степану Ивановичу, хотя в ней не ощущалось особой нужды — все было ясно и без инструкции: “Пятилетке” продолжать дрейф со льдами, огибающими препятствие, на выходе из зигзага взять нас снова на борт.

Переодевшись, я быстро, следом за Андреем, спустился на лед.

Сабилов и Андрей сверили часы. Последний, решающий этап экспедиции начат в 15 часов на координатах...

Провожжающие приветственно замахали шапками. Таратута что-то кричал мне, усиленно жестикулируя, кажется напоминал о каких-то хрупких деталях аппаратуры, но его почти не было слышно за гулом мотора.

Тынты Куркин включил третью скорость. Вездеход медленно всполз на ледяной вал и перевалил через него. Впереди белели новые, еще более высокие валы.

— Сейчас мы здесь, — показал Андрей наше место на карте и отметил его карандашом. — Где-то останемся?..

Я положил карту на груды спальных мешков и разгладил ее, как вдруг что-то завожилось под рукой. Из-под мешков вылезла черная лохматая собака и, зевнув, почесалась задней ногой. Это был Ротозей, самая ленивая собака из всех, которых мы везли с собой на Землю Ветлугина.

По-видимому, питая особое расположение к Тынты, она сбежала за ним по трапу, некоторое время присутствовала при запуске и опробовании мотора, потом, соскучившись долгими приготовлениями, залезла внутрь кузова и заснула там.

Только толчки и качка заставили пса очнуться.

Как всегда, Ротозей проснулся в меланхолическом настроении. Косо поглядел на нас, приподняв ухо, затем, как ни в чем не бывало, принялся вычесывать блох.

— Он нам блох напустит! — вскричал Андрей.

— Традиция, брат, — сказал я, отталкивая пса ногой. — Ни одно открытие в Арктике не обходилось без собаки. Почитай-ка описания открытий...

Но Ротозей нарушил традицию.

Шум мотора и резкие толчки действовали ему на нервы. Он пополз на брюхе по полу, неуклюже спрыгнул с вездехода и, быстро перебирая мохнатыми лапами, побежал назад к кораблю.

Путь вездехода пролегал строго на север, через настоящий ледяной лабиринт. Мы то ныряли в ущелья, и тогда наш корабль исчезал за торосами, то взбирались на гребень и снова видели свою родную “Пятилетку”. Она делалась все меньше и меньше.

Мы продвигались не очень быстро — в среднем по две — две с половиной мили в час, то есть около пятидесяти миль в сутки. Правда, немало времени отнимали объезды — торосы поднимались в отдельных местах на пятнадцать метров.

Вдобавок нас сносило дрейфующими льдами в ту же сторону, что и “Пятилетку”. Приходилось учитывать снос при прокладке курса.

Две мили в час — это, конечно, немного, но ведь путешествие по пловучим льдам — одно из самых трудных путешествий. Двигаться мешают неровности льда, торосы, достигающие иногда высоты шестизэтажного дома, подтаявший мягкий снег, в котором вязнут гусеницы.

Каково же было путешественникам, которые шли пешком? Зачастую они не шли, а ползли и считали большим достижением, если за день удавалось пройти милю.

Впрочем, нам и в вездеходе доставалось.

Ледяные валы напоминали доты и дзоты, а глубокие ямы между ними — крепостные рвы. Мотало и кидало нас так, что иной раз согласился бы вылезти и идти пешком. Казалось, утлое суденышко швыряет штормом. То вездеход проваливался вниз, так что заходило сердце, то начинал с ревом и скрежетом взбираться вверх, принимая почти вертикальное положение.

Обязанности в пути распределены так: Тынты управляет машиной, я прокладываю курс по карте, Андрей держит в поле зрения морское дно.

Сосредоточенное, серьезное лицо моего друга склоняется над эхолотом. На четырехугольное отверстие, в которое видны квадратики медленно передвигающейся кальки, падает конус света от лампы.

Звуку приходится сейчас проделывать двойную работу: помимо толщи воды, пронизывать еще и толщу льда, и Андрей в своих расчетах делает поправку на это.

Морское дно под нами — ровным-ровнехонько, как асфальт шоссе. Ни ухабов, ни рытвин! Резкий контраст с тем, что делается наверху, на поверхности пловучих льдов... Вот бы прокатиться по дну на вездеходе! Единым духом (“с ветерком”, — как говорят шоферы) домчал бы нас Тынты до Земли Ветлугина!..

59 метров, 60, 59, 62, 61. Пока что глубины неизменны. Материковая отмель полого спускается в общем направлении на север.

Вдруг звук провалился. 128, 150, 206! Значит, мы отделились уже от края материковой отмели и движемся над материковым склоном.

Тынты поворачивает вездеход. Наш путь должен пролегать строго над краем материковой отмели. Земля Ветлугина, по нашему убеждению, может находиться только на отмели. За ее пределами землю нечего искать.

58, 62, 63... Когда же дно начнет повышаться под нами? Когда цифры глубин начнут уменьшаться, предупреждая нас о близости земли?..

Рывок! 282!.. Эхолот как бы оступился в пропасть. Оборвалась отмель, начался материковый склон.

Еще рывок! Глубины достигли 306 метров. Но сейчас же эхолот обнаружил повышение склона.

Стало быть, мы миновали сейчас узкую и глубокую подводную ложбину.

Андрей поспешно наносит ее направление и конфигурацию на карту глубин.

Не вырыла ли балку какая-нибудь полноводная река, много тысяч лет назад впадавшая в этом месте в океан? Или, быть может, ледник, грузно сползавший с крутого берега в воду?..

Опять звук срысывается на большую глубину. Я делаю знак, и Тынты поворачивает влево...

И сейчас еще, спустя много лет, я, засыпая, ощущаю иногда нечто вроде толчка. Будто шел, шел — и споткнулся, оступился в яму. Ух, и глубока же!.. Это вспомнилось то странствие во льдах с “волшебной палочкой” — эхолотом в руках...

Через каждые полчаса мы останавливались и производили наружные наблюдения.

Работать на холоде было нелегко. Мороз достигал четырнадцати градусов. Пальцы обжигало, едва лишь они касались металла. (Перчатки и варежки приходилось снимать.) Особенно донимал ветер. Он дул не переставая, с воем и улюлюканием проносясь по всхолмленной ледяной равнине. Снежная пыль, летящая в воздухе, проникала через малейшие отверстия под одежду.

А работать надо быстро и точно. Термометры нельзя нагревать дыханием. Даже долго в руках их нельзя держать — на показания прибора может повлиять температура тела наблюдателя.

Возвращаясь вприпрыжку к вездеходу, привалившемуся к торосу, я услышал голос Андрея за спиной:

— Леша! Оглянись, Леша!.. Следы светятся!

Я посмотрел под ноги. Ну и чудо! Голубоватый нимб окружал мои подошвы!..

Я сделал несколько шагов, оглянулся. Да, снег искрился, будто я наступал на тлеющие подо льдом угли.

— Вот так так! В святые попал! — сказал я и засмеялся.

Андрей, стоявший у вездехода, ответил шутливо:

— У святых нимб вокруг головы, а у тебя вокруг подошв. Это значит, что благодать почиет только на твоих ступнях. Бедный Леша!..

Затем он вытащил часы и объявил деловито:

— Продолжительность свечения — три секунды. Так и занесем в бортовой журнал...

В свечении льда, понятно, нет ничего чудесного. Мы знаем с Андреем, что явления флюоресценции встречаются не только в бирюзовых водах южных морей. Светятся также морские организмы, находившиеся в воде и попавшие на поверхность льда под снежный покров.

Странная мысль пришла мне в голову, когда мы уселись на свои места и вездеход тронулся. Я подумал о том, что по светящимся следам полагалось бы найти Петра Ариановича. На льду Восточно-Сибирского моря мы с Андреем могли бы увидеть даже слова, начертанные нашим учителем географии, что-нибудь вроде: “Ищите меня к северо-западу”, или: “Не ищите меня! Земля вместе со мной опустилась на дно”... Фу, какая чушь лезет в голову! От этой тряски и холода, что ли? А впрочем, внутренняя логика была бы в этом. На Земле Ветлугина нас должен был встретить сам Петр Арианович Ветлугин.

Я сказал Андрею об этом.

— В качестве нового заполярного Робинзона? — спросил он, не отрывая взгляда от эхолота.

— Да. Птиц там много, если верить догадкам Куркина-старшего. Летом Петр Арианович заготавливал бы и сушил мясо впрок. Можно предположить, что птицы не только кормили бы его, но и одевали.

— Как так? Что ты выдумываешь!

— Ну конечно, выдумываю! Но ведь это могло быть. Он сшивал бы жилами кожу птиц с перьями. Ходил бы в причудливой одежде, сам похожий на огромную птицу...

— Я поверил бы во все это, — сказал Андрей, — если бы Земля Ветлугина была ближе к берегу. Так далеко от материка Петр Арианович не мог бы добраться.

Суровый и рассудительный Андрей! Он никогда не давал мне заноситься за облака, отрываться от земли — от реальной действительности...

Я взглянул на часы и занялся рацией. Настал час радиосвязи.

— Ну, как дела, Алексей Петрович? Как самочувствие? — зазвучал в наушниках заботливый голос Степана Ивановича.

— В порядке! Как у вас на корабле?

— Благополучно. По-прежнему несет на северо-восток. Наше место такое-то... А ваше?

Я дал ему наше место. Степан Иванович сообщил, что о нас уже дважды запрашивали из Москвы. Член правительства, занимавшийся вопросами Арктики, приказал докладывать ему через каждый час о том, как идут поиски земли на вездеходе. Я пожаловался на то, что ухудшилась видимость.

Пошел снег — большие, тяжелые хлопья. Тынты включил фары, но качающаяся белая завеса придвинулась почти вплотную к вездеходу. Двигаться вперед приходилось с большой осторожностью и очень медленно.

— Думаю остановиться и переждать снегопад, — сказал я.

— Правильное решение, — согласился Степан Иванович. — Как бы между торосами гусеницу не заклинило...

Закончив разговор, я приказал остановиться и устроить короткий роздых, не выключая мотора.

— Подремлите немного, — сказал я Андрею и Куркину. — Я послежу за тем, чтобы мотор не заглох. Снег пройдет — разбуджу...

Прошло, наверное, часа два.

Я неподвижно сидел, глядя на Тынты, прикорнувшего на спальных мешках подле Андрея. Почему-то мне пришла на ум Лиза. Какие все-таки странные эти женщины! Сама пригласила нас в Весьегонск, но когда Андрей приехал, обошлась с ним сухо, чуть ли не выставила за дверь. А меня так-таки и выставила, хотя я только хотел помирить их. И почему на аэродроме у нее были грустные глаза? Сама смеялась, а глаза были грустные...

Вдруг мною овладело неприятное ощущение. Показалось, что кто-то стоит за моей спиной и смотрит на меня. Я оглянулся.

Сутулая тень прыгнула в сторону.

Да, это был силуэт песца. Вот из-за гряды торосов вышло еще несколько песцов, хорошо видимых на фоне серого неба.

Снегопад кончился.

Песцы гуськом протрусили мимо вездехода, то и дело останавливаясь и принимаясь к незнакомым запахам. Ушки их стояли торчком, хвосты были зажаты между ног. За силуэтами видна была пологая синеватая туча. Туча? Вот не везет! Значит, снова пойдет снег?

Я стряхнул с себя дремоту.

Туча?.. Какая там туча! Ведь это земля!

Земля!

Глава седьмая

ОТВАГА С ЗАПАЛЬЧИВОСТЬЮ

— Андрей! Андрей!.. Тынты!.. Вставайте! Земля! Песцы шарахнулись от вездехода и припустились бежать.

Я принялся расталкивать своих товарищей, еще не веря глазам, то и дело оглядываясь на синеватую полосу, боясь, что ее развеет ветром.

Андрей и Куркин испуганно вскинулись:

— Что?! Что случилось?

— Вот она!.. Там!

Андрей трясущимися руками выхватил большой морской бинокль и торопливо приник к нему. А я в волнении и забыл про бинокль!

В сильных линзах, дававших восемнадцатикратное увеличение, земля на норд-осте как бы сделала к нам молниеносный прыжок.

Она была холмистой, Округлые очертания ее почти сливались с окружающими торосами. До нее было примерно двадцать-тридцать миль, то есть не более полудня пути.

Впрочем, при определении расстояния надо делать поправку на рефракцию. Из-за особенностей освещения в Арктике, из-за зыбкого марева, почти постоянно висящего над горизонтом, предметы как бы приподнимаются, парят, и расстояние до них сокращается. Они кажутся выше, больше и ближе.

— Три или четыре горы конической формы, — хрипло сказал Андрей, не отрываясь от бинокля.

— Конической? Что ты! Скорее типа плато, со срезанными вершинами... В седловине между двумя горами вижу лес...

— Это тень. Не может быть лесов под этими широтами...

Тынты взялся рассудить нас. Он долго глядел в бинокль на норд-ост.

— Лунная земля, — сказал он.

И это было лаконичное и меткое определение. То, что виднелось вдали, больше всего было похоже на суровый и мрачный пейзаж луны.

Однако через две или три минуты узкую полоску на горизонте затянуло туманом.

Но мы увидели наконец нашу землю!..

Почему же о близости ее заблаговременно не оповестил эхолот?

— Наверное, берега круто обрываются в воду, — предположил Андрей.

Но теперь это было уже не страшно: нельзя было заблудиться даже в тумане. Как ни трясло меня от волнения, я успел засечь направление по компасу.

— Разворачивай вездеход, Тынты, — приказал я. — Держи прямо на тот торос. Жми, жми! Выжимай все, что можешь, из своего вездехода!..

Мы продвинулись курсом норд-ост около трех миль, когда эхолот с запозданием донес о повышении морского дна. Видно, и впрямь берега земли очень круто обрывались в воду.

Тоненько, по-комариному, зазвенело над ухом. Нас вызывала “Пятилетка”. Наступил час связи.

Я передал сообщение о земле, по настоянию Андрея, очень сдержанно:

— В восемь часов двадцать семь минут на таких-то координатах к стоянке прибегали песцы. Нам показалось, что к норд-осту лежит земля, но, быть может, это облако или гряда торосов причудливой формы. Эхолот показывает повышение дна. Продвигаемся в указанном направлении. До земли, по-видимому, не более тридцати миль.

В наушниках что-то зашуршало, закашляло. Потом раздался напряженный голос Малышева:

— Алексей Петрович, должен огорчить тебя... Надо немедленно возвращаться на корабль!

— На корабль? Почему?

— Начался поворот, смена направления дрейфа. Скорость его значительно увеличилась — до пяти миль в час, и продолжает увеличиваться. Корабль выходит из зигзага. Кроме того, прогноз погоды неудовлетворителен. Давление в районе “белого пятна” падает....

Все наши расчеты с Андреем полетели кувырком. Мы предполагали, что можем оставаться внутри зигзага еще три-четыре дня. Выяснилось, что мы не можем оставаться в нем ни одного часа.

“Пятилетка”, видимо, обошла препятствие, и льды тащили корабль уже не на северо-восток, а на северо-запад. Могло получиться так, что корабль пронесет мимо нас и на обратном пути вездеход не успеет его догнать.

Вкратце я передал Андрею содержание разговора.

Перспективы были не из блестящих. Мы могли очутиться в положении зазевавшегося пассажира, который отстал от поезда на полустанке. Сходство, впрочем, на этом кончалось. Мы-то были не на полустанке, а на окраине Восточно-Сибирского моря, на пловучем льду. Запасы горючего и продовольствия рассчитаны были всего на неделю. Разминуться с кораблем, остаться в Арктике одним, вызывать на помощь самолеты с Большой земли?..

Я не хотел и думать об этом.

Значит, отступить? Возвращаться на “Пятилетку”, как советовал Степан Иванович? Увидеть Землю Ветлугина всего на несколько минут — и не дойти до нее, отступить?.. — Продолжаю продвигаться к земле, — сказал я в ларингофон. — Рассчитываю встретиться с вами на таких-то координатах...

Потом молча махнул рукой. Куркин дал газ.

Склоняясь над картушкой компаса, я мельком взглянул на лицо Андрея и не прочел на нем одобрения своему решению.

Я продолжал сверять наш курс с магнитной стрелкой компаса. Туман полз навстречу, цепляясь за острые конечные торосы, лениво переваливая через ледяные валы.

— Включить фары!

Тынты сказал: “Есть!”, но не улыбнулся, как обычно. Значит, и он понимал, что я неправ?

— Нельзя так, Леша, — сказал Андрей тихо, чтобы Тынты не слышал. — Вспомни суворовское изречение: “Будь отважен, но без запальчивости”.

— Но ведь это земля! Наша земля, Андрей! Земля, к которой мы шли всю жизнь!

— Мы придем сюда опять...

— Но до земли осталось семь часов ходу! Я не могу вернуться на корабль, не дойдя до земли!..

Андрей молчал.

— А что ты сделал бы на моем месте?

— Вернулся, — сказал Андрей и занялся эхолотом.

Он был дисциплинированный человек, мой друг. Даже в такой момент не забывал, что я начальник экспедиции, — не уговаривал, не возмущался, не спорил. Известны примеры, когда люди в Арктике гибли из-за того, что в решающий, опасный момент начинали спорить, ссориться друг с другом.

А торосы, как назло, будто стали еще выше, еще толще...

Тынты, стиснув зубы, вел вездеход, бросая его твердой рукой на ледяные валы, с разгону беря препятствия.

Эхолот продолжал показывать неуклонное уменьшение глубин. Мы шли правильно.

Зазвенели в наушниках позывные. Меня вызывала “Пятилетка”.

Степан Иванович, отделенный от нас несколькими десятками миль, сказал взволнованно:

— Прошу вернуться на корабль! Ты ведь рискуешь не только своей жизнью, но и жизнью двух своих подчиненных, ты ставишь под удар судьбу всей экспедиции...

— Я не могу вернуться, — ответил я. — Земля есть! Эхолот подтверждает это.

Пауза.

— Леша, — вдруг сказал Степан Иванович как-то очень просто и душевно, — послушай меня. Я, как друг, тебе говорю...

Я выключил радио.

Все, что он мог сказать мне, я знал и сам: горячее на исходе, дрейф ускорился, на обратном пути к кораблю рискуем разминуться с ним. И все же язык не поворачивался сказать: “Назад!”

Позже, вспоминая пережитое, я с горечью признавался себе в том, что просто, наверное, не хватило силы воли. Меня как бы несло по инерции к увиденной на мгновение земле.

Да, я должен был сделать какое-то очень большое и трудное внутреннее усилие, чтобы остановиться, но — не смог. Меня не хватило на это...

Снова зазвенели позывные.

— Слушает Ладыгин.

— Алексей Петрович! (Степан Иванович подчеркнуто назвал меня не по имени, а по имени-отчеству.) Алексей Петрович! Настоятельно советую тебе, как секретарь партийной организации...

— Пойми: не могу, Степан Иванович!.. У нас не будет никаких доказательств, кроме кальки эхолота... Если бы хоть рассеялся туман... Тогда Андрей сфотографировал бы землю... Уверю тебя: мы успеем вернуться!

Я услышал позвякивание над головой.

Это сталкивались льдинки, висевшие, как елочные украшения, под пологом нашего фургона. Поднимался сильный ветер.

Совсем из головы вон! Ведь Степан Иванович говорил о неблагоприятном прогнозе погоды. “Давление падает”, — сказал он. Но и наш анероид говорит о том же.

Обеспокоенный этим, я стал торопить Тынты. Скорее добраться до земли, исчезнувшей за пеленой тумана! Скорее, скорее! Пока не началась подвижка льдов!

Но наш водитель сам понимал это.

Из окружавшего нас зыбкого серого месива, все нарастая, неслись звуки надвигающегося шторма. В вой ветра вплелась новая зловещая нота: похрустыванье, слабый треск. Это трещал лед. Начиналось сжатие.

Я вопросительно взглянул на Андрея. Он молчал. Рот его, хорошо видный мне при свете раскачивающейся над эхолотом лампы, был упрямо сжат.

— Какие глубины, Андрей?

— Двадцать восемь, двадцать шесть метров...

До земли, по моему расчету, оставалось еще миль десять. Не менее четырех часов пути!..

Да, было безумием прорываться к земле при подвижке. Тем более, что она была не видна, скрылась в летящем нам навстречу снеге. Я прокладывал курс по памяти, в том направлении, где видел на рассвете землю: курсом NO. Но остров мог быть очень маленьким. Мы могли и проскочить мимо него. В такой каше все было возможно.

В наушниках раздались позывные “Пятилетки”.

— Слушает Ладыгин...

— Товарищ Ладыгин! — Голос Степана Ивановича был непривычно официален и сух — Передаю вам приказание, переданное по радио из Москвы. Немедленно возвратитесь на корабль...

Это уже была не просьба, не совет — это был приказ. И спорить не приходилось.

— Прошу радиопеленг, — кратко сказал я. — Вездеход идет на сближение с кораблем...

— Есть дать радиопеленг, — повеселевшим голосом ответил Степан Иванович. — Сейчас даем!

Издалека плеснула в наушниках знакомая мелодия:

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна...

Это радист пустил нашу любимую с Андреем пластинку, которую не раз проигрывали в кают-компании.

Но каким грустным эхом отозвалась в сердце знакомая песенка!

Страна, к которой стремились столько лет, только поманила нас и скрылась снова. Скрылась за далью непогоды! Мы были так близко от нее — в каких-нибудь четырех-пяти часах пути — и вот вынуждены уйти, повернуться к ней спиной!

Тынты развернул вездеход среди торосов.

Подвижка льдов нарастала. Появились зигагообразные, расширявшиеся на глазах трещины, местами до метра шириной. Пока что они были не страшны. Вездеход проскакивал над ними, с ревом взбирался на ледяные гряды. Но ухо настроенно ловило изменение звуков нарастающего шторма.

Ветер выл над головой.

Снежная пелена казалась плотной, массивной. Мы двигались как бы по штреку. Только узкая дорожка света бежала впереди — луч, отбрасываемый фарой вездехода. (Вторая фара разбилась.)

И еще одна — невидимая — дорожка бежала, расстилась перед нашим вездеходом. Мы шли по радиопеленгу и не боялись сбиться с пути. Гладкая звуковая тропа в эфире выводила нас прямехонько к кораблю.

Стоило чуть отклониться от нужного направления — звук песни ослабевал. Но только на мгновение. Тынты, повинаясь моим негромким приказаниям, поворачивал машину, и тотчас же завывания ветра заглушались мелодией жизнерадостной, бодрой песни.

Однако со мной творилось что-то странное. Я видел, слышал, понимал все происходящее, переговаривался с Андреем, отдавал приказания Тынты, но делал это как-то машинально. Дразнящее видение синей полоски на горизонте продолжало плясать перед глазами.

До корабля было сравнительно близко — его успело поднести к нам дрейфом. Кроме того, теперь мы двигались навстречу друг другу. Через полтора часа после того, как вездеход повернул на сближение с кораблем, до нас донеслись глухие взрывы. Это рвали лед аммоналом. Значит, подвижка продолжалась.

А еще через полчаса я увидел свет впереди. За торосами столбом поднимался луч прожектора, упираясь в небо. Нам указывали дорогу. Там был наш корабль...

Мы поднялись по трапу. Федосеич шагнул ко мне с рапортом, но я жестом остановил его. Все было ясно без рапорта. (Как не похожа была эта встреча на веселые, шумные проводы!)

Вперед выдвинулся Степан Иванович. На лице его было укоризненное, строгое выражение, но оно то час же исчезло. У меня был, наверное, не очень веселый вид. У парторга не хватило духу упрекать нас с Андреем.

— Нет новых радиogramм? — спросил я, входя в радиорубку.

— Принята одна, Алексей Петрович, — отозвался старший радист и предупредительно придвинул мне стул.

Но и он не смотрел на меня.

Оказалось, минут десять назад из Москвы запрашивали, не вернулся ли вездеход. О нас беспокоились. О нас проявляли неусыпную отеческую заботу. А мы не выполнили задания — не дошли до земли!..

— Передайте в Москву следующий текст, — сказал я: — “Докладаваю: согласно вашему приказанию, вернулся на корабль. Люди здоровы. Материальная часть в порядке. Научный сотрудник Звонков и водитель Тынты Куркин действовали выше всяких похвал. Начальник экспедиции Ладыгин”.

Никита Саввич быстро застучал ключом.

Перед репродуктором все еще крутилась пластинка, с которой слетали в эфир заключительные слова песни:

Но на брег выкосят волны
Только сильного душой...

Почему так случилось? Почему волны не вынесли нас на брег?..

Устало опустившись на стул, я положил ладонь на кружившуюся пластинку и остановил ее.

Глава восьмая **НА ВУЛКАНЕ**

Дрейф льдов, “буксировавших” корабль, ускорялся с каждым часом. “Пятилетку” обнесло вокруг Земли Ветлугина почти втрое быстрее, чем в свое время судно Текльтона, да и зигзаг, проделанный ею, был значительно круче.

Нечего было теперь опасаться зимовки во льдах. Через три дня льды настолько разредело, что корабль получил возможность активно продвигаться. Мы спустились на юго-запад до Новосибирских островов, вышли на чистую воду, и вскоре, за полтора месяца обойдя все Восточно-Сибирское море, поставили корабль на зимовку у причалов Океанска.

Отчет о нашей неудаче и причинах неудачи был передан в Москву с пути.

Ответной радиogramмы ждали со дня на день. Впрочем, все было ясно и так. Лучше кого бы то ни было я понимал, что не могу остаться начальником экспедиции.

Конечно, дело было не только в неудаче, хотя и это имело значение. Главное было в проявленном мною безрассудстве во время вылазки на вездеходе. Тогда, видимо, я просто не владел собой — в самозабвении готов был на смерть и повел на смерть своих спутников, лишь бы хоть немного приблизиться к неуловимой земле. Чувство перевесило здравый смысл.

А это было непростительно. Ведь я был не рядовым участником экспедиции, а отвечал за судьбу многих людей, за судьбу оставленного мною корабля.

Я так и сказал об этом на открытом партийном собрании, когда зачитывалась радиogramма из Москвы о моем освобождении от занимаемой должности.

В прениях выступали немногие и довольно сдержанно. Наиболее подробно говорил Степан Иванович, осуждая мою “импульсивность, недопустимую для ученого”, как он выразился.

Союшкин, против ожидания, молчал, хотя теперь-то представлялась возможность поговорить. Наш гидрогеолог жался в углу, бросая на меня испуганно-соболезнующие взгляды.

После собрания я вышел на палубу, потому что в кают-компании было накурено, а от волнения у меня разболелась голова.

Корабль стоял на рейде. Вдали искрились огни Океанска. На соседнем лесовозе перекликались грузчики.

Я подумал о том, что Земля Ветлугина была, наверное, немногим дальше от нас, чем этот пирс. И все же пришлось вернуться ни с чем, с пустыми руками. Увидеть невысокую синеватую гряду на горизонте — и отступить, повернуть назад...

Но разве можно было представить себе, что льды так быстро потащат “Пятилетку”? Мы предполагали пересечь “белое пятно” несколько раз, а не пересекли ни разу.

Или прав был Андрей, настаивавший на том, чтобы отложить экспедицию на год, пока не будут готовы опреснители? Может быть, с помощью опреснителей ледокол сам пробился бы внутрь зигзага?

И в довершение всего эта “импульсивность”, это мальчишеское упрямство!..

Больше всего мучило меня опасение, что моя ошибка отразится на успехе всего нашего дела!

Не укрепит ли она позицию скептиков и маловеров? Не скажут ли: экспедиция к Земле Ветлугина по д-твердила, что земли нет. Ладыгин погнался за миражем, и вот результат!

Наш “штатный скептик”, правда, молчал на собрании. Но будет ли он молчать и по возвращении в Москву?

Теперь он сможет свидетельствовать против Земли Ветлугина не с одними лишь цитатами в руках — он сам побывал в высоких широтах и собственными глазами видел мираж над полыней...

Я перешел с бака на корму, потом вернулся на бак, слоняясь бесцельно по кораблю.

На баке меня разыскал Андрей. Я знал, что мой друг ищет меня, потому что, будь он на моем месте, я обязательно искал и нашел бы его, чтобы находиться с ним в этот тяжелый час. Андрей подошел и стал рядом. Все было понятно без слов.

Некоторое время мы молчали, опершись локтями на перила и смотря на черную воду, в которой отражались огни Океанска.

Потом я сказал Андрею о том, что мучило меня. Как думает он, неудача первого “штурма” не подорвет ли веру в существование Земли Ветлугина?

Андрей ответил, что не разделяет моих опасений, но голос его был слишком бодрым. Мы снова замолчали.

Сзади послышались торопливые шаги:

— Алексей Петрович! Вы где, Алексей Петрович?

Меня окликал старший радист.

— Я здесь, Никита Саввич, — отозвался я.

— Радиограмма из Москвы, — сказал он, подходя и протягивая бланк.

Хотя я уже не являлся начальником экспедиции, но ко мне еще обращались по старой памяти.

Я взял радиограмму.

В ней был ответ на мучивший меня и Андрея вопрос.

По решению правительства, экспедицию предлагалось возобновить будущим летом. Ледокол приказано поставить в док. Научную группу не расформировывать.

От сердца отлегло.

Значит, моя ошибка не отразилась на общем деле. Я был виноват, но только я один и платился за свою вину.

Радость моя была так велика, что я, не дочитав радиограммы, поспешил протянуть бланк Андрею.

— Москва предлагает повторить поход в следующем году! — сказал я с воодушевлением. — Тогда-то уж обязательно доберемся до Земли Ветлугина. Я рад, Андрей! Вот истинно мудрое решение. Верно?

Андрей шагнул поближе к фонарю, чтобы прочитать радиограмму.

В волнении я прошелся по палубе.

Ого! Теперь мы покажем маловерам! Учтем весь опыт первой экспедиции. Используем опреснители как вспомогательное средство. Кого бы ни назначили начальником экспедиции, это будет, наверное, опытный полярник, который поймет значение опреснителей.

— Леша!

Я оглянулся. Андрей смотрел на меня, держа радиограмму на весу.

— Ты все прочел, Леша? — спросил он странным тоном.

— Все! Почти все!

— Дочитай до конца.

Я встревоженно выхватил бланк из его рук. Неужели я чего-нибудь не понял? Разрешают второй поход или не разрешают?

В конце радиограммы стояло:

“Начальником экспедиции утвердить товарища А.Звонкова”.

— Совсем неожиданно для меня, — забубнил Андрей над ухом. — Ничего не знал об этом...

Я не дал ему закончить. Меня удивили и рассердили почти извиняющиеся интонации его голоса.

— Да ты в уме, Андрей? — сказал я. — Что это? Извиняешься передо мной? Утешаешь?.. Почему?

— Не утешаю, не извиняюсь, но...

— Послушай! Ведь это оскорбительно, пойми ты! Даже не в том дело, что мы друзья. Мы оба с тобой — советские люди, перед которыми одна цель... Возможны ли вражда или соперничество между нами?

— Да не горячись ты, Лешка! Я сказал только...

— Я рад, дурень ты! И за экспедицию рад и за тебя. За нас обоих!.. Значит, там, в Москве, доверяют молодым...

Степан Иванович, узнавший о радиogramме от Никиты Саввича, застал нас прогуливающимися по палубе и обсуждающими план второго похода.

— А мы прикидываем с Алексеем Петровичем, что доставить из Москвы, — сказал Андрей, увидев его. — Сети для ловли планктона подгуляли у нас. И батометров надо прикупить... А потом закажем с полсотни опреснителей! Помните, я рассказывал об опреснителях — веществе, которое вызывает выпадение солей из воды?... Это его идея, Леши, Алексея Петровича! — поспешил добавить мой друг, ласково беря меня за локоть.

Через несколько дней Андрей вместе со Степаном Ивановичем и Вяхиревым вылетел в Москву, чтобы торопить химиков, работающих над получением химического состава, который мы условно называли опреснителем. Союшкин еще накануне выехал в Москву поездом.

Мы с Синицким остались зимовать в Океанске.

Меня соблазнила возможность совершить в течение зимы несколько разведывательных полетов в район “белого пятна”. Кроме того, я считал, что обработку собранных во время экспедиции гидрологических и метеорологических данных удобнее проводить на берегу Восточно-Сибирского моря, то есть на самом пороге тайны.

Расположились мы на метеостанции Солёный Нос. Здесь на протяжении последних лет проводили систематические наблюдения над гидрологическим режимом моря, над формированием его льдов и т.д. Это было очень кстати для нас.

Частенько, воспользовавшись оказией (из метеостанции в город регулярно ходили машины), я заглядывал в док, где ремонтировали наш корабль.

Вся команда проявляла по отношению ко мне большой такт. Никто не топтался подле меня с выражением соболезнования, никто не засматривал сочувственно в глаза. Держались просто, по-деловому, как это умеют только мужественные, прямые, закаленные в невзгодах люди.

Ремонт подвигался быстрыми темпами. К началу лета “Пятилетка” должна была снова войти в строй.

А праздничные дни я проводил в доме Овчаренко.

Отличный он был человек! Как-то житейски просто и очень правильно понимал жизнь. Не потому ли все так удавалось ему?

Для окружающих начальник океанского порта был неисчерпаемым источником бодрости и энергии, работу свою делал быстро, с шутками и прибаутками, отдыхал весело, шумно.

Оказалось, что на покупку книг он тратит чуть ли не половину своей зарплаты. Я поразился, увидев его обширную библиотеку. Несмотря на занятость, читал Овчаренко очень много (обычно по ночам) и по самым разнообразным вопросам. Думаю, что привычку к систематическому чтению привил ему Петр Арианович.

Мне было приятно узнавать в Овчаренко Петра Ариановича, находить в характере, мнениях, привычках радушного, приветливого хозяина то, что сближало его с моим покойным учителем.

Я много думал в ту зиму также о Лизе.

У нас наладилась переписка. Я знал, что Лиза не любит писать (восторженное послание из “Подмосковной Атлантиды” было исключением из правила). Тем более дорожил я каждой ее строчкой.

Письма Лизы были коротенькие, но душевные, ласковые. Мне очень важно было, что, несмотря на неудачу, несмотря на сделанные мною сгоряча промахи, Лиза продолжает верить в меня.

Она очень тактично показала это. К Новому году я получил посылку из Москвы. В маленьком фанерном ящике, как в детской игрушке, был еще ящик, и в нем футляр, а в футляре — компас-брелок, когда-то подаренный нам Петром Ариановичем.

Долгое время компас находился у нас с Андреем. Потом Лиза выпросила его на вечер, чтобы показать подругам. Так он и остался у нее — она вела сравнительно оседлый образ жизни, тогда как мы с Андреем кочевали с одной полярной станции на другую. Теперь компас-талисман вернулся ко мне. А ведь Лиза могла (и, пожалуй, должна была!) отдать его Андрею, с которым, наверное, встречалась в Москве.

Честное слово, я начинал понимать Андрея. Ну как не полюбить девушку с такой душой, такую умницу!.. Плохо только то, что в письмах ее довольно часто упоминался круглолицый и румяный музейный работник, брат подруги. Боюсь, что шансы Андрея были не слишком велики...

Сказать откровенно, делалось даже грустно, когда долго не приходило письмо от Лизы. Непроглядная полярная ночь была вокруг, над рейдом лежал туман, и в тумане звучали протяжные, глухие, нагоняющие тоску голоса ревунов...

Но, помимо Овчаренко и Лизы, помогала сама Арктика. Она причинила мне горе, она же и лечила его.

Расписание занятий на метеостанции было таким жестким, что для тоски, сомнений, скуки и прочих нежелательных переживаний просто не оставалось времени. Васечка даже начал ворчать на мой “деспотизм”, не понимая, что я поступаю так для его и своей пользы.

Однако даже за работой я не мог забыть странное предостережение Петра Ариановича, призыв, обращенный к нам из царской ссылки; “Спешить, чтобы застать!..”

“Спешить, чтобы застать!..” — эти слова все время звучали в мозгу. Иногда они звучали так явственно, точно кто-то повторял их над ухом в тишине.

А тишина вокруг была удивительная.

Все застыло, окоченело, замерло. Человек здесь слышал самого себя: не только свой пульс, даже свое дыхание — на морозе оно шелестит, замерзая.

Было очень холодно. Холод шел, казалось, отовсюду: от промерзшей до основания земли и из бездонного, ясного неба.

— Сияние, — негромко говорил Васечка.

На севере в черной глубине неба вдруг возникало облачко. Оно поднималось, легкое, почти прозрачное. Свет его становился все ярче и ярче.

Если ветер был не сильным и дул с севера, сияние продолжалось очень долго. Очарование его заставляло забывать о холоде.

Вот радужные складки тяжелеют, как бы отвердевают. Это свод пещеры, с которого свешиваются сталактиты. Вереница сверкающих разноцветных арок уводит куда-то вдаль, к таинственно темнеющей черте горизонта.

Похоже на ворота в сказочный мир. Но что там? Острова ли? Пустынное ли, покрытое льдами море?..

Иногда сияние медленно и торжественно гасло, иногда исчезало мгновенно, точно киномеханик за нашей спиной выключал проекционный аппарат.

На протяжении зимы совершенно было три разведывательных полета в район “белого пятна”. Я летал в качестве наблюдателя.

В путь отправлялись в полнолуние, но так и не увидели ничего, кроме хаотического нагромождения льдин. Резкие, угловатые тени. Глубокие, зловещие борозды. Общее ощущение заброшенности, безлюдья...

Может быть, опоздали? Может быть, в пределах “белого пятна” уже нет ничего?..

Читателю может показаться, что я слишком подробно рассказываю о зимовке на метеостанции Солёный Нос. Однако события этой зимы имеют прямое отношение к Земле Ветлугина. Дело в том, что решение загадки лежало поблизости. Стоило только нагнуться, посмотреть себе под ноги, чтобы за сотни миль от Земли Ветлугина понять ее удивительную природу и происхождение.

Если читателю удастся это, если уже сейчас, накануне второй экспедиции, он разгадает природу Земли Ветлугина, он будет удачливее меня.

И не только меня... Васечка, Сабиров, Таратута — каждый по-своему — пытались истолковать последние слова учителя географии. Острова были, по-видимому, непрочны, ненадежны. Был в них таинственный изъян, который мог, судя по словам Петра Ариановича, привести либо к внезапной катастрофе, либо к постепенному исчезновению архипелага...

Что же это было?

Сабирова привлекала эффектная догадка. Он предположил, что острова вулканического происхождения.

— И вулкан безусловно действующий, — разлагольствовал он в кают-компаниях¹ метеостанции. — Быть может, до Ветлугина дошли рассказы местных жителей о вулкане. Быть может, он сам нашел нечто, натолкнувшее его на такое предположение.

Наш бравый старпом довольно красочно описывал, как, пробившись сквозь льды, мы увидим на горизонте слабое зарево, отблеск огня, потом качающийся столб дыма. Огонь среди льдов! Из белеющей, искрящейся рамки медленно наплывает на нас черный купол, на котором пляшут язычки пламени... Это Земля Ветлугина!

— Понимаю ход ваших мыслей, — отвечал я. — Вас, как всегда, привлекает необыкновенное.

— Но почему же необыкновенное? А остров Завадовского?..

Мы все, конечно, знали об этом острове. Его открыли в Антарктике и дали ему имя русского моряка отважные Лазарев и Беллинсгаузен. С удивлением они обнаружили на нем вулкан. Вокруг огнедышащей горы громоздились плавающие ледяные горы — айсберги — высотой до полукилометра.

В подобной догадке было кое-что соблазнительное.

Вулканическая деятельность в Арктике не прекращается так же, как и в Антарктике. Земля Ветлугина явилась бы новым звеном в длинной цепи вулканов, опоясывающей Полярный бассейн. Наиболее известны среди них гора Врангеля на Аляске, Ключевская сопка на Камчатке, Гекла в Исландии и потухший вулкан на острове Ян-Майен в Гренландском море.

— Клокочущая магма подняла Землю Ветлугина над поверхностью океана — такое предположение напрашивается само собой, — продолжал Сабиров, ободренный нашим молчанием.

В своих скитаниях по южным морям он видел десятки подобных островов, обязанных своим рождением подземному огню. Они могли простоять тысячи лет, а иногда исчезали столь же быстро и неожиданно, как и появились.

Эфемерное существование такого острова-однодневки Сабиров даже зарегистрировал в вахтенном журнале. Советский лесовоз, на котором он служил, пересекал Тихий океан. Вдруг прямо по курсу Сабиров увидел небольшой, лишенный растительности остров. Он протер глаза. Островов в этих местах не полагалось. По лодии были тут очень большие глубины, до двух километров.

---

¹ На полярных станциях, так же как на кораблях, общая комната называется кают-компанией.

— Ночью бы шли — обязательно на остров наскочили бы, — с воодушевлением пояснял наш старпом. — Ведь на самом курсе был!.. И, видно, новенький, только-только подняло со дна, — вокруг еще кольцевые волны ходят.

— Определили координаты?

— Конечно. Записали о нем в вахтенный журнал. Я уж и название придумал: Громобой... А через неделю возвращаемся, смотрим — нет острова! Будто и не было вовсе. Море и море. Морская гладь, как говорит-ся... Пришлось делать новую запись в журнале.

Однако, как вскоре выяснилось, мы сами жили на вулкане. Тот, кто не бывал на Крайнем Севере, не может себе представить, что такое арктический холод.

Жилье наше обогревалось железной печкой, пол был устлан войлоком и медвежьими шкурами; термометр, висевший на стене, показывал пятнадцать-семнадцать градусов тепла, но если кто-нибудь расплескивал воду и она стекала по стене, то капли ее замерзали, не достигнув пола, — вот как холодно было внизу.

Земля под нами была проморожена на сотни метров в глубину и состояла из частиц почвы, перемешанных с мелкими кристаллами льда.

Холод препятствовал сотрудникам метеостанции во всем, подстерегал на каждом шагу. Штанги буров скручивались, пробивая скованную морозом почву, муфты лопались, глубинные термометры очень быстро выходили из строя. Во время наружных наблюдений приходилось носить с собой грелки. Подле них отогревали приборы и коченеющие пальцы. Таковы были условия нашей работы.

Мы постепенно привыкли к ним. Но суровая природа готовила новые испытания.

Оказалось, что в этом царстве обжигающего мороза даже вода может сыграть роль взрывчатого вещества.

В недрах вечной мерзлоты очень тесно грунтовым водам. Вдобавок с осени над Океанском установились антициклоны. Снег выпал поздно, лишенная его покрова земля промерзла очень глубоко. Вода была стиснута теперь, как клещами, снизу и сверху.

Особый прибор, погруженный в грунт, показал огромное давление — семьдесят атмосфер на глубине тринадцати метров.

Страшно было наблюдать за тем, как под напором почвенных вод вздувается, бугрится, набухает земля. Метрах в ста от будки магнитолога среди маленьких бугров образовался курган, который поднимался с каждым днем все выше и вскоре достиг десяти метров высоты.

Мы зарегистрировали его рост при свете магния маленьким киноаппаратом. Установлены были дежурства, чтобы не пропустить момент взрыва. На всякий случай на нарты были погружены приборы и рация.

Ветер, бушевавший несколько дней, стих, и в ясном морозном воздухе стал слышен злобный треск — предвестие взрыва.

Никто из нас не мог заснуть. Правда, жилые постройки метеостанции отстояли довольно далеко от “вулкана”, но трудно было предугадать силу и последствия “извержения”.

Из-за перегородки доносился голос Сабирова. Старпом пришел к нам в гости и остался ночевать, узнав о приближающемся событии, — он любил сильные ощущения. Сейчас он рассказывал в соседней комнате что-то об апельсинах и манго. Я прислушался.

— ...милль за двадцать можно угадать в темноте, что корабль подходит к Яффе...

— За двадцать? — переспросил Таратута недоверчиво. — Травишь, Саит!

— Нет, верно говорю. Если ветер с берега. По запаху апельсинов... В море запахи очень долго держатся. Мы как-то прошли Тимор — это остров в Зондском архипелаге. Уж и берега давно не видно, один только океан вокруг, а плодами манго пахло так, будто целая гора их на палубе, будто посреди манговой рощи плывем...

— Внеси добавление в лоцию, Саит, — посоветовал Васечка.

За перегородкой засмеялись.

— Чем-то его Земля Ветлугина обрадует?

— Запахом вулканического пепла и лавы, наверное... В этот момент стены нашего дома потряс грохот.

Мы выбежали наружу.

Темно-синее небо было прозрачно. Из образовавшейся воронки бурным потоком хлестала вода, подхватывая и унося за собой глыбы льда.

Мы наблюдали это удивительное зрелище недолго, потому что вода подступила к дому вплотную и льдины дробно застучали в стену.

Нам пришлось вооружиться баграми, чтобы защищать постройки от натиска льдин. Метеорологическую будку и один из сараев с припасами, несмотря на наши усилия, вода все же смыла в овраг.

Когда непосредственная опасность миновала, мы возвратились к “вулкану”. Кратер его был окутан облаком испарений. Вода то поднималась, то опускалась в воронке. Крутые склоны бугра покрылись уже гладкой ледяной коркой. Ночь по-прежнему была ясной, а мороз, при котором разыгралось это подлинно весеннее буйство воды, достигал сорока пяти градусов!

На будущее надо было как-то обезопасить метеостанцию от капризов стихии. Научных сотрудников пугала возможность ледяных извержений, смещений грунта, трещин, провалов, наледей.

Из Института мерзлотоведения в Москве дали совет оградить метеостанцию подземным ледяным барьером и растолковали, как это сделать. Мы вырыли ров в направлении господствовавших ветров. Те выдували снег, земля на дне рва промерзала.

Вскоре все жилые постройки были обнесены рвом, под которым пролегал невидимый барьер в мерзлом грунте.

— Можем вывесить объявление, — пошутил я: — на территорию метеостанции посторонним налегам вход воспрещен!

Да, эта зима в Океанске была трудной и тянулась нескончаемо долго.

И никого из научных работников, и меня в том числе, не надоумило “извержение” ледяного вулкана. Никто не догадался, что решение загадки Земли Ветлугина, объяснение странных слов Петра Ариановича: “Спешить, чтобы застать!”, было буквально у нас под ногами...

Глава девятая

ДОНЕСТИ ОПРЕСНИТЕЛИ ДО ЗИГЗАГА!

Но миновала и эта трудная зима, сошел лед на реке, и море за мысом Солёный Нос снова стало зеленовато-синим, чистым, свободным от льдин.

В последний раз мелькнули и скрылись за поворотом белые будки метеостанции и мачта с полосатым, распластавшимся по ветру флюгером. “Пятилетка” легла на курс.

В этом году мы подошли к кромке льдов на три дня раньше, чем в прошлом году. О том, что кромка близко, узнали еще накануне. Нас оповестил об этом Степан Иванович,

— Калянусы на ушко шепнули? — спросил Сабиров усмехаясь.

Мы с удивлением смотрели на Степана Ивановича. Не было никаких признаков льда впереди. Небо над горизонтом было типично “водяное”, темно-серое.

— Калянусы промолчали, — в тон Сабирову ответил гидробиолог. — Разговорчивым оказался фитопланктон...

Утром Степан Иванович заметил, что количество фитопланктона в море резко увеличилось. А еще плавая на “Сибирякове”, он установил закономерность: чем ближе к кромке льда, тем больше встречается мельчайших, взвешенных в воде живых организмов.

— Пловучие льды увидим завтра или послезавтра, — уверенно повторил Степан Иванович. — “Разговорчивый” планктон не подведет.

Степан Иванович не ошибся. Когда мы вошли во льды, Сабиров имел весьма сконфуженный вид, а парторг подшучивал над ним:

— Каково? Пошептался с планктоном — и вот пожалуйста, в предсказатели попал...

Почти ничего не изменилось на борту корабля с прошлого года. Можно было подумать, что мы впервые идем к “белому пятну” и мне и Андрею еще предстоит десант на вездеходе. Но на баке высилось сооружение, прикрытое брезентом. Оно очень напоминало торпедный аппарат. А в трюме были установлены в ряд и заболито обложены соломой, чтобы предохранить от толчков, пятьдесят металлических, тускло поблескивающих баллонов.

Пятьдесят — это было не очень много. Но больше не успели изготовить. И так химики в Москве торопились изо всех сил и превзошли себя. Новый опреснитель, вызывавший выпадение солей из морской воды, был во много раз активнее азотнокислого серебра. С пловучими льдами мы, гидрографическая экспедиция, собирались побороться своими, чисто гидрографическими средствами.

Не изменился и научный состав экспедиции.

По-прежнему Степан Иванович, шевеля длинными усами, склонялся над своими калянусами. По-прежнему четыре раза в сутки проводил метеорологические наблюдения Васечка, как будто бы еще больше раздавшийся в плечах. По-прежнему подле пробирок с пробами хлопотали круглолицый улыбающийся Вяхирев и Союшкин, то и дело теряющий и подхватывающий на лету свое пенсне.

Я не собираюсь повторяться и давать подробное описание второго похода к “белому пятну”. Хочу рассказать лишь о двух эпизодах, где лучше всего, по-моему, проявился характер моего друга — его целеустремленность и выдержка, которых не хватило мне.

Место для якорной стоянки во льдах выбирали осмотрительно и долго. На Федосеича, как знает читатель, нелегко было угодить.

Наконец приткнулись к широкому торосистому полю площадью в один квадратный километр. Лед был довольно толстый — по-видимому, образовался года полтора назад.

— Выгодная конфигурация, — пояснил Сабиров. — Видите, вон на южной стороне поля выбоина. Сюда и введем корабль. Это будет наша гавань.

— Главное не выбоина, — сказал Андрей. — Поле представляет из себя треугольник. Острым углом оно будет таранить, расталкивая льды, надежно прикрывая корабль.

— В общем, насадили дополнительный ледяной форштевень!

Выяснилось, однако, что выбранное нами ледяное поле — с секретом.

Когда задули ветры северо-восточных румбов, корабль стал оседать на корму. Это было странно. Федосеич с Сабировым спустились на лед и обошли корабль. Особенно долго находились они у форштевня, присаживались подле него на корточки, заглядывали вниз, качали Головами.

Вернулись они с ошеломляющим известием. Оказалось, что под льдиной был подсов — вторая, косо стоящая льдина, не замеченная раньше. Теперь корабль сидел на ней и раскачивался при подвижках.

Андрей приказал уменьшить дифферент¹ перебросив грузы с кормы на нос. Корабль выровнялся.

Но вечером произошла новая подвижка, и проклятая льдина-подсов опять перекосилась.

Мы только что расположились со Степаном Ивановичем в его каюте “почайпить” — наш парторг, коренной москвич, был весьма предан этому занятию и, по доброте своей, старался приохотить и меня.

— Сабиров пьет чай, черный, как деготь, — с пренебрежением говорил он. — Разве это чай? Он должен быть светло-коричневым, с золотыми искрами! Вот такой, Алексей Петрович!

Он поднял на свет стакан с чаем “правильной” расцветки, как вдруг стакан упал и разбился, а гость с хозьяном повалились рядышком на диван.

Мы услышали противный длительный скрежет — проклятая льдина царапала дно!

На этот раз корабль перевалило на левый борт.

— Да уж, уютенькую льдинку выбрали! — пробурчал Степан Иванович, подбирая осколки стакана с пола.

Я поспешил на палубу. Ее перекосило набок — идти приходилось, держась за переборку.

Сабиров, уже стоявший в штурманской рубке у кренометра, поднял озабоченное лицо.

— Крен — двадцать градусов, — сказал он.

Следом за мной вошли Федосеич и Степан Иванович, спустя некоторое время — Андрей.

Лицо его было еще более серьезно, чем лицо Сабирова.

— Я из машинного отделения, — сказал он ровным голосом, каким всегда говорил в минуты опасности. — Запасный холодильник дал течь...

Сабиров опрометью кинулся из рубки, я — за ним.

Машинное отделение было ярко освещено. В трагической тишине аварии слышно было только тяжелое дыхание механиков, суевившихся подле крышки холодильника, и тонкое, певучее журчанье. Из-за крена отливное отверстие холодильника очутилось под водой, прокладку у крышки пробило, и вода Восточно-Сибирского моря тоненькой струйкой начала поступать в машинное отделение.

Быстро, будто захлебываясь, спеша, догоняя друг друга, зазвучали удары била о рынду. Тревога! Тревога! Общий аврал!

Над головой по трапам и палубе, как частый дождь, застучали шаги.

Я поспешил наверх — проверить, хорошо ли закреплены аварийные запасы.

Крен с каждой минутой увеличивался. Вдобавок палуба обледенела, и ходить по ней было очень трудно.

Льды вокруг были спокойны, но под этим спокойствием таилась угроза. Они медленно кружились, как в хороводе. Видимо, проклятая льдина, на которую сел дном корабль, также двигалась, ерзала вместе с другими льдинами.

Я вернулся вниз.

За те несколько минут, что я пробыл вне машинного отделения, увеличился напор воды. Струи воды, пробиваясь в разрывы в прокладке, били с размаху в противоположную переборку. Они были тонкие, но тугие.

— Тонн тридцать в час, — прикинул я, глядя на хлеставшую воду.

Неприятно было думать с том, что все Восточно-Сибирское море ломится в наш корабль.

Вот где сказался опыт прошлогодного плавания! Наш коллектив был на редкость сколочен, сложен, “сбит” прошлогдними частыми сжатиями. Работали споро, без суеты, по какому-то наитию, почти без слов понимая Андрея и Федосеича, командовавших авралом. Если существует передача мыслей на расстоянии, то она проявляется именно во время аварии.

Часть команды подтаскивала к холодильнику доски и цемент. Другие бегом приволокли брандспойт, мгновенно собрали его и протянули шланг за борт. Тотчас же произошла перемена в зловещей какофонии: журчанье струй заглушили мощные всхлебы заработавшего брандспойта.

Откачивали воду с яростью. Всех охватило какое-то вдохновение, азарт борьбы со стихией. Никогда моряк не чувствует себя до такой степени связанным со своим кораблем, как в минуты опасности. Каждый понимал, что судьба корабля — это наша судьба!

А стрелка кренометра продолжала неудержимо двигаться. Она подходила уже к тридцати.

— Что ж, Андрей, — сказал я негромко, — опреснители помогли бы...

Андрей искоса взглянул на меня:

— Ты думаешь, пора?

— Надо выровнять корабль...

— А с чем придем к зигзагу?

— Мы пустим в ход десяток опреснителей, — продолжал я, — и корабль выровняется! Проклятую льдину-подсов — к черту, на размыв ее!..

— Десяток, — повторил Андрей задумчиво. — Целый десяток!..

---

¹ Дифферент — разность осадки кормы и носа корабля.

— Хватит остальных.

— Хватит ли?

Откуда я мог знать, хватит или не хватит?

— Нет, нельзя, — решительно сказал Андрей. — Что ты? Прийти к зигзагу порожняком, с пустыми руками!..

— Но так мы вообще можем не прийти к зигзагу.

— А что пользы прийти без опреснителей? Повторить прошлый год?..

Я молчал.

— Хорошо. Посоветуемся с Кешкиным, — сказал после паузы Андрей. — Я считаю: надо держаться до последнего!

— На одном энтузиазме?

— Да. Ты правильно сказал — на энтузиазме!

Он подозвал к себе Федосеича, Сабирова и старшего механика Кешкина. Они явились, промокшие нассквозь, измученные возней с брандспойтом и мешками.

С обычной своей краткостью Андрей изложил суть вопроса. Настолько ли опасно положение, чтобы пускаться в ход ценные опреснители, нашу последнюю, решающую ставку в борьбе со льдами?

Сабиров сверкнул черными глазами и быстро сказал: “Нет”. Федосеич в знак согласия с Сабировым кивнул головой. Механик Кешкин призадумался. Мы с напряжением ждали его ответа.

Между тем аврал продолжался. Вокруг крышки холодильника, куда ломилось Восточно-Сибирское море, сустились люди. Матросы непослушными, одеревеневшими от холода руками зажимали отверстия, городили и сколачивали доски.

Кешкин, мельком взглянув на выставшую на глазах опалубку, принял решение.

— Поберегите опреснители, Андрей Иванович, — сказал он. — Я вот что думаю. Что, если мы с Сабировым спустимся за борт? Надо попробовать заткнуть отверстие снаружи...

К тому времени отверстие ушло уже на метр в воду. Стало быть, смельчаков ждала ванна при температуре воды минус два градуса. Мало того: льды могли придвинуться вплотную к борту и раздавить Сабирова и Кешкина.

Но только так можно было выровнять корабль, не прибегая к опреснителям.

Мы вышли на палубу.

Кешкина и Сабирова поспешно обрядили в водолазные костюмы. Затем Кешкин первым по деревянному штурмтрапу спустился за борт. Сабиров нетерпеливо топтался на палубе, ожидая своей очереди.

Задача состояла в том, чтобы ощупью отыскать в борту отверстие, через которое хлестала вода, и заткнуть его паклей, обмазанной тавотом. Это было не так-то просто. Надо было подставить паклю как раз под струю воды. Струя должна была сама затянуть ее внутрь.

То и дело водолазы сменялись. Руки и ноги их окоченели. Работать становилось все труднее. Но вот по прошествии томительной четверти часа из машинного отделения явился гонец с радостной вестью: вода стала поступать медленнее. Сабирову удалось закупорить отверстие.

Когда он поднялся по штурмтрапу на палубу и мы отвинтили шлем его скафандра, старший помощник не мог говорить. зуб на зуб не попадал от холода!

— Сабирова и Кешкина — в каюту! — распорядился Андрей. — Оттереть спиртом, напоить ромом!.. Спасибо, товарищи! Дальше справимся без вас.

По счастью, не было подвижек, льды вели себя очень тактично, как бы соблюдая правило: “Двое дерутся — третий не мешайся”.

Вскоре нам удалось уменьшить крен до пятнадцати градусов, а затем и выровнять судно совершенно.

Остаться на этой каверзной льдине нельзя было, и, возобновив самостоятельное плавание во льдах, ледедокл переменял место стоянки.

Случай с льдиной-подсовом очень поднял авторитет Андрея в глазах команды и научных сотрудников. Каждый участник экспедиции хорошо понимал, как важно для нас прийти к зигзагу во всеоружии нового действенного средства борьбы со льдами.

— Правильное решение выбрал Андрей Иванович, — одобрительно говорили в кубриках, в каюткомпании. — И корабль выровнял и опреснители сберег...

Все кончилось, таким образом, благополучно, за исключением того, что Союшкин начал картавить.

— Чогт знает что! — удивлялся он, с отвращением прислушиваясь к своему выговору. — Другие начинают заикаться после испуга, а я картавить почему-то стал!..

Он даже не очень испугался, по его словам.

— Пгосто пготивно было... Когабль — и вдуг набок! — пояснял он.

А Сабиров с готовностью подтверждал, что его приятель не покладая рук работал у брандспойта.

— Это еще ваша плоть боится, товарищ Союшкин, — с серьезным лицом говорил Вяхирев, — а дух уже бодр! Духу все нипочем!

Союшкин соглашался с ним.

Однако самый придирчивый критик (а мы с Андреем были придирчивыми критиками) должен был признать в Союшкине перемену к лучшему.

Иногда в нем прорывались еще старые замашки. Вдруг он закидывал голову и, картинным жестом поправляя пенсне, принимался “поучать”, “глушить” цитатами. Но тотчас же спохватывался.

Даже спорить о Земле Ветлугина стал реже и как-то сдержанно, неохотно.

Бывшему первому ученику пошла впрок первая экспедиция. Он распрямился, повеселел. К началу второго похода расхрабрился до того, что стал проситься в команду подрывников, но Андрей не разрешил.

Союшкину, по-видимому, хотелось быть поближе к Сабирову, который оказывал ему покровительство. Приятельские отношения между ними упрочились. Часто, поднявшись во время вахты Сабирова наверх, я замечал на мостике узкоплечую фигуру Союшкина в меховой шапке с длинными висячими ушами.

— Так и должно быть, — с удовольствием повторял Степан Иванович. — Помнишь, ты не верил в прошлом году, что из него выйдет толк. А ведь вышел? Из книжного червя человеком стал. Поумнел, обтесался! И то сказать: какой коллектив у нас — да чтобы одного Союшкина не обтесать!..

О предстоявших нам ледяных “передрягах” — подвижках и сжатиях — Союшкин говорил свысока, тоном бывалого полярника. Не впервой, мол!

— Подождите полнолуния, — многозначительно замечал я.

С тревогой ожидал я полнолуния, когда усиливаются приливно-отливные явления. Полнолуние наступило 18-го.

— Быть сжатию, — сказал Андрей, заглянув под вечер в кают-компанию.

— Тряхнет ночью, — вскользь, между делом, бросил Сабиров.

Молчаливый Федосеич не сказал ничего. Он просто распорядился поднести запасы аммонала ближе к борту, чтобы удобнее было доставать их при подвиге.

После ужина я вышел на палубу. Белая пустыня вокруг была неподвижна, но какие-то неясные прерывистые звуки уже неслись издалека.

Федосеич выдвинул вперед плечо и, склонив голову, застыл в позе прислушивающегося человека.

— Идет вал, — сказал он, подождав с минуту. Наш капитан привык воспринимать Арктику на слух.

Звуки торошения тем сильнее, чем крепче лед, объяснил он. Различна не только сила звука, но и его тон, который обусловлен возрастом льда.

Между тем гул становился все громче. Вскоре мы увидели вал, неотвратимо двигавшийся на нас.

— Ледовая тревога! Сабиров, на лед!

Забухала рында. Побежали мимо люди, застегивая на ходу меховую одежду, спеша к своим местам, расписанным по тревоге.

По небу неслись низкие тучи. Вяло падал снег.

Никогда еще не приходилось наблюдать подвижку таких размеров. Видно было, как вдали с грохотом трескались поля льда, обломки их переворачивались и со свистом и шипеньем лезли друг на друга.

— Сколько у нас под килем? — спросил Андрей, оборачиваясь ко мне. (Мы как бы поменялись с ним во втором походе обязанностями: теперь я ведал эхолотом.)

Я доложил, что “Пятилетка” проходит над мелководьем. Степан Иванович покрутил головой и чертыхнулся. Андрей и Федосеич не сказали ничего, но по их лицам нетрудно было догадаться, что известие не понравилось.

Чему тут нравиться! Многолетние поля, вначале возвышавшиеся над водой всего на несколько десятков сантиметров, проползают почти на брюхе по дну. Напор страшный! С боков, снизу! Ледяные поля корежит, сгибает. И вот уже катится по морю белый вал, вспухающий, растущий на глазах...

— Метров десять, не меньше, — сказал Степан Иванович, прикидывая высоту приближающегося ледяного вала.

— Побольше, пожалуй... Метров пятнадцать, — поправил его Андрей.

— И все двадцать будет, — бросил Федосеич. Загрохотали наконец защитные взрывы аммонала, и хотя гул их мало чем отличался от гула сшибающихся льдин, но таково свойство ассоциации — нам эти звуки показались удивительно приятными, почти мелодичными.

Непосредственная опасность миновала, но успокаиваться было рано.

В какие-нибудь четверть часа гладкая белая равнина вокруг нас превратилась в резко пересеченную всхолмленную местность. Всюду, как обелиски, торчали ропаки, образовавшиеся от столкновения ледяных полей. Два поля сшиблись лбами, и вот лед вспучило здесь, выперло наверх, как огромный нарост, как чудовищную шишку. Трещины бороздили поля по всем направлениям.

Это была картина первозданного хаоса, выполненная, впрочем, только в два цвета — белый и бледно-голубой.

Исполненная на полотне и заключенная в красивую золоченую рамку, подобная картина вызвала бы у нас самые благородные, утонченные эмоции и неподдельное восхищение перед талантом художника (“Здорово схвачено, а? Арктика — как живая, не правда ли?”).

Но, увы, мы находились, так сказать, внутри рамки.

Подрывники сошли на лед, заметив, что один сильно выступавший ледяной массив грозит навалиться на руль корабля.

Едва лишь прогрехотал взрыв, как опять начало торосить.

С севера надвинулся на нас ледяной вал. Он изгибался, беря корабль в обхват, гоня на него молодой лед, превращенный в груды мелких обломков, а за молодым льдом шел многолетний пак — тяжелые льды.

— Не пора ли, товарищ начальник? — спросил Степан Иванович.

Он не сказал, что именно пора, по все поняли его: не пора ли было прибегнуть к помощи опреснителей?

Андрей молчал, внимательно изучая в бинокль нового противника.

Этот вал был значительно выше предыдущих — наверное, до тридцати метров высотой. Такого страшного лица я не видел еще никогда.

— Опреснители — наш козырь, — сказал Андрей, не отнимая от глаз бинокля, — и мы сбросим его только в самый последний момент.

Он сказал это тоном, не терпящим возражений.

По-видимому, у некоторых людей очень развито какое-то шестое чувство — времени. От советских подводников я слышал выражение; “Две секунды — рано, четыре — поздно, три — самый раз”. Мой друг, мне кажется, обладал этим чувством времени. Что-то подсказывало ему, что можно выждать, что опасность не так велика и критический момент не наступил. Значит, сбрасывать последний козырь еще рано!..

Снова корабль опоясался защитным огнем.

Сжатия учащались. Лед сдавливало, наслаивало.

А круглое лицо луны, висевшей на небе, было совершенно спокойно, почти благодушно. Казалось, луна с интересом наблюдает вызванную ею кутерьму.

Приливы и отливы — явление обычное на море, Повинуясь действию притяжения луны, огромные массы воды ритмично набегают на берег и медленно отступают от него. Но здесь, в царстве пловучих льдов, знакомое каждому человеку явление казалось грандиозным и ужасным. Дрожащие серебряные лучи, протянувшись с неба, притягивали льдины, волокли их, как на буксире, громоздили друг на друга...

Небо было ясно. Тучи умчались за горизонт, и снег-позёмка с шорохом несся понизу.

Морозило все крепче и крепче, было трудно дышать. Потрескивали деревянные части судна.

Дрейфующие льды, сжимаясь и разжимаясь, уносили нас на северо-запад, к заветному “белому пятну”.

Глава десятая **ТЕПЕРЬ ПОРА!**

Мы дрейфовали третью неделю, томительно медленно подвигаясь к “белому пятну”, описывая по морю причудливые выкрутасы.

Кое-где приходилось вежливенько просить посторониться наседавшие на корабль льдины, “чуть-чуть” раздвигать их локотками.

Раз или два в день, не реже, начинала громыхать наша рында, и все по ледовой тревоге выбегали наверх.

Этой осенью в распоряжении Сабирова были электродетонаторы. Они значительно упрощали дело. С помощью специального индуктора старший помощник взрывал лед одновременно в нескольких лунках. Это производило внушительное впечатление.

— Честью просят, честью просят, — бормотал Сабиров, возвращаясь на борт.

— Кого это — честью, Сабиров?

— Известно кого: пловучие льды.

Подле пего, сохраняя озабоченно-достойный вид, торчал Союшкин. Пенсне его, закрепленное за ушами веревочками и проволочками, было закопчено, в руках он горделиво держал ящик с индуктором.

Да, он становился приемлемее, лучше день ото дня.

Союшкин хорошо показал себя в моменты опасности, заслужил даже одобрение скупого на похвалы Федосеича, до крови стер руки, откачивая воду во время крена, — вообще не ударил лицом в грязь. Что же касается его непосредственной научной работы, то тут он, аккуратист и педант, был незаменим. Учтя особенности его характера, Андрей дополнительно возложил на нашего гидрогеолога обязанность заведующего аварийными запасами, и теперь то в одном, то в другом отсеке раздавался тонкий, скрипучий голос с бранчливыми интонациями.

Странно, что даже голос его теперь не казался мне таким противным, как раньше.

“Что ж, — думал я, — в конце концов, он — наш, советский человек. Не в безвоздушном же пространстве жил он все это время! Учился в советском вузе, работал в научно-исследовательском институте...”

И он уже не домогался дружбы со мной и Андреем, как в детстве в Весьегонске. Держался не назойливо, с достоинством, называя нас только на “вы” и по имени-отчеству. А главное, после неудачи первого похода не проявил злорадства, не стал повторять, как сделали бы некоторые на его месте: “Что я говорил?” Наоборот, будучи в Москве, Союшкин всюду и везде с присущей ему, выматывавшей душу обстоятельностью доказывал, что участники экспедиции (“к которым и я имею честь принадлежать”, — скромно добавлял он) сделали в походе все, что могли, и даже больше того.

Сознаюсь, раньше я думал о нем хуже.

Но в существование Земли Ветлугина он по-прежнему не верил или делал вид, что не верит.

— В прошлом году вы видели торосы, Алексей Петрович, — говорил он, печально склоняя голову набок. — Это были торосы, уверяю вас. Особенности вечернего света, мелькнувший солнечный луч, может быть низко опустившееся облачко...

Даже обычно снисходительный Степан Иванович, послушав его, махал рукой, вставал и уходил из кают-компаний. Он уходил, придерживаясь за стены, за стулья, медленно шаркая ногами.

Наш парторг был болен. Трудности прошлогодней экспедиции не прошли даром. Обострился его старый “фронтной” ревматизм. Желая обязательно участвовать во второй экспедиции, Степан Иванович умолчал о болезни. Да в Москве она и не очень донимала, по его словам. Однако в море болезнь обострилась.

— Ну можно ли так, Степан Иванович! — журил его Андрей. — Положительный, уже немолодой человек... Не ожидал от вас, честное слово...

Степан Иванович сконфуженно покряхтывал. Он действительно был много старше остальных участников экспедиции (за исключением Федосеича). Но, видно, таинственная Земля Ветлугина, прятая где-то среди высоких торосов Восточно-Сибирского моря, околдовала и его, манила, непреодолимо притягивала к себе...

Переламывая себя, силой воли преодолевая болезнь, Степан Иванович продолжал работать в качестве гидробиолога и выполнять многообразные обязанности парторга экспедиции.

Все знали на корабле, что парторг болен, и это придавало особый вес каждому его слову. Он показывал пример подлинно советского отношения к своему долгу, презрения к трудностям, опасностям, болезням.

Издали мы угадывали его приближение по характерному медленному шарканью. Вот шаги остановились у порога кают-компаний. Все, не стовариваясь, быстро отворачиваются от двери, сдвигают головы, принимают-ся разговаривать — громко, с оживлением.

Неделикатно было бы глазеть на Степана Ивановича, когда он переступает порог. Это дается ему с трудом. Нагнувшись, обеими руками он приподнимает одну ногу и с большой осторожностью переносит по ту сторону порога. Потом проделывает то же с другой ногой.

— А, вот и Степан Иванович! — восклицает кто-нибудь, когда Степан Иванович уже очутится в кают-компаниях, и тогда все оглядываются с деланным удивлением.

Не раз Андрей предлагал вызвать по радио самолет для его эвакуации на Большую землю, но парторг неизменно отвечал отказом.

— Вам же трудно ходить, Степан Иванович! — вмешивался я в разговор.

— Ну, трудно... Мало ли чего!.. И что это за слово такое — “трудно”? — неохотно отвечал Степан Иванович. Но однажды, во время вечернего чаепития, он настроился на более обстоятельный ответ.

— Чтобы не надоедали больше уговорами, коротенькую историю расскажу... Вы, наверно, не знаете, что я в гражданскую войну у Фрунзе ординарцем служил? Да, было такое дело... Никогда не забуду, как его в первый раз сопровождал. И Фрунзе сам и мы, его ординарцы, конечно, верхом. Ездил Михаил Васильевич прекрасно, посадка замечательная. Но что за странность? Смотрю: влезет на коня, наклонится, потрет колено и опять в седло. Шепотом спрашиваю другого ординарца: зачем это он? Ординарец нахмурился, цыкнул на меня. Потом уж узнал: жандармы повредили Михаилу Васильевичу сустав во время ареста в 1905 году. С той поры коленная чашечка сдвигалась, выскакивала, если подолгу находился в седле. Приходилось ее вправлять, ставить на место — и все это, заметьте, без единого слова жалобы, молча, отвернувшись в сторонку. Надо было Михаилу Васильевичу ездить верхом, он и ездил, несмотря ни на что, как бы там ему ни было больно, трудно!.. “Надо” — вот большевистское слово!.. А вы говорите — “трудно”...

Нам нелегко было бы расстаться со Степаном Ивановичем. Он обладал умением настоящего коммуниста благотворно влиять на людей, пробуждая и развивая лучшее, что было в них. Был он какой-то очень простой, ровный в обращении, душевный человек. В самый лютый холод было теплее возле него.

А холод был, как и полагается ему, настоящий, арктический!

В этом году полярное лето было неудачное, намного короче обычного. Льды, в окружении которых мы двигались, громоздились все выше и выше.

Но это не смущало нас. Корабль приблизился уже к текльтоновскому зигзагу, где полагалось пустить в ход опреснители.

Гидрологи давно уже заметили, что Северный Ледовитый океан слоист. На разных глубинах, подобно геологическим пластам, “залегают” в нем слои различных вод. Вниз косо уходят, проваливаются соленые и теплые воды атлантического происхождения. Поверху проходят более холодные и пресные полярные воды.

Недра океана являются, таким образом, полем битвы между теплом и холодом.

Тепло наступает. Постоянные ветры ежегодно нагоняют в Полярный бассейн из Атлантического океана более ста тысяч кубических километров воды. Через Берингов пролив Тихий океан подбрасывает еще тридцать тысяч. И, наконец, около пяти тысяч кубических километров втекает из полноводных рек Сибири.

Мы с Андреем решили вмешаться в эту битву.

К какой же наступающей “колонне” присоединиться?

Конечно, ко второй — к тихоокеанской!

Теплые воды Атлантики спешат напрямик к Северному полюсу, оставляя наше Восточно-Сибирское море в стороне. Воды Индигирки и Колымы если и доходят до северо-восточной окраины моря, то уже обессиленные, как пуля на излете. Полезнее всего для нас были теплые воды Тихого океана, проникающие в Полярный бассейн через Берингов пролив.

Наши прошлогодние наблюдения подтвердили присутствие этих вод в районе “белого пятна”. Недаром мы так старательно измеряли температуру моря во время плавания!

Правда, большую часть своего тепла тихоокеанские воды тратят на образование полыньи — “оазиса” севернее острова Врангеля. Неширокие ответвления тянутся, впрочем, и дальше, но уже почти у самого дна.

Воды Тихого океана как бы складывают оружие, выходят из битвы у границ “белого пятна”.

Однако мы с Андреем знали средство вызвать их на поверхность и снова столкнуть тепло и холод. Это были наши опреснители.

Настал день, когда мы подошли к месту, где в прошлом году льды потащили “Пятилетку” вправо, огибая “белое пятно”.

Поворот повторился. Здесь надо было расстаться с пловучими льдами.

Я опустил за борт глубоководные термометры. Один из них показал у дна положительные температуры. Выше “залегал” толстый пласт воды с отрицательной температурой.

Ярко светило солнце. Ветер утих. Мы выжидательно смотрели на Андрея.

Он возился над картой с циркулем в руках. Земля Ветлугина (это удалось установить во время экспедиции на вездеходе) располагалась не в самом центре “белого пятна”, а несколько ближе к его южной границе. Андрей хотел пересечь границу в том месте, откуда всего ближе к земле.

— Ну что ж, — просто сказал он, подняв глаза от карты, — я думаю, теперь пора!..

Итак — последний, решительный штурм “белого пятна”!

Ледовый дрейф, медлительное плавание по воле ветра в сопровождении безмолвного ледового конвоя кончилось. Сейчас корабль начнет высвобождаться из-под надоедливой опеки льдин. Но не многие из участников экспедиции представляли себе, как это произойдет.

А произошло это так.

Матросы быстро расчехлили аппарат на баке. Затем, по данному мною сигналу, оттуда вышли и погрузились в воду один за другим пять баллонов, похожих на торпеду. Внутри был химический состав, который тонкой струей выливался по пути следования баллонов.

Принцип действия опреснителей заключался в том, что они двигались на определенной, заранее заданной глубине, то есть в слое теплой воды, и по мере прохождения “разгружали” ее от морских солей. Тотчас же облегченный теплый слой поднимался на поверхность.

Там были льды. Теплая вода, подойдя снизу, вызвала бурное таяние льдов, размягчала, разъедала их. Тепло, по выражению Андрея, как бы зажимало льдины в тиски: сверху действовали солнечные лучи, снизу — теплая вода.

Все на мостике вытащили часы. Баллоны с опреснителями стремительно двигались подо льдом, совершая во мраке и тишине свое дело. — Сколько минут ждать? — нетерпеливо спросил Союшкин, не отнимая от глаз бинокля.

— Четверть часа, не меньше, — ответил я.

У меня было тревожно на душе. А вдруг опреснитель не подействует? Впервые его применяли в таких грандиозных масштабах.

Федосеич широкими шагами расхаживал по мостику, то и дело поглядывая на сигнальщиков, сидевших в “вороньем гнезде” на грот-мачте. Сабиров, пристроившись рядом со штурвальным, нервно зевал.

Андрей бросил на меня украдкой тревожный взгляд. И он тоже нервничал, бедняга, даже он!..

Пятнадцатая минута была на исходе.

Союшкин суетливо перебежал со своим биноклем к другому борту. Сабиров вытащил носовой платок, чтобы отереть разгоряченное, потное лицо, хотя в воздухе было по-прежнему холодно, но не успел сделать этого и застыл с платком в руке, засмотревшись на льды впереди.

— Разводье курсом норд! — крикнул сигнальщик сверху.

Да, по курсу корабля появились разводья. Опреснитель действовал! Восточно-Сибирское море сбрасывало с себя оковы зимы.

На наших глазах происходила удивительная перемена. Пловучие льды теряли свой голубовато-белый оттенок, темнели, желтели. Среди торосов появились снежицы.

— Командуйте — полный вперед, — сказал Андрей Федосеичу и, обернувшись ко мне: — Второй залп опреснителями, Алексей Петрович!

На пути “Пятилетки” появилась узкая полынья. Льдины неохотно расступались перед кораблем. Теплая вода, поднявшись вверх, подтачивала их, лишала силы. В разводьях дымилась вода. Ключья тумана, густея с каждой минутой, носились надо льдом.

В августе в Арктике лед тает. Но этот процесс очень медленный и вялый. Его надо было подхлестнуть. Мы и сделали это своими опреснителями.

Конечно, чудесное преобразование полярной природы совершалось в ограниченном районе. А нам больше и не надо было. Важно было проторить дорожку во льдах — не расплавлять их до конца, а только размягчить до такой степени, чтобы с ними мог совладать ледокол.

Через полчаса температура воздуха поднялась до плюс одного градуса и стал моросить дождь. Тучи закрыли горизонт. Все на мостике поспешили надеть клеенчатые плащи.

Да, это была весна! По календарю был август, но по всем признакам это была полярная весна. Мы принесли с собой весну в Арктику!

Как упоительно звучал в ушах шорох раздвигаемого льда! Лед уже не грохотал, не громыхал зловеще, а только покорно шуршал.

Корабль с легкостью продвигался вперед. Сопротивление врага было сломлено.

— Какая скорость? — спросил Андрей Сабирова. Тот сверился с показаниями лага:

— Шесть узлов¹.

— Каково, товарищи?

— Лучше и быть не может!

Однако не прошло и десяти минут, как Арктика ринулась в контратаку.

Мы ощутили это по содроганиям палубы под ногами. Все труднее давалось ледоколу продвижение вперед. С разгону он бросался на лед, давил, мял его, отходил назад, беря новый разгон, и все же рывки становились все короче и короче. Резко упала скорость.

— Идем два узла, — доложил Сабиров Андрею. Тот молча вглядывался в лед.

Действие опреснителей кончилось. Слой теплой воды, приподнятый на короткий срок, снова опустился вниз. Льды окрепли, придвинулись к кораблю. Опять сверкнуло над нами белесое, “ледяное” небо.

— Ну же, “Пятилечка”! — услышал я жалостное бормотанье. — Нажми, милая! Нажми! Еще разок, еще! Расстарайся, пожалуйста!..

Я оглянулся.

Сабиров, стоявший рядом, побагровел и закашлялся. Это он бормотал, в самозабвении обращаясь к родному кораблю, как к человеку.

— Третий залп, Алексей Петрович, — сказал Андрей не оборачиваясь. Брови его были упрямо сдвинуты.

Теперь Федосеич не мешкал. Он сразу же двинул корабль на льды, спеша использовать драгоценное время прогрева, с боем отвоевывая каждый метр пути.

Васечка Синицкий доложил Андрею, что в районе микроклимата возник местный циклоп. Ветры помогали нам. Вихрь растаскивал льдины в разные стороны, расширял искусственную, созданную нами полынью.

— Над Землей Ветлугина обычно зона антициклонов, — сказал Андрей. — Льды грудятся туда, концентрическими кольцами окружают землю. Надеюсь, что циклон поможет взломать этот ледяной пояс.

По его приказанию, я дал четвертый залп, почти непосредственно за третьим, чтобы “подбросить дровец в циклон”, как пошутил Васечка.

Плюх было то, что навалило туман. Федосеич включил прожекторы, усилил наблюдение, отправил на бак впередсмотрящих. Видно было на расстоянии не более кабельтова².

У аппарата с опреснителями остался Вяхирев. Меня Андрей отправил в рубку к эхолоту.

Зигзаг эхолота был пока что удручающе однообразным. Линия бежала по квадратикам кальки, чуть, заметно изгибаясь.

В штурманской рубке было тихо. Только часы мерно тикали да шелестела бумага. Все было так знакомо, так буднично, словно бы мы и не находились уже внутри “белого пятна”. Вошли, прорвались!..

На пороге появился Андрей:

— Ну как, Леша?

— Без перемен. Глубины неизменны...

Глаза у Андрея были очень красные, воспаленные. Он не говорил таких слов, как “крепись”, “мужайся”. Просто молча стоял над вращающимся валиком эхолота и смотрел на меня. Слова? К чему были слова? Мы как бы мысленно обменялись рукопожатием.

— Продрог? — спросил я.

— Нет. Просто так... Пришел перекинуться словечком.

— Как жаль, что туман! — сказал я.

— Что ж, Маре инкогнитум, море тайн, море тьмы, — улыбнулся он. — Вот что, Леша! Я посижу у эхолота, сменю тебя. Прилег бы хоть на четверть часа... До земли еще далеко.

— Ну, что ты! Я только поднимусь на мостик, погляжу, как там, и сейчас же назад...

Пока я был в рубке, туман сгустился еще больше.

Он обступил корабль со всех сторон. Изредка в разрывах тумана, как в колодце, мелькало наверху чистое небо. С бака доносились монотонные возгласы впередсмотрящих:

— Слева по борту льдина!

— Прямо по борту разводье!..

Из тумана шагнул ко мне силуэт и сказал голосом Сабирова:

— Ну и погоду смастерили! Тепло, а не видно ничего! На эхолот только и надежда. Не выскочить бы на мель, Алексей Петрович!.. — Заглянув мне в лицо, он добавил: — Отдохнули бы!

Я отрицательно качнул головой.

— Хоть на скамеечку присядьте...

Я присел на скамью, прислушиваясь к успокоительно-равномерному пощелкиванию тахометра.

За плечами рулевого и спицами штурвала видны были ломающиеся и уходящие в воду льдины.

Впечатление было такое, будто плывем под водой. В столбах света неслись впереди дрожащие водяные капли. Прожекторы вырывали из мглы то края ледяных полей, то тускло отсвечивающую черную тропинку разводьев.

---

¹ Шесть узлов — шесть миль в час.

² Кабельтов — 185 метров.

И вдруг на мгновение почудилось, что я в Восьегонске...

Плохо видно в струящемся сумраке воды. Стебли кувшинок перегораживают улицу, как к шлагбаум. Бревенчатые низкие дома оплетены водорослями. Стайки рыб мелькают в черных провалах окон.

Ну конечно, как же иначе! Ведь это нижняя слобода, а она затоплена, ушла на дно!

Мне нужно добежать до Петра Ариановича, который ждет меня, но не могу сдвинуться с места. На полу-сгнившем деревянном тротуаре сидит передо мной огромная жаба.

Устало закрывая и открывая глаза, она спрашивает голосом дядюшки:

“Искать острова в тумане? А иголку на полу?..”

“Что — иголку?”

“Иголку в темной комнате пробовал искать?..”

Нет, разве это жаба? Это торос, похожий на жабу. Форштевень “Пятилетки” медленно наплывает на него, придвинулся вплотную, смял, раздавил!

Делаю усилие, вскидываю голову. По-прежнему в свете прожекторов колыхается туман впереди, палуба подрагивает под ногами...

Наверное, я очень устал за эти дни, потому что тотчас же снова заснул.

Мне привиделось, что я лежу в своей каюте. Ко мне входит на цыпочках Петр Арианович. Хочу встать, но он садится на краешек койки, большой теплой ладонью ласково проводит по моему лицу.

“Как ты устал, Леша! — говорит он. — И постарел... Глаза по-прежнему твои, а морщинки у рта чужие. Жаль будить тебя, но... вставай! Надо вставать, Леша! Эхолот показывает семь метров!”

Он тряхнул меня за плечо. Я открыл глаза и увидел, что не Петр Арианович, а Андрей стоит передо мной.

— Вставай! — настойчиво повторил Андрей. — Эхолот показывает семь метров под килем!..

Корабль стоял на месте. Два неподвижных пучка света уперлись в серую стену впереди. Что там? Острова или мелководье?..

— Ну и туман! — хрипло сказали внизу, с палубы. — Хоть режь его ножом! Не берут прожекторы.

— Солнца надо ждать, — ответил кто-то рядом и нетерпеливо вздохнул...

Прошло полчаса, и взволнованные возгласы возвестили, что туман расходится. Поднявшийся ветер трепал, рвал на части, рассеивал тяжелые серые складки.

Мы были уверены, что земля совсем близко, и все же она открылась внезапно, будто всплыла из воды.

В объективе бинокля, освещенные лучами солнца, падавшими сквозь облака, как светлый дождь, чернели пологие склоны с темно-бурыми пятнами мха.

— В тринадцать часов ноль шесть минут прямо по курсу открылись острова, — пробормотал Сабиров, будто заучивая наизусть, и метнулся мимо меня в рубку, чтобы занести эту фразу в вахтенный журнал.

Я уцепился за поручни обеими руками. Волнение не давало дышать, смотреть. Я зажмурился. Потом открыл глаза.

Во всем величии развернулась передо мной панорама.

Ослепительный архипелаг лежал прямо по курсу: большой остров совсем рядом, рукой подать, за ним еще два или три острова. Лед искрился в лучах неяркого полярного солнца.

Мираж?

Нет, это была Земля Ветлугина! Она существовала, а мы стояли перед ней...

Глава одиннадцатая **ВРЕМЯ ИСТЕКАЕТ...**

Но я думал, что наша земля выглядит иначе.

Где “гора до небес”, высоту которой Веденей определил на глаз в “полторы тыщи сажон”? Перед нами был всего лишь невысокий темный купол, за которым в отдалении виднелись еще три.

Прошло около трех столетий со дня, когда их впервые увидел корщик Веденей.

Почему же за это время земля так изменилась? Неужели рефракция так приподняла острова над водой, что Веденею привиделись горы на горизонте? Или дело было не в рефракции, а в другом?

Андрей приказал спустить шлюпки. В первой из них уселся он сам, я, Сабиров и Союшкин. Во второй — остальные научные сотрудники во главе со Степаном Ивановичем.

Между островами и берегом тянулся ледяной припай. Мы добрались до него на веслах, затем пошли пешком по льду.

Когда матрос, шедший впереди и пробовавший прочность льда шестом, уже готовился прыгнуть на берег, Сабиров испуганно крикнул:

— Стоп! Первым — Андрей Иванович!

А мы и забыли, что, по географической традиции, первому на вновь открытый остров полагается ступить начальнику экспедиции.

Традиция на этот раз была обновлена. Андрей подхватил меня и Сабирова под руки и, несмотря на наше сопротивление, шагнул на берег вместе с нами.

Сомневаться больше нельзя. Обеими ногами я стоял на Земле Ветлугина!

Удивительная земля! Сначала ее угадали в Вельегонске на расстоянии нескольких десятков тысяч километров. Потом слышали при помощи эхолота. И вот наконец мы ощущаем ее под ногами!..

Рядом раздался сердитый окрик Сабирова:

— Союшкин! Эй! Вас отдельно приглашать?

Я оглянулся.

Союшкин отстал от всей компании, уже поднявшейся на пригорок, и бродил взад и вперед по берегу, неуверенно смотря себе под ноги.

Нашел он там что-нибудь?..

Но оказалось, что, наоборот, потерял.

— Я потерял свое пенсне! — сказал он плачевным голосом.

Готовясь фотографироваться на вновь открытой земле (уж это должен был быть настоящий исторический снимок!), Союшкин еще на корабле размотал и снял проволочки и веревочки, которыми закреплялось его пенсне. Прыгая вслед за Сабировым на берег, он нагнулся и...

Мы принялись скопом искать его пенсне.

— Вот оно! — вскричал один из матросов. Удивительный случай! Пенсне уцелело. Оно упало в мох и не разбилось.

— Ваше счастье, товарищ Союшкин, что попали на землю, — сказал я назидательным тоном. — Был бы здесь лед, что осталось бы от вашего пенсне?.. Ну, а теперь поскорей надевайте его да пошире раскрывайте глаза!..

Мы двинулись вдоль берега. Под ногами бесшумно пружинил красновато-бурый мох, устилавший землю.

То и дело возгласы удивления и восхищения оглашали воздух. Наша земля была не такой, какой мы представляли ее себе, но своеобразно и сурово прекрасной.

Со склонов, сверкая на солнце, струились водопады — бесшумно, без плеска, без пены и брызг.

Мы подошли к ним ближе и увидели, что это висячая наледь. Могучие струи оцепенели в своем порыве, скованные морозом. В облачке пара сбежал по льду тоненький слой воды и застывал на полпути, не достигнув земли.

Пройдя еще двадцать или тридцать шагов по берегу, мы увидели обширную лагуну. Узкая песчаная коса, отделявшая ее от моря, была завалена грудями плавника.

— Холодно зимой не будет, — сказал Андрей.

Я понял его: он имел в виду будущих жителей острова, сотрудников полярной станции.

Затем мы увидели ослепительное ледяное ущелье, по дну которого звенел ручей. Выше сияла полоска яркой бирюзы. Это было маленькое горное озеро, колыхавшееся в прозрачной хрустальной чаше. А вокруг поднимались куполы, пирамиды, столбы, причудливые постройки — все возникшие из льда.

— Такое может только во сне присниться! — шепнул мне Сабиров, разводя руками от изумления.

Но дальше было еще красивее.

Мы увидели нечто вроде русского терема из голубого кристалла. Два высоких ледяных зубца вздымались к небу, как сторожевые башни. На ребристой “крыше” сверкали веселые солнечные зайчики. А внизу зиял широкий вход.

Это был очень просторный высокий грот, под сводами которого гулко разносилось эхо наших голосов.

Я нигде еще не видел таких красок, как в этом гроте. У входа они были нежно-голубыми, потом постепенно начинали темнеть, а в углах становились ультрамариновыми. Полная гамма синего цвета!..

— Летняя резиденция деда Мороза, — сообщил мне Сабиров.

Он был отличный парень, но, к сожалению, принадлежал к числу тех людей, которые не могут наслаждаться красотой молча.

Площадка возле “теремка” была самым высоким местом на острове, и Андрей приказал укрепить здесь мачту.

— Объявляю эту территорию принадлежащей Советскому Союзу, — раздельно и четко произнес Андрей формулу, включавшую Землю Ветлугина в пределы нашей великой Родины.

— На флаг — смирно! — скомандовал Сабиров.

Участники экспедиции поднесли руки к шапкам. В торжественном молчании мы следили за тем, как красный флаг, плеща по ветру, медленно ползет вверх по флагштоку.

— Салют!..

Мы выстрелили в воздух. И тотчас же с моря донесся до нас ружейный залп. “Пятилетка”, стоявшая у ледяного припая, окуталась дымом. То матросы салютовали флагу Советского Союза.

Вновь открытые острова были положены на карту. Координаты их разнились от предполагаемых, указанных Петром Ариановичем, очень мало, как мы и ожидали.

Необходимость передать по радио рапорт об открытии нового архипелага в Восточно-Сибирском море заставила нас вернуться на корабль.

Рапорт правительству был отправлен вечером, и вскоре, по образному выражению Таратуты, эфир зашел, забуллил вокруг антенны ледокола.

Отклики с Большой земли шли непрерывно весь вечер и всю ночь. Кроме сердечного, окрылившего нас поздравления руководителей партии и правительства, мы получили множество приветствий от научно-исследовательских учреждений и отдельных лиц. Открытие архипелага — наперекор скептикам и тупицам, раболепствовавшим перед границей — явилось делом всего советского народа!

Пядь земли в океане!..

Только мореплаватель может по-настоящему понять, что это такое. Много дней, даже недель находиться вдали от берегов, видя только море вокруг, ощущая себя затерянным среди колыхающейся водной пустыни, и вдруг увидеть на горизонте землю! Пусть это всего лишь голая скала, без травинки, без деревца, — это земля, твердь!..

Но на корабль мы вернулись в некотором смущении. И Андрей, и Степан Иванович, и я были слишком опытными полярниками, чтобы с первого же взгляда не угадать природу архипелага.

А во время обхода самого большого острова поняли это также Союшкин, Синицкий, Вяхирев и другие.

На обратном пути к кораблю перед нами открылся как бы срез архипелага.

Возвращаясь на корабль, мы увидели вдали странный пятнистый холм. Он непрерывно шевелился, точно осыпаясь. Внезапно холм распался на составные части. Туча птиц поднялась в воздух и закрыла собой солнце. Андрей что-то крикнул мне, но я не услышал его за птичьим гомоном. От мельканья множества крыльев рябило в глазах.

Это был самый большой птичий базар, который я когда-либо видел!

Видимо, привлеченные уединенностью архипелага, сюда слетались птицы со всего северо-восточного побережья Сибири.

Пока наши заядлые охотники поспешно заряжали ружья, мое внимание привлек обрыв, на котором птицы гнездовали. Мы с Андреем подобрались к нему снизу, со стороны взморья.

Именно здесь природа архипелага была яснее всего.

Верхний слой земли был очень тонок, не более метра. Дальше шел ископаемый лед с примесями осадочных пород.

Земля Ветлугина представляла собой не что иное, как ледяную глыбу огромных размеров с песчано-глинистыми отложениями, спаянными между собой вечной мерзлотой!

По слоям обрывистого берега можно было прочесть не только прошлое архипелага, но и его близкое будущее. Открытый нами архипелаг таял...

Вот когда мне и Андрею стало понятно значение странных, как бы подгонявших нас слов: “Спешить, чтобы застать!..” В якутской ссылке, в царстве вечной мерзлоты, где также встречается древний ископаемый лед, Петр Арианович понял природу островов, открытие которых предвидел и предсказал за много лет.

Он считал, что нельзя мешкать, надо отправлять экспедицию на поиски земли, пока та не ушла под воду...

Не желая повторяться, приведу выдержку из труда академика Афанасьева “Северный Ледовитый”:

“Что представляет собой Земля Ветлугина?... Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить о том, что находилось на месте окраинных сибирских морей сотни тысяч лет назад.

Здесь была суша. Материк тянулся на север примерно до 82°. Климат был гораздо более теплым, чем сейчас. На равнинах, которые впоследствии стали дном моря, водились мамонты, носороги, олени, росли высокие леса.

В течение четвертичного периода эта часть суши, как и вся Сибирь, дважды подвергалась оледенению. Во время таяния и отступления ледников могли образоваться участки мертвого, то есть неподвижного, льда, на которых откладывались глина, песок, галька, нанесенные талыми водами.

Но вот произошла катастрофа, подобная той, которую описывает Платон в легенде об Атлантиде. Северная часть материка начала опускаться под воду. Долины заливались, холмы и горы превращались в острова. (Из них уцелели до наших дней архипелаги Северной Земли и Новой Сибири.)

Что же случилось с животными?

Животные спасались от наводнения, отступая на: от или укрываясь в горах. В последнем случае они, понятно, оставались о трезанними от материка и вымирали.

Этим объясняется огромное скопление костей на сибирских островах. Остров Большой Ляховский, например, мог быть назван буквально кладбищем мамонтов. В течение XVII и XVIII веков отсюда ежегодно возили на ярмарку в Якутск по несколько тысяч пудов бивней.

Вероятно, ряд островов-гор сохранялся до последнего времени и в других районах Советской Арктики. Пласты ископаемого льда под толщей наносов не таяли в холодной воде на протяжении столетий.

Однако наступило потепление Арктики. Ископаемый лед стал таять, острова опускались все ниже и ниже.

Вот почему корщик Веденей в XVII веке видел горы, а наши советские исследователи Андрей Звонков и Алексей Ладыгин увидели в XX веке только невысокие купола.

Но они могли и ничего не увидеть, если бы пришли сюда спустя несколько лет.

Архипелаг, надо думать, исчез бы, ушел под воду.

С Землей Ветлугина могло произойти то же, что произошло с островами Васильевским и Семеновским, расположенными в море Лаптевых. Острова Васильевский и Семеновский впервые были нанесены на карту в 1823 году, затем еще раз — в 1912 году и, наконец, были обследованы в 1936 году. При этом оказалось, что за сто тринадцать лет остров Семеновский уменьшился более чем в семь раз, а остров Васильевский совсем растаял. Там, где его видели в 1823 и 1912 годах, в 1936 году осталась только подводная банка¹.

Академика Афанасьева, как всякого советского ученого, отличали широта взгляда, способность к большим обобщениям.

От Земли Ветлугина он перешел к гипотетическим землям в Арктике вообще.

“Много десятков лет подряд, — писал он, — воображение географов дразнили гипотетические земли сержанта Андреева, Санникова, Джиллиса–Макарова.

Складывалось впечатление, что с течением времени земли делались менее заметными, как бы уходили под воду.

Это было непонятно.

Все становится на свое место, все делается понятным, если, по аналогии с Землей Ветлугина, предположить, что и Земля Санникова, и Земля сержанта Андреева, и Земля Джиллиса–Макарова состояли из тонкого слоя грунта на ледяной, постепенно тающей основе”.

Вот как широка была картина, набросанная уверенной и твердой рукой знаменитого географа. Целая вереница не гипотетических, а реальных земель, когда-то существовавших, но с течением времени опустившихся под воду, целая вереница Исчезающих Островов вытянулась вдоль северного побережья Советского Союза.

Они исчезли в пучине моря раньше, чем к ним успели подойти.

“По счастью, — заканчивал академик, — с Землей Ветлугина этого не случилось. Советские ученые успели пробиться к ней, хотя время ее уже истекает...”

А на другой день после открытия Земли Ветлугина потерялся Союшкин.

Это произошло так.

Мы спешили нанести на карту очертания островов, потому что надвигалась полярная ночь. Рано утром я отправился на берег, взяв с собой Синицкого, Союшкина и Тынты Куркина, за которым увязался уже известный читателю пес Ротозей.

Когда мы поднимались на вершину острова, нам преградил дорогу огромный морж. Он был настроен не очень любезно и, свесив длинные усы, шипел и фыркал на лаявшего Ротозея.

Отогнав сердитого моржа прикладами ружей (убивать его было сейчас ни к чему), мы продолжали свой путь.

По дороге возник спор. Синицкий утверждал, что морж мог быть гостеприимнее. Как-никак, ведь он хозяин острова, его “старожил”. Союшкин тотчас же стал противоречить. Почему Синицкий считает, что морж — хозяин острова? Если на то пошло, нас должны были бы встретить белые медведи или песцы, которые поселились на острове, конечно, раньше моржа...

Я прекратил спор, поручив Союшкину зарисовать очертания бухты (мне казалось, что она может служить хорошим местом стоянки для “Пятилетки”).

Союшкин удалился, бодро посвистывая.

Когда мы с Синицким закончили свою работу и оглянулись, Союшкина поблизости не было.

— Странно! — сказал я удивленно. — Только что был здесь.

— И следов даже нет, — сказал Тынты, смотря на мох. — Не на небо же Союшкина взяли, — попробовал пошутить Васечка. — Во-первых, не заслужил. Во-вторых, инструмент, наверное, оставили бы...

Мы стали припоминать, где видели Союшкина в последний раз.

Он стоял на том воя бугорке, зарисовывая бухту в раскрытый блокнот. Неизменная молодецкая трубка торчала во рту (бывший первый ученик незаметно втянулся в курение).

И вот его нет. Как сквозь землю провалился!

Пока мы с беспокойством озирались, Ротозей принялся взволнованно повизгивать и перебирать лапами.

— Чует, Алексей Петрович! Ей-богу, чует его! — вскричал Тынты. — Пустим собаку. Она найдет!..

Я кивнул.

Ротозей, быстро перебирая лапами, вскарабкался на скользкую наледь. Он топтался там, повизгивая от нетерпения и засовывая нос в трещину.

Что за черт! Дым тоненькой струей поднимался над наледью.

— Он там! — закричал Тынты. — Смотрите-ка, дым от трубки!..

---

¹ Впоследствии растаял и остров Семеновский.

Тынты и Васечка посадили меня, и я заглянул в расщелину. Она уходила вниз, глубокая и темная, как колодец. На архипелаге полно было таких расщелин, и мы старались обходить их подальше.

— Нарочно он залез туда или сорвался? — недоумевал я.

Но Тынты указал на края расщелины. Они были обломаны. Не могло быть сомнений — Союшкин провалился.

— Э-эй! — закричал я вниз, как в трубу. — Союш-ки-ин!

Мы прислушались. Наш товарищ не отзывался. Только гулкое эхо перекатывалось где-то далеко внутри горы. Стало быть, там была пещера!

Мы переглянулись.

— Развязывай вьюки на нартах, — приказал я. — Тащи веревки. Попробую спуститься вниз.

Но делать этого не пришлось. Повертевшись подле расщелины, Ротозей вдруг кинулся со всех ног в сторону. Иногда он останавливался, опускал свой подвижной черный нос к самому мху и бежал дальше.

Мы последовали за ним. Если задерживались у расщелин, пес оборачивался и вопросительно поднимал ухо, как бы приглашая за собой.

Союшкин, по-видимому, уходил подледным лабиринтом в поисках выхода.

Остановившись у одной расщелины, я услышал слабый, тонкий голос и закричал в ответ, что спускаем веревку. Однако расщелина в этом месте была слишком узка. Союшкин не смог пролезть через нее, и мы долго еще блуждали — Союшкин понизу, я, Тынты и Васечка поверху, — пока не наткнулись на широкий провал. Наш гидрогеолог выбрался оттуда на четвереньках, цел, невредим и в самом восторженном настроении.

— Сказка, сказка! — закричал он, отмахиваясь от Ротозея, который скакал вокруг, стараясь лизнуть его в лицо. — Сказка, Алексей Петрович!.. Ах, пошла ты прочь, мерзкая собака!.. Подземные дворцы изо льда!.. А какие сталактиты, сталагмиты!.. Да заберите же от меня эту собаку — рассказывать не дает!

По его словам, провалившись под лед, он странствовал очень долго, переходя из одной ледяной сводчатой пещеры в другую. Весь остров был заполнен такими пустотами. Благодаря многочисленным отверстиям туда проникал свет снаружи, и лед казался разноцветным.

Об этих пустотах мы знали и раньше, но я не предполагал, что они так обширны и буквально пронизывают все острова.

— Архипелаг напоминает губку, Алексей Петрович, — продолжал выкрикивать Союшкин, подсакивая на быстро несущихся нартах. — Понимаете ли, губку!..

— Губка! Сказка! — пробормотал я. — Помолчите-ка лучше. Сейчас приедем, насухо разотретесь спиртом, наденете теплое белье, и в постель! Отсырели там внизу...

— Это я в лужу упал, — сознался Союшкин. — В одной из пещер есть такая лужа, нечто вроде маленького озера...

По прибытии на корабль он послушно выполнил все распоряжения врача, после чего Андрей, я, Сабиров и Степан Иванович уехали у его койки.

— Ну что ж, вышучивайте теперь, Андрей Иванович, — сказал он, покорно склоняя голову. — Впрочем, я и сам скажу. Вот вам формула покаяния: собственными боками убедился в реальности Земли Ветлугина!..

— Уверовал, значит? — усмехнулся Степан Иванович, добавляя Союшкину, как больному, в чай рому.

Союшкин перестал улыбаться.

— А я раньше уверовал, — сказал он быстро.

— Когда же?

— Во время второго похода на “Пятилетке”.

— И ведь спорил еще! Толковал насчет торосов, оптических обманов! — упрекнул Андрей.

— А это я по инерции...

— Ну, и что же вас заставило поверить?

— Ваша вера в землю!.. — Он пояснил свою мысль: — Я лучше узнал вас с Алексеем Петровичем. Ну, думаю, если они так держатся за эту гипотезу, то, значит...

— Врешь, врешь, брат! — прервал его Сабиров. — Просто сделали тебя человеком. Научили мечтать, только и всего!..

Так или иначе, после странствия в подледном лабиринте состоялось увольнение Союшкина с должности “штатного скептика” экспедиции.

Попыхивая своей трубочкой, он с воодушевлением до поздней ночи описывал подземные красоты архипелага.

На следующий день наш гидрогеолог засел за большую статью, которую назвал, по обыкновению своему, довольно пышно: “Ледяной дворец”. Однако редактор газеты, поместивший статью, скромно переименовал ее в “Полчаса в ледяной пещере”. По-моему же, правильнее было назвать статью: “Последний провал Союшкина, или как он поверил в существование Земли Ветлугина”.

А пока Союшкин писал статью, мы с Андреем спустились по его следам в подледную пещеру.

Нам удалось увидеть там то, чего Союшкин, охваченный восторгом, не заметил.

В одном углу изо льда торчали пожелтевшие, загнутые кверху бивни. Это был мамонт. Туша его отлично сохранилась.

Вот кто был “старожилом”!

Он обосновался на острове задолго до появления здесь всех остальных зверей. Он-то и был хозяином острова!

Мне это напомнило сказку про теремок. Один за другим обживали остров в северо-восточной части Восточно-Сибирского моря мамонт, медведь, морж и песцы.

Рядом с мамонтом в ледяном саркофаге покоилось несколько вмерзших в лед деревьев. Присмотревшись к ним, я убедился, что это обычная ольха. Сохранилась она удивительно хорошо — остались нетронутыми кора, листья, даже цветочные сережки.

“Какова, однако, сила жизни!” — думал я, с почтением, снизу вверх, глядя на удивительное растение, которое пробыло подо льдом так долго и, казалось, готово было снова расти, цвести, только дай ему волю, тепло и почву. И впрямь — мертво ли оно? Не анабиоз ли это, нечто вроде спячки?

Оживлены же были в 1931 году бактерии из ископаемого льда на острове Ляховском. Тысячелетия прожили они — законсервированные комки жизни — в толще острова, который был, так же как и наша Земля Ветлугина, по сути не чем иным, как гигантским холодильником. Андрей прервал мои размышления. Пора было возвращаться на корабль.

Изучение подледной пещеры было нашим последним научным мероприятием. После этого все силы пришлось переключить на возведение привезенных с собою домов.

В течение трех суток кипела авральная работа на большом острове. Надо было спешить. Надвигалась зима, тяжелые льды могли не выпустить “Пятилетку” из Восточно-Сибирского моря.

Уже 27 сентября среди ледяных глыб поднялся бревенчатый дом зимовки, а рядом — службы, метеобудка, домик для магнитных наблюдений. Над ними на высоком флагштоке реял гордый красный флаг.

Это был крайний северо-восточный аванпост Советского Союза в Арктике.

Из Москвы пришло приказание оставить на архипелаге четырех зимовщиков. Начальником полярной станции был назначен я. Со мной остались: метеоролог Синицкий, радист Таратута и механик, каюр, он же кок, — словом, мастер на все руки Тынты Куркин.

Мы тепло попрощались с возвращавшимися на Большую землю. Два арктических похода сблизили нас так, как не могли бы сблизить десять лет обычной жизни.

— Присмотри за Степаном Ивановичем, чтобы он начал лечиться в Москве, — торопливо говорил я Андрею. — Лизе привет от меня!.. Да найди минутку поговорить с нею... Не каждый же вечер у нее музейный работник торчит...

— Привет передам, — сказал Андрей.

При упоминании о Лизе лицо его стало невеселым и замкнутым.

Союшкин долго тряс мне руку.

— Живешь — дерись, расходясь — миришь? — пробормотал он, пряча за шуткой волнение.

— Ну, что вы! — ответил я. — Мы еще поработаем вместе. А за то, что спорили, дрались, — спасибо! Мы стали с вами злее, напористей!

Быстро “вечерело”. Уже 1 октября на небе можно было заметить звезды второй и третьей величины. В этот день “Пятилетка” отвалила от берегов Земли Ветлугина.

Мы, четверо остающихся, простились с нею залпом из ружей, потом со всех ног побежали на мыс Дружбы — самое высокое место острова, чтобы возможно дольше не терять из виду уходящий корабль.

Синеватые сумерки лежали надо льдом. Через два часа “Пятилетку” нельзя было разглядеть даже в самый сильный бинокль. Лишь дымок еще долго вился на горизонте.

Семь дней спустя немногочисленное население архипелага простилось с солнцем до весны. Красный сегмент скрылся за белой линией льдов, будто провалился туда, а через несколько часов на том месте, где вставало солнце, поднялся очень высокий столб, похожий на луч прожектора.

Но вскоре исчез и он, и над Архипелагом Исчезающих Островов сгустилась тьма...

Глава двенадцатая **ФЛАГ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

Об этой зиме можно было бы сказать кратко: она пролетела, как одна ночь. Она и была ночью, только очень длинной.

Но ведь время измеряется событиями. Можно прожить восемьдесят лет и не почувствовать этого. И можно в двадцать пять—тридцать лет уложить столько событий, сколько другому хватило бы на три жизни.

Я говорю — “пролетела”, потому что зимой мы были так поглощены своей работой на полярной станции, что почти не замечали течения времени.

Это была жизнь в потемках.

Правда, небо было звездным и то и дело расцвечивалось холодной арктической радугой — северным сиянием. Однако чаще всего на бредущем полете неслась над архипелагом метель. Острова стояли на самом “юру”, мчавшийся снег покрывал их с головой — сплошной вздувающийся и опадающий мутно-белесый полог.

Куда там рыскать по острову! Зимой мы были привязаны за канат к полярной станции. Даже выход к метеобудке для взятия очередных показаний был почти что экспедицией. От здания зимовки до метеобудки и сара с запасами протянуты были канаты, держась за которые передвигались зимовщики.

Без этой предосторожности мы рисковали, выйдя на десять минут из дому, не вернуться в него, очутиться где-нибудь за несколько километров на льду, окружавшем остров.

Нелегко нам пришлось на вновь открытых островах. Яростные арктические штормы били наш архипелаг льдинами, лютые ледяные ветры прохватывали его насквозь.

Во время сжатий лед начинало корезить вокруг, как бересту на огне. Белые валы громоздились у высокого, обрывистого берега. Со скрежетом и визгом отламывались льдины, вставая призрачными громадами. А от горизонта надвигались всё новые и новые оцепеневшие гребни.

Луна проглядывала из-за туч и освещала тревожный, беспрестанно менявшийся ландшафт. Оттого, что фон был зловеще черным, белые глыбы, передвигавшиеся на переднем плане, выглядели особенно жутко.

Беспрерывно проплывали мимо льдины, ледяные поля. Если долго смотреть на них, кружилась голова. Казалось, остров сорвало с мертвых якорей и небывало огромным ледоходом уносит куда-то вдаль, как дрейфующий корабль.

Но в том-то и дело, что его не уносило никуда. Это была твердая земля, твердь, о которой так мечтали исследователи этого района Арктики!

Помимо обычных бурь, проносились над архипелагом и другие, почти неосязаемые. Я бы даже сказал — бури-невидимки, если бы у нас не было чувствительных приборов, в частности компаса, отмечающего их приближение. Я имею в виду так называемые магнитные бури, неистовствовавшие в этой части Арктики. Одна из них была так сильна, что колебания магнитной стрелки за сутки доходили до шестидесяти двух градусов.

Немало беспокойства доставляли нам также исконные обитатели архипелага: белые медведи и песцы.

Медведи держали себя еще сравнительно пристойно, если не считать одной попытки грабежа со злодом, неудавшейся — замок, висевший на складе, был слишком крепок даже для медвежьих лап. Но песцы одолевали нас. Надо думать, на архипелаге их расплодилось видимо-невидимо, а корма здесь были не ахти какие. Голод пригонял песцов к нашей зимовке.

Вначале мы относились к ним снисходительно, памятуя, что два их представителя приняли посильное участие в поисках Земли Ветлугина: один прибежал на запах консервов к сделавшему посадку самолету, где находился Андрей, другой заставил меня оглянуться, когда вдаль в разрывах тумана показалась земля. Но потом мы вынуждены были перейти к активной обороне, пускаться на тысячи уловок, ставить капканы, морить крысиным ядом, подстерегать с топором под дверью.

Эти маневры внесли некоторое спортивное оживление а нашу жизнь. Перед сном мы отдыхали от дневных трудов, от пурги, от песцов в нашей маленькой столовой. По традиции, она называлась у нас кают-компанией, а я перекрестил ее в “уют-компанию”.

На видном месте, в простенке между окнами, висел маленький компас-талисман, подарок весьегонского учителя географии. Таратута и Васечка заботливо увили его венком из красновато-бурого мха.

Я с удовольствием наблюдал за тем, как развивается и крепнет дружба между ними. Мне представлялось иногда, что я наблюдаю за собой и за Андреем — такими мы были после первой своей зимовки.

А сам я, несмотря на то что был старше Синицкого и Таратуты всего лет на пять, казался им, наверное, очень взрослым, чуть ли не старым. Легко сказать! Я ведь лично знал Ветлугина, встречался с ним, беседовал с ним!..

Устроившись поудобнее на диване под компасом и дымя папиросами, мы вели нескончаемые разговоры: о двух походах “Пятилетки”, о магнитных бурях, о проклятых песцах, опять проскочивших в дом мимо зазевавшегося Тынты и слопавших ящик свечей, о новых книгах, о полюсе относительной недоступности — нашем соседе, и о трагической судьбе Ветлугина, указавшего путь к архипелагу и погибшего где-то среди пловучих льдов.

Но все чаще то один, то другой зимовщик подходил к настенному календарю и нетерпеливо перебрасывал листки: скоро ли утро, скоро ли начало февраля, когда в этих широких появляется солнце?

Хотелось поскорее взглянуть на открытую нами землю, обойти ее всю кругом ...

... Кто не любит раннего утра? И как можно не любить его?

Но ни с чем несравнимое, блаженно-радостное, почти благоговейное чувство охватывает зимовщиков, когда наступает рассвет в Арктике.

Мне довелось наблюдать его в различных широтах: на Челюскине, на Северной Земле, в Океанске.

По-моему, лучше всего он на Земле Ветлугина!

Вот на южной стороне горизонта появилась узкая светлая полоска (ее называют “краем дня”). Проходит несколько дней, наполненных томительным ожиданием. Постепенно “край дня” увеличивается, захватывает все большую часть неба. Впечатление такое, будто кто-то невидимый медленно приподнимает край тяжелой бархатной портьеры.

Снег вокруг делается розовым. С каждой минутой ярче, интенсивнее краски. Людьями, собаками, медведями, песцами овладевает лихорадочное волнение. Зимовщики толпятся на пороге своего бревенчатого домика, не спуская глаз с медленно светлеющего неба.

День, день спешит к нам из-за гор, из-за торосов и полыней, из-за морей и материков!..

И вот солнце наконец выкатывается на неровный, всхолмленный лед Восточно-Сибирского моря.

Нет, это еще не шар и не полушарие, даже не сегмент. Это оранжево-красный клин, что-то вроде факела или протуберанца. Таково действие рефракции на Севере. Она искажает, приподнимает над горизонтом край восходящего солнца.

Мы осматриваемся с удивлением, с наивным ребячьим восторгом. За долгую зиму, проведенную в потемках, мы уже успели забыть, какой он, архипелаг (ведь и видели-то его почти что мельком, в течение нескольких дней, и каких суматошных!).

Так вот, стало быть, он какой, наш архипелаг! Неплох. Ничего не скажешь, совсем неплох. Особенно в этом причудливом розовом освещении.

Остроконечные ледяные пики как бы восприняли огонь на расстоянии. Они пылают, как факелы. Длинные багровые блики ложатся на лед. Оцепеневшие водопады, вернее — ледопады, превратились в багряные потоки.

Я никогда не представлял себе, что красный цвет так богат, что он имеет столько разнообразных красных оттенков. Наш ледяной остров как бы светится изнутри.

Не мешкая, я, Синицкий и Тынты в тот же день отправились на собаках в объезд наших владений.

Как я и думал, большой остров отделялся от трех остальных неширокими проливами. Сейчас они были заполнены снегом. Не представляло никакого труда перебраться через них.

Мы теперь совершали такие вылазки почти каждый день — сначала на нартах, потом, когда потеплело и из-под снега показался мох, пешком.

Нужно было использовать для науки тот короткий промежуток времени, который оставался еще в нашем распоряжении.

Острова доживали последние годы, возможно даже месяцы своего существования.

То грандиозное потепление Арктики, которое началось несколько десятилетий назад и все еще не разгадано до конца учеными, было смертельным для архипелага.

Океан наступал на него.

В связи с потеплением усилилась циркуляция льдов. Все процессы в море стали совершаться быстрее, энергичнее.

Гибель древней Атлантиды произошла, по утверждению Платона, в одно мгновение. Поднялась гигантская волна, ринулась на материк и смыла все начисто. Волны, разрушавшие наши острова, были самые обычные и ничуть не страшные на первый взгляд, но они накатывались на берег, как атакующие цепи, одна за другой.

Мы с огорчением наблюдали этот процесс, продолжавшийся все теплое время года.

То и дело прокатывался зловеющий грохот. Это откалывались подмытые глыбы ископаемого льда и с тяжелым гулом обрушивались в море. Будто сверкающее облачко, взлетали потревоженные чайки.

Очень трудно было класть архипелаг на карту.

Вчера еще какой-нибудь мыс был положен на карту и окрещен, а завтра, придя на то же место, мы не находили больше мыса. Там, где он был, появлялась бухта или лагуна.

Просто голова шла кругом от этих перемен!

Случалось, что изменения на карте происходили буквально на глазах.

Зазевавшись, я попал как-то в опасную переделку. Занимался измерением температуры на одном из мысов, выступающем далеко в море, и вдруг почувствовал, что теряю опору. Край берега качнулся и сполз в воду. Мыс неожиданно перестал быть мысом: отодвинувшись от острова, он сам превратился в маленький пловучий островок, наподобие айсберга.

К счастью, поблизости оказалась шлюпка, с которой Синицкий и Тынты производили промеры дна. Увидев меня на айсберге, они поспешили ко мне на помощь и сняли с моего белоснежного, как лебедь, корабля.

Архипелаг неотвратимо уходил под воду, таял, рассыпался.

Если мы с огорчением наблюдали это, то что же сказать о щебечущем, ворчащем и лающем населении архипелага — обо всех его многочисленных птицах, медведях, моржах, песцах? С какой жадностью, с каким отчаянием цеплялись они за клочок суши, уходивший у них из-под ног!

Много лет подряд птицы, целые поколения птиц, прилетали на уединенную, безлюдную землю в северо-восточной части Восточно-Сибирского моря, землю, которая превратилась в своеобразный арктический заповедник. Здесь, на приволье, летовали, гнездовали, выводили птенцов гаги, кулики, гуси, снегири и пять видов чаек (среди них — розовая).

Гнетущая тишина пустыни нарушалась в начале лета, воздух наполнялся невообразимым птичьим гвалтом, когда весь этот пернатый народец, хлопотливо треща крыльями, появлялся над архипелагом. Это была их “дача”.

Что делалось с “дачниками”, когда, приблизившись к островам, они замечали, что привычные, насиженные места исчезли, ушли под воду! Даже обрыв, где птицы из года в год устраивали свои шумные базары, осел, сполз к самому морю.

Чайки-мойры встревоженно вились над оползнем, оглашая воздух звуками, похожими на плач. Тяжело взмахивая крыльями, поднимались и опускались на мох пушистые гаги. А высоко в бледно-голубом небе ви-

лись гуси, делая большие круги над островом. Они ничего не могли понять. Кто похитил их прекрасные гнездовья? Почему остров стал таким маленьким?

Мы подсчитали, что за лето самый большой остров, площадь которого составляла полтора квадратных километра, теряет свыше двухсот пятидесяти квадратных метров. Год от году разрушение будет идти интенсивнее.

Сколько же времени протянет архипелаг?

Полярная станция на большом острове продержится ближайшую зиму. Ну, может быть, еще две-три зимы...

А дальше?

Но ведь наша полярная станция была нужна! Мы регулярно давали погоду и ледовые прогнозы кораблям, которые шли по самому трудному, последнему, участку Северного морского пути. И наша доля была в нормальной и четкой работе этой важнейшей магистрали.

Мало того. Открытие островов в северо-восточной части Восточно-Сибирского моря вплотную подводило ученых к одной из наиболее таинственных областей Арктики — к полюсу относительной недоступности.

До появления на карте Земли Ветлугина полюс находился на 83°40' северной широты и 190° западной долготы, то есть в точке, считавшейся наиболее удаленной от северных оконечностей Новосибирских островов, острова Врангеля, Аляски и островов Северной Америки. Одновременно это был и полюс безжизненности, так как жизнь сосредоточивается в основном на материке.

Экспедиция на “Пятилетке”, прорвавшись в высокие широты, заставила отодвинуться полюс недоступности в глубь Арктики.

Отсчет надо было вести теперь не от острова Врангеля и Новосибирских островов, а от вновь открытой Земли Ветлугина, расположенной значительно севернее. Вот почему изменились координаты полюса недоступности.

Вместе с тем значительно облегчилось изучение района, считавшегося до последнего времени почти недосягаемым.

Именно этого не хватало до сих пор для большой, развернутой научной работы в северной части Восточно-Сибирского моря. Не хватало твердой точки опоры. И вот точка опоры найдена!..

Но долго ли будет она служить нам?

“Время архипелага истекает”, — писал академик Афанасьев.

Нельзя было примириться с этим, никак нельзя!

Открыть острова, а затем присутствовать при их гибели, тщательно регистрируя ее день за днем, фаза за фазой!..

Не раз я перехватывал взгляды своих товарищей, обращенные в сторону самого возвышенного места острова, где установлена была мачта с развевающимся флагом.

Он виден был издали — ярко-красное пятнышко на однообразном фоне. Зимой на льду был установлен фонарь с рефлектором, бросавший снизу сноп света на флаг. В долгую полярную ночь он казался нам огоньком пламени, трепещущим на ветру.

Неужели же этот огонек через год или два потухнет? Неужели пустыня одолеет нас, Архипелаг Исчезающих Островов скроется под водой и над этим местом сомкнутся тяжелые волны?..

— Так тонут в морском бою корабли, — задумчиво говорил Таратута. — Не сдаваясь. С развернутым флагом. Не спуская его перед врагом...

Нет, слишком тяжело было думать об этом. Пусть земля лежала тонким слоем на льду, пусть она была наносной, но это была пядь нашей, советской земли! И мы не должны были отдать, не имели права отдать ее морю!

В статье, переданной по радио в газету, мы, четыре зимовщика, рассказали о своих тревогах.

Статья вызвала множество откликов в печати.

В труде академика Афанасьева “Северный Ледовитый” обсуждение это названо “перекличкой морей”. Действительно, в печати выступали главным образом специалисты по сооружению молов, причалов, волнорезов. Был сделан ряд интересных предложений. Но помощь пришла с берегов самого молодого в Советском Союзе моря (читатель, наверное, уже догадывается, с какого).

В августе мне сообщили из Москвы, что утвержден проект группы инженеров, работавших ранее на строительстве Рыбинского моря. В ближайшие дни предполагался их прилет на архипелаг.

Изложить суть проекта в радиোগрамме представлялось, по-видимому, затруднительным. Упоминалось лишь о том, что снова будут применены опреснители.

Кроме того, я с радостью узнал, что архипелагу официально присвоено название “Земля Ветлугина”.

Наконец-то!

До сих пор во всех документах фигурировали обезличенные Исчезающие Острова. Не было нужды в особом названии. Зачем? Назвать для того, чтобы через каких-нибудь два-три года старательно вымарывать название из всех атласов и лощей?

Но новый проект был, наверное, хорош. В него верили в Москве. И отныне фамилия нашего учителя географии была навечно закреплена на карте!..

Я получил приказание достойно отметить это событие, справить нечто вроде “крестин” Архипелага Исчезающих Островов.

Меня предупредили, что ожидается прилет большого количества самолетов, а также приход каравана кораблей, которые приведет “Пятилетка”.

Сейчас в полной мере сказалось значение открытой нами земли!

“Метеостанция Земли Ветлугина сообщает, — быстро стучал ключом Таратута, — что в августе 193* года ледовые условия в северо-восточной части Восточно-Сибирского моря будут значительно более благоприятными, чем обычно. В частности, Земля Ветлугина будет доступна не только для ледоколов, но и для ледокольных пароходов. Ветры южной половины горизонта отодвинут пловучие льды с пути кораблей. Полынья у острова Врангеля вытянется дальше к северо-западу. Поэтому Земля Ветлугина рекомендует капитанам следующий маршрут...”

Сбылось то, о чем когда-то мечтали я и Андрей, — с Земли Ветлугина давались ледовые прогнозы и указывались наиболее удобные маршруты кораблям.

Вот когда пришлось нам поработать — по обычаю советских людей, побольше и получше перед праздником!

Надо было приготовить помещение для гостей, расчистить аэродром, оборудовать нечто вроде пристани и при всем том не ослаблять регулярных наблюдений за погодой и поведением дрейфующих льдов.

Выручало то, что мы деятельно помогали друг другу. Васечка Синицкий зачастую совмещал со своими обязанностями метеоролога также и обязанности гидролога. Тынты обучился обращению с простейшими приборами и очень гордился тем, что узнает погоду Арктики на день раньше, чем все остальное население Союза. В свою очередь, Васечка, обрядившись в белый фартук, орудовал у плиты. Правда, в битки из медвежатины он добавлял слишком мало уксусу и перцу и мясо поэтому припахивало рыбой, зато всегда удавался суп из консервов.

— Настоящий полярник должен уметь все, — бодро говорил Васечка, разливая уполовинком суп по тарелкам. — Правильно, Алексей Петрович?.. И швец, и жнец, и на дуде игрец...

При этом он как-то по-особенному, мальчишеским, быстрым движением откидывал со лба длинные волосы. У кого-то я уже видел это движение. У кого же?..

— Это он у вас перенимает, Алексей Петрович, — снисходительно пояснил Таратута. — И разговаривать старается, как вы. Если взгрустнется ему или устал, говорит: “Забавно”. Так, знаете ли, протяжно: “Забавно”...

Васечка побагровел и поперхнулся супом. Я поспешил переменить тему разговора, но потом долго думал о нем.

Вот как! Значит, у меня уже есть зеркало, в которое я могу глядеться иногда? Нашелся молодой человек, юноша, который подражает мне, перенимает у меня словечки, жесты, привычки, мысли, мое хорошее и дурное?.. О, теперь надо держать ухо востро, быть намного строже, требовательнее к себе, чем я был раньше!

...Караван кораблей во главе с “Пятилеткой”, выйдя из Океанска, уже двигался к Земле Ветлугина.

Вскоре мы вступили в непосредственную радиосвязь с лидером каравана.

Как-то вечером Таратута положил передо мной на стол только что полученную радиограмму:

“Прогноз на сегодняшний день принял. Спасибо. Капитан “Пятилетки”.

— Кто капитан? Спросите его. Тюлин? Федосеич?

— Капитан Тюлин проводит караван в море Лаптевых. Капитан “Пятилетки” — Сабиров.

— Говорит начальник полярной станции “Земля Ветлугина” Алексей Ладыгин. Здравствуйтесь, товарищ Сабиров. Ваши друзья по двум арктическим походам приветствуют вас и от души поздравляют с новым назначением.

— Спасибо. Дорога знакомая. Не беспокойтесь, доведем караван. С вашей помощью идем в обход тяжелых льдов.

— Почему говорите: “доведем”?

— На борту — правительственная комиссия. В полном составе стоит со мной рядом у аппарата. Уступаю ей место.

Пауза.

— Здравствуйтесь, дорогие товарищи зимовщики! На проводе Малышев и Овчаренко. С гордостью следим за безукоризненной работой полярной станции. Ваши точные и своевременные ледовые прогнозы дают возможность намного сократить путь к Земле Ветлугина. На будущей неделе будем у вас!..

И в положенный срок четыре дымка показались над горизонтом.

Вскоре, лавируя между льдинами, к земле подошли три ледокольных парохода, ведомые “Пятилеткой”, и бросили якорь в бухте.

Мы встретили дорогих гостей.

— Хуторок у вас, хлопцы, ничего, подходящий, — говорил Овчаренко, с удовольствием осматриваясь по сторонам. — Мы так и называем в Океанске: Заполярный Хуторок...

— Чего лучше! — усмехнулся Степан Иванович. — Соседей нет, ссориться не с кем. А с медведями, говорят, уже поладили...

Овчаренко деловито постучал ногой по земле, будто пробуя ее прочность.

— Фундамент только, слышно, подгулял, оседает. Но это, хлопцы, ничего! Подправим фундамент, укрепим! Еще двести—триста лет простоит. Сколько надо советской власти, столько и простоит!..

Корабли доставили на Землю Ветлугина несколько новых разборных домов и различное оборудование. Прибыла и наша смена — новые зимовщики, а также бригада рабочих, которые должны были заняться укреплением архипелага.

Гости из Москвы начали прибывать на другой день самолетами.

Мы давали для самолетов радиопеленг.

Снова, как год назад, завертелась на столе перед Таратутой пластинка патефона и, срываясь с нее, понеслись в эфир звуки старой песни о мужественных морях:

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна...

Мы звали гостей этой песней!

На первом самолете прилетел Андрей.

— Ну, многая лета нашим островам! — сообщил он, торопливо обменявшись со мной рукопожатием. — Там, Лешка, такой проект отгрохали — и простой и экономичный! Снова опреснители в ход идут!

Из-за спины его, раскланиваясь и поправляя пенсне, выдвинулся улыбающийся Союшкин. За два арктических похода он научился широко улыбаться — это было одно из его достижений.

— Чудесный проект, Алексей Петрович! — подтвердил он. — Лизавета Гавриловна познакомила меня только в общих чертах, но должен сказать, что я...

Я извинился перед ними, потому что Тынты делал мне знаки с наблюдательной вышки: приближался второй самолет. Я поспешил к аэродрому.

Один за другим выходили из самолета пассажиры, закутанные в меховые пальто, разминая затекшие от долгого сидения ноги, с удивлением и восхищением осматриваясь по сторонам.

Вдруг кто-то сказал из-под шарфов и капюшона знакомым звонким голосом:

— Так вот она какая, наша земля! А я думала, побольше... Но красивая! Мне нравится.

Передо мной стояла Лиза.

Она откинула капюшон и, улыбаясь, огляделась по сторонам.

— Рыжик, ты?... — только и мог сказать я, тряся ее маленькую руку.

Лиза — хорошее имя, но почему-то выговорилось не Лиза, а Рыжик...

Она искоса посмотрела на меня, не отнимая руки:

— О, ты назвал меня Рыжик?... Это во второй раз... Помнишь, когда это было первый раз?

— Помню, — сказал я: — Нескучный сад.

— Я рада, что помнишь...

Мгновенье мы стояли молча, потом она осторожно высвободила руку и спрятала ее под малицу.

— Знакомься, Леша! Это наши рыбинские инженеры-строители... А это, товарищи, Алексей Ладыгин, тот самый, о котором я говорила вам всю дорогу.

Вечером Лиза доложила проект укрепления архипелага.

Речь шла о том, чтобы “перекантовать” идею опреснителей, сыгравших такую большую роль в открытии Земли Ветлугина. Те же опреснители, пущенные в ход зимой, а не летом, должны были наморозить вокруг островов прочный ледяной барьер.

Дело в том, что морская вода замерзает не при 0, как пресная, а при минус 1,8 градуса. Стало быть, если в начале зимы опреснить близлежащие воды, лед подле островов станет образовываться раньше обычного и будет прочнее. Дополнительное опреснение требовалось проводить и весной, накануне таяния льдов, чтобы, по возможности, задержать, оттянуть его.

В этом была диалектика. То же явление как бы получало обратный знак — не плюс, а минус.

Мало того. Архипелаг, как известно, напоминал по своему строению губку. Это надо было использовать для его укрепления. С помощью взрывчатых веществ предполагалось разворотить зимой пошире расщелины, открыть настежь входы в ледяные гроты, чтобы дать доступ снегу и холодному воздуху. Архипелаг проморозить насквозь!

Это было второе, дополнительное мероприятие по укреплению важного аванпоста советской науки в Арктике.

Члены правительственной комиссии, инженеры, рабочие, научные сотрудники, расположившись на площадке перед домом (кают-компания не вместила всех), слушали Лизу с напряженным вниманием.

Я тоже делал заметки в блокноте, задавал вопросы — не все было ясно в проекте. Но что-то мешало мне слушать Лизу. Может быть, ветер, который ласково перебирал ее пушистые, пронизанные светом волосы? Может быть, взгляд, который она иногда останавливала на мне? Ореховые глаза ее были такими яркими, такими теплыми...

На аэродроме, два года назад, были совсем другими — грустными. Почему они были грустными?..

Спросить об этом?... А что ж такого? Подойду и спрошу! Вот кончится совещание, улучу момент — и...

Но не так-то просто оказалось улучшить момент. Постоянно толклись люди вокруг, отрывали то меня, то Лизу. Слишком тесно было в этот день на Земле Ветлугина. Разговор по “личному поводу”, приходилось, видно, отложить до Большой земли...

После совещания приезжие осматривали архипелаг.

Потом состоялся товарищеский ужин, на котором председательствовал Овчаренко.

Под конец ужина я незаметно ускользнул из-за стола, вышел из дому и сел на берегу. Через несколько минут угадал Андрея за спиной. Потом тихо подошла и села рядом с нами Лиза.

Мы молчали. Вдруг захотелось посидеть и помолчать. Нам было хорошо и помолчать друг с другом — столько обо всем переговорили до этого.

Солнце по-прежнему было высоко над горизонтом, но, взглянув на часы, я понял, что уже вечер.

Что ж! День был хорош... Расцвеченный мечтами, насыщенный борьбой, заверченный победой. Чего желать еще?

Быть может, читателю показалось, что мы слишком быстро — всего за два года — дошли до нашей земли?

Но ведь мы шли к ней всю жизнь, много лет, чуть не со школьной скамьи готовились к экспедиции.

Быть может, на пути к нашим островам было меньше приключений, чем когда-то надеялись в Восьегонске?

Да, эффектных событий произошло не так уж много. В Арктике главное — труд, упорный, повседневный, будничный. Но разве не пережили мы самое увлекательное из того, что может пожелать ученый, — приключения мысли?

Местонахождение Земли Ветлугина, затерянной среди пловучих льдов, впервые было определено на расстоянии десятка тысяч километров от нее — в захолустном уездном Восьегонске, а происхождение разгадано по пути к ней в царской каторжной Сибири... Мысль, сосредоточенная, ищущая, все время обгоняла, опережала путешественников...

И сейчас по-прежнему она летела впереди!

Благодаря Земле Ветлугина плавание на заключительном этапе Северного Морского пути совершалось с открытыми глазами.

Радость всякого научного открытия можно сравнить с восхождением на высокую гору.

По мере подъема все больше предметов вокруг охватывает пытливый взор. Путник забывает об усталости, поглощенный открывающимся перед ним зрелищем. Из тумана, клубящегося внизу, из хаоса фактов, догадок, сопоставлений возникает постепенно обширная, прекрасная, никем не виданная до него страна.

Но с каждым шагом еще шире, еще просторнее распаивается мир. В туманной дымке теряются его границы. Что же скрыто там, за этой новой, манящей чертой неведомого?..

— Мечтает! — утвердительно сказала Лиза за моей спиной. — А о чем? Куда улетели твои мысли, Леша? Каким курсом?

— Все тем же, — улыбнулся я: — курсом норд-ост.

Лиза недоумевающе молчала.

— К норд-осту от Земли Ветлугина располагается полюс недоступности, — пояснил Андрей.

— А!..

— Да, полюс... узел тайн, — продолжал я. — Пора же наконец распутать его! Советские магнитологи предполагают там наличие второго магнитного полюса. Геофизики, метеорологи, океанологи надеются найти разрешение загадки потепления Арктики... Заманчивое местечко для ученого, не так ли?

— Я еще с прошлой осени думаю об этом, — медленно сказал Андрей. — Превратить Землю Ветлугина в опорный пункт, в базу полярной авиации. Наладить регулярные полеты в район полюса недоступности...

— С высадкой на лед.

— Да, конечно, с высадкой на лед.

— Тебя не отпустят в институте. Надо заканчивать обработку научных материалов, собранных во время плавания на “Пятилетке”.

— Ну что ж! — Андрей обернулся к Лизе, шутливо сказал: — “Дан приказ: ему — на запад...” А ей?

— О! “Ей — в другую сторону...” — Лиза упрямо тряхнула головой. — Когда отвоюем архипелаг от океана, буду проситься на Таймыр.

— Почему?

— Хочу строить в Арктике города. Строить красиво, прочно, чтобы не брали их ни мороз сверху, ни вечная мерзлота снизу...

— Ты мечтала об этом еще в Москве...

— Да... Вечная мерзлота. Вечная!.. Это так считали когда-то, что она вечная...

Я посмотрел на нее. Она сидела на земле, обхватив колени руками, рассеянным взглядом провожая льдины, проплывавшие вдали.

— Нет, а я надеюсь, что встретимся — все трое — на полюсе недоступности, — сказал Андрей.

— Я приглашаю вас на Таймыр, — откликнулась Лиза.

— Встретимся где-нибудь, — сказал я. — В какой-нибудь географической точке, и, быть может, совершенно неожиданно, пересекутся наши пути... Арктика велика...

И мы снова замолчали, глядя на северо-восток.

Там, за смутной чертой горизонта, лежал полюс относительной недоступности, огромное “белое пятно” на карте Арктики.

Здесь же, на нашем острове, кипела жизнь. Водолазы, прибывшие на “Пятилетке”, уже начали осмотр подводной части “фундамента”. Чуть подалее от водолазных буйков гидрологи делали промеры дна со шлюпки. На аэродроме сустились механики, закрепляя тросами самолеты, — Васечка Синицкий дал неблагоприятный прогноз. На архипелаг двигалась с востока буря.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно...

Нет, наше Восточно-Сибирское море было “людимо”. Вон сколько людей, советских людей, хлопочет, трудится на его самой отдаленной окраине! По своему вкусу они переделывают Арктику, создают ее заново!

Мне вспомнились слова Ленина:

“Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт”.

И этими словами хочется закончить книгу о Земле Ветлугина — земле, которая была сначала угадана, увидена “умными очами” и лишь впоследствии найдена, положена на карту.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В своей повести “Архипелаг Исчезающих Островов” Л. Платов использовал богатейший географический материал.

Замысел повести правдив. В Арктике существуют острова, сложенные из осадочных пород и ископаемого льда. Они постепенно разрушаются. В море Лаптевых исчезли таким образом острова Васильевский и Семёновский.

Мне самому пришлось зимовать на острове Уединения, который быстро меняет свою форму и постепенно уменьшается в размерах. Морской прибой за десять лет обрезал западный возвышенный берег на двадцать—двадцать пять метров. Жилой дом, построенный в 1934 году в двадцати метрах от западного берега, в 1942 году уже висел над обрывом. Его пришлось разобрать, а более легкие постройки, прилегавшие к дому, передвинуть на восток, в глубь острова. Озеро в южной части острова за это же время превратилось в бухту.

Такие острова и описаны в повести Л.Платова.

В действительности Земля Ветлугина не существует. Однако автор сумел с большой добросовестностью подвести под свой художественный вымысел прочную научную базу. Можно думать, что это привлечет внимание молодого читателя к повести “Архипелаг Исчезающих Островов” и воодушевит его увлекательной романтикой научных открытий.

В. Назаров,

кандидат географических наук, начальник отделения
приполярных морей Океанографического института

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Глава первая.</i> Учитель географии	5
<i>Глава вторая.</i> Душа общества	12
<i>Глава третья.</i> Свет в окне	21
<i>Глава четвертая.</i> Человек с тенью	30
<i>Глава пятая.</i> Прозвище	36
<i>Глава шестая.</i> Тень человека	39
<i>Глава седьмая.</i> Зигзаг на карте	47
<i>Глава восьмая.</i> Вперед, к островам!	57
<i>Глава девятая.</i> “Скорей Весьегонск с места сойдет...”	72
<i>Глава десятая.</i> Тройка по поведению	80

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

<i>Глава первая.</i> Снова вместе	95
<i>Глава вторая.</i> Стрелка указывает на норд-ост	106
<i>Глава третья.</i> “Скрытный” песец	114
<i>Глава четвертая.</i> Последний мираж	125
<i>Глава пятая.</i> Ветлугин против Текльтона	135
<i>Глава шестая.</i> На пороге	144
<i>Глава седьмая.</i> Три флакона Сабирова	156
<i>Глава восьмая.</i> Уход Весьегонска	163
<i>Глава девятая.</i> На берегу моря	172
<i>Глава десятая.</i> Весть от Петра Ариановича	192

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

<i>Глава первая.</i> Сигнал “добро”	210
<i>Глава вторая.</i> На травёрзе миража	224
<i>Глава третья.</i> Причуды ветра и “мертвая вода”	240
<i>Глава четвертая.</i> К Земле Ветлугина напролом	253
<i>Глава пятая.</i> Попутные льды	276
<i>Глава шестая.</i> Внутрь зигзага	292
<i>Глава седьмая.</i> Отвага с запальчивостью	306
<i>Глава восьмая.</i> На вулкане	315
<i>Глава девятая.</i> Донести опреснители до зигзага!	329
<i>Глава десятая.</i> Теперь пора!	341
<i>Глава одиннадцатая.</i> Время истекает	354
<i>Глава двенадцатая.</i> Флаг Советского Союза	369
Послесловие	389

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва 47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор **М.Брусиловская**.
Художественный редактор **Н.Яцкевич**.
Технический редактор **Т.Добровольнова**.
Корректоры
Е.Вильтер и **Р.Мишелевич**.

Сдано в набор 9/II 1952 г. Подписано к печати 7/VII 1952 г. Формат 70×108¹/₃₂ — 6,13 бум. = 16,78 печ. л. (16,97 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз. А05162. Заказ № 218. Цена 7 р. 60 к. Номинал — по прейскуранту 1952 года.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сущевский вал, 49.